

Август. Жизнь и времена основателя Римской империи

Эвелин С. Шакбург

AUGUSTUS

THE LIFE AND TIMES OF THE
FOUNDER OF THE ROMAN EMPIRE

(B.C. 63—A.D. 14)

BY

E. S. SHUCKBURGH, LITT.D.

LATE FELLOW OF EMMANUEL COLLEGE, CAMBRIDGE

ILLUSTRATED

LONDON : T. FISHER UNWIN
PATERNOSTER SQUARE • 1903

The Project Gutenberg eBook of Augustus: Жизнь и времена основателя Римской империи

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Augustus: Жизнь и времена основателя Римской империи

Автор: Эвелин С. Шакбург

Дата выхода: 25 октября 2021 года [eBook #66609].

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Wouter Franssen и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK AUGUSTUS: THE LIFE AND TIMES OF THE FOUNDER OF THE ROMAN EMPIRE ***

АВГУСТ

Работы по римской истории и др.

РИМСКАЯ ЖИЗНЬ ПРИ ЦАРЯХ.

Эмиль Томас. С многочисленными иллюстрациями. Маленький деми 8vo, ткань, 7s. 6d.

РИМ И ПОМПЕИ.

Гастон Буассье. Перевод Д. Хэвелока Фишера. С картами и планами. Большая корона 8vo, ткань, 7s. 6d.

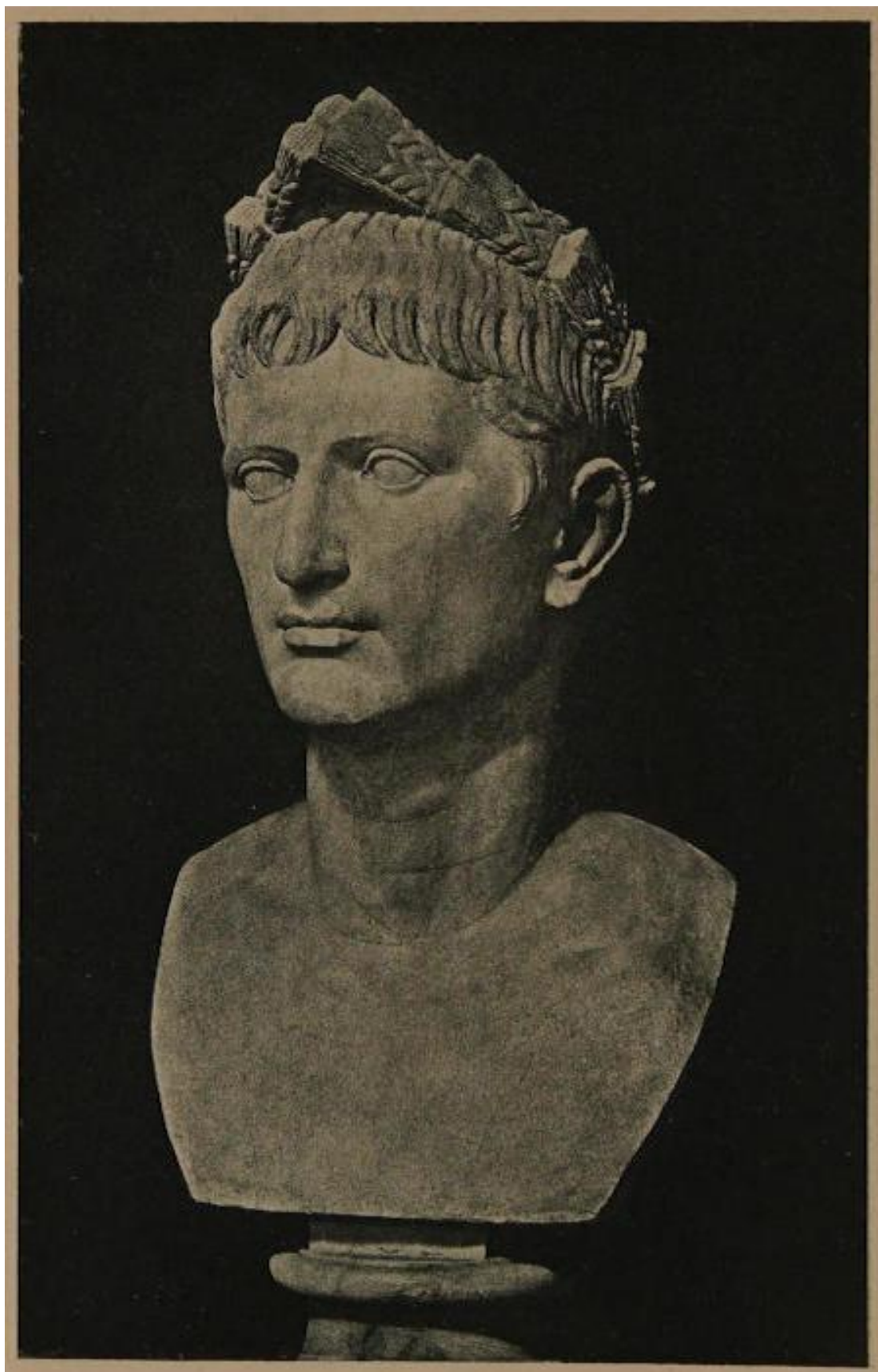
СТРАНА ГОРАЦИЯ И ВИРГИЛИЯ.

Гастон Буассье. Перевод Д. Хэвелока Фишера. Большая корона 8vo, ткань, 7s. 6d.

РИМ: С древнейших времен до конца Республики.

Артур Гилман, М.А. 3-е издание. С картой и многочисленными иллюстрациями. Большой коронный 8vo, ткань, 5s. ("История народов").

LONDON: T. FISHER UNWIN.

AUGUSTUS

C Corona Civica

Фотография с бюста в Ватиканском музее
Ed^{ne} Alinari

AUGUSTUS

ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ ОСНОВАТЕЛЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

(63 Г. ДО Н. Э. - 14 Г. Н. Э.)

BY E. S. SHUCKBURGH, Litt.D.

ПОКОЙНЫЙ СТИПЕНДИАТ ЭММАНУЭЛЬСКОГО КОЛЛЕДЖА, КЕМБРИДЖ

ILLUSTRATED

ЛОНДОН: Т. ФИШЕР УНВИН
ПАТЕРНОСТЕР-СКВЕР - 1903 Г.

(Все права защищены.)

Предисловие

Август был гораздо менее привлекателен для биографов, чем Юлий; возможно, потому, что солдат интереснее государственного деятеля; возможно, потому, что нотка гениальности, заметная в дяде, отсутствовала в племяннике. И все же Август был самым успешным из известных нам правителей. Он нашел свой мир, как казалось, на грани полного краха. Он вызвал порядок из хаоса, избавился один за другим от всех элементов оппозиции, установил практически новую форму правления без слишком резкого разрыва с прошлым, вдохнул новый смысл в старые имена и институты и смог выступить в качестве реформатора, а не новатора, при этом даже те, кто больше всего потерял от перемен, были успокоены и подчинились без явной потери самоуважения. Он неустанно трудился над поддержанием установленного порядка, и почти каждая часть его великой империи имела основания быть благодарной за возросшую безопасность, растущее процветание и дополнительные удобства жизни. Нельзя также сказать, что он пожинал плоды, причитающиеся, по правде

говоря, министрам. У него были прекрасные министры и агенты, способностями в том или ином направлении превосходившие его самого; но ни один из них не мог занять его место в целом. Он был центром, из которого исходила их деятельность: он был вдохновителем, тщательным организатором, неутомимым манипулятором деталями, к которому все обращались, и редко напрасно, за поддержкой и руководством. К этому можно добавить никогда не забываемое достоинство, дополненное физической красотой и грацией, которые способствовали благоговейному отношению к его персоне и должности и утвердили чувства, которые недостойность некоторых его преемников не смогла полностью уничтожить. Именно он, а не Юлий, был основателем империи, и именно на него оглядывались последующие императоры как на источник своей власти.

Однако его достижения интересовали людей меньше, чем завоевание Галлии и победы в гражданской войне, одержанные с удивительной быстротой и великолепной смелостью Юлием. Поэтому современные оценки характера и целей Августа были сравнительно немногочисленны. В настоящее время в Германии выходит исчерпывающий трактат В. Гардтхаузена, который станет наиболее полным хранилищем фактов. Не претендуя на такую проработку деталей, я попытался на этих страницах хоть как-то исправить баланс и дать представление об этом человеке, как я его себе представлял. Единственное скромное достоинство моей книги заключается в том, что она основана на настолько полном изучении древних авторитетов и источников информации, насколько я мог это сделать, без сознательного подражания какому-либо современному писателю. Эти авторитеты лучше всего подходят для более раннего периода, примерно до 24 г. до н. э., когда у них были собственные мемуары императора, на которые можно было опереться. О многообразной деятельности его последующей жизни можно судить, главным образом, по надписям и памятникам, в которых зафиксирована забота, не оставлявшая без внимания ни одну, сколь угодно отдаленную часть империи. В эти поздние годы те истории, которые мы имеем, больше связаны с войнами и военными движениями, чем с управлением. Суэтоний полон хороших вещей, но он лишен хронологического или систематического порядка, и ему не хватает критического духа, чтобы отличить безответственные слухи от исторических фактов. Дио Кассий, всегда простой и честный, становится все менее и менее полным по мере того, как продолжается царствование. Веллий, который мог бы, по крайней мере, дать нам полные подробности поздних германских войн, редко бывает определенным и точным, и утомляет преданностью одному герою Тиберию, а также раздражающим стилем.

Моей целью было проиллюстрировать политику Августа, постоянно ссылаясь на точку зрения двора, представленную поэтами. Но в поздние годы Овидий плохо заменяет Горация с этой точки зрения. Собственный каталог достижений императора, сохранившийся на стенах храма в Анцире, является наилучшим возможным резюме; но это все-таки резюме, и его необходимо довести до ума путем тщательного изучения и сравнения.

Конституционная история царствования - это то, что обычно привлекает наибольшее внимание. Я постарался четко изложить факты. По поводу их точного значения мнения будут расходиться. Я высказал свое собственное мнение, и могу лишь сказать, что оно сформировалось самостоятельно на основе изучения наших авторитетов.

Я не пытался представить своего героя безупречным или сделать черное белым. Ничто не может снять с Августа обвинения в жестокости вплоть до 31 года до н. э. Но при суждении о нем необходимо учитывать его возраст и обстоятельства. Мы не должны, во всяком случае, допускать, чтобы наши суждения о его последующей государственной деятельности

определялись воспоминаниями о его поведении во времена гражданской войны и смятения. Ему удалось восстановить общество, потрясенное до основания. Мы должны признать это и принять плохое вместе с хорошим. Но это ложная критика - отрицать или заслонять одно от восхищения другим.

Я должен поблагодарить руководство Британского музея за слепки монет, воспроизведенные в этой книге, а также синдикат Питт Пресс, Кембридж, за предоставление некоторых других слепков.

Содержание

	Страница
Предисловие	v
ГЛАВА I.	
Детство и юность, 63-44 гг. до н. э.	1
ГЛАВА II.	
Римская империя после смерти Юлия Цезаря	17
ГЛАВА III.	
Наследство	34
ГЛАВА IV.	
Консульство и триумvirат	53
ГЛАВА V.	
Филиппы	79
ГЛАВА VI.	
Перузия и Сицилия	89
ГЛАВА VII.	
Актиум	109
ГЛАВА VIII.	
Новая конституция, 30-23 гг. до н.э.	131
ГЛАВА IX.	
Первый принципат, 27-23 гг. до н.э.	151
ГЛАВА X.	
Императорская и военная политика Августа	171
ГЛАВА XI.	
Август и его поклонники	194
ГЛАВА XII.	
Реформатор и законодатель	212
ГЛАВА XIII.	
Последующая жизнь и семейные неурядицы	233

ГЛАВА XIV.

Последние дни 247

ГЛАВА XV.

Император Август, его характер и цели, его дела и друзья 265

Рассказ Августа о своем правлении 293

(Из надписи в храме Рима и Августа в Ангоре)

ИНДЕКС 303

Список иллюстраций

Август с <i>Corona Civica</i> . (С бюста в Ватиканском музее)	Фронтиспис	
Молодой Октавий. (С бюста в Ватиканском музее)	Лицевая сторона с.	10
Монета. М. Брут. Рев. Два кинжала и шапка Свободы	"	16
" Obv. Голова Августа с бородой в знак траура. Рев. Divus Iulius	"	16
" Obv. Голова Агриппы. Cos. III. m.e. 27 г. до н.э. Рев. Эмблематическая фигура	"	16
" Obv. Голова Августа с официальными титулами. Рев. Голова того же Августа с лучевой короной и Юлианской звездой	"	16
" Obv. Голова секста. Помпея. Рев. То же с титлами: <i>Præfectus Classis et oræ. Maritimæ</i>	"	16
Август обращается к войскам. (Со статуи в Ватикане)	"	108
Монета. Голова Августа. Рев. Сфинкс	"	130
" Obv. Головы Августа и Агриппы. Рев. Крокодил и пальма - Колония <i>Немауси</i> (Нисмес)	"	130
" Obv. Голова Августа. Рев. Триумфальная арка в честь восстановления дорог	"	130
" Obv. Голова Друза. Рев. Трофей с оружием, отнятый у немцев	"	130
" Obv. Голова Ливии. Рев. Голова Юлии	"	130
Алтарь, посвященный Ларесу Августа в 2 г. до н.э., <i>магистром vici</i> . (Галерея Уффици, Флоренция)	"	196
Август в роли сенатора. (Со статуи в галерее Уффици, Флоренция)	"	212
Юлия, дочь Августа. (С бюста в галерее Уффици, Флоренция)	"	234
Ливия, жена Августа. (С бюста в галерее Уффици, Флоренция) (стр. 274)	"	234
Мекенас. (С головы в Палаццо деи Консерватори, Рим)	"	279
P. Vergilius Maro. (С бюста в Капитолийском музее, Рим) (стр. 284)	"	279

ГЛАВА I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ, 63-44 ГГ. ДО Н.Э.

Iam nova progenies

cœlo demittitur alto.

Рождение Августа, 23 сентября 63 г. до н.э.

В доме на восточном углу Палатина, называвшемся "У Оксхедов"[1], 23 сентября 63 г. до н. э. - примерно за девять недель до казни заговорщиков-катилинистов по приказу Цицерона - родился ребенок, которому суждено было завершить эпоху гражданских войн, начатую таким образом, организовать Римскую империю и быть ее хозяином в течение сорока четырех лет.

Отцом ребенка был Гай Октавий, выходец из плебейского рода *Октавия*, из семьи, издавна занимавшей высокое положение в старом вольском городе Велитрэ. Две ветви Октавиев происходили от К. Октавия Руфа, квестора в 230 г. до н.э. Старшая ветвь произвела на свет пять консулов и других римских магистратов, но из младшей ветви Гай Октавий, отец Августа, первым занял должность курула. Согласно надписи, впоследствии помещенной его сыном в *сакрарий* дворца,[2] он дважды занимал пост военного трибуна, был квестором, плебейским эдилом, *iudex quaestionum* и претором. После преторства (61 г. до н. э.) он управлял Македонией с выдающимися способностями и справедливостью. Цицерон называет его образцовым администратором провинции; он был достаточно успешен в борьбе с бессами и другими фракийскими племенами - постоянными бичами Македонии, чтобы его солдаты называли его "императором". Он вернулся в Италию в конце 59 г. до н. э., намереваясь в следующем году стать кандидатом в консулы, но в начале 58 г. до н. э. внезапно умер на своей вилле в Ноле, в той же палате, в которой семьдесят два года спустя умер его сын[3].

Мать Августа.

Матерью юного Гая Октавия была Атия, дочь Атия Бальбуса[4] из Велитры, и Юлия, сестра Гая Юлия Сезара. Эта связь с Сезаром - уже набирающим политическую значимость - могла сделать его рождение интересным для общества, но зловещие обстоятельства, которые, как говорят, сопровождали его, несомненно, объясняются любопытством или легковерием следующего поколения. Жителям Велитры, как сообщается, оракул поведал, что там должен родиться повелитель империи. Говорят, что незадолго до его рождения в Риме ходили слухи о том, что на свет должен появиться "царь римского народа". Его мать видела странные сны, а ученый Публий Нигидий пророчествовал о рождении владыки мира; Катулл и Цицерон видели видения[5]. Но на самом деле в его младенчестве, которое прошло с приемной сестрой в Велитре, не было ничего таинственного или необычного. Когда ему было два года, его отец, направляясь в свою провинцию, успешно выполнил приказ сената уничтожить банду разбойников близ Турия, в которой, как говорят, были последователи Спартака и Катилины. В память об этом успехе родители дали мальчику прозвище Турин. Похоже, он никогда не пользовался этим именем, хотя Суетоний утверждает, что однажды ему попался бюст ребенка с этим именем, начертанным почти неразборчивыми буквами. Он подарил его Адриану, который поместил его в свой личный *сакрарий*[6].

Отчим Августа.

Двоюродный дядя Августа.

Первый триумвират и его результаты.

Около 57 или 56 года до н. э.^[7] его мать Атия вышла замуж вторично. Ее мужем был Л. Марций Филипп (претор до 60 г. до н. э., правитель Сирии до 59-7 г. до н. э., консул до 56 г. до н. э.); и когда на девятом году жизни Октавий лишился приемной матери, он стал постоянным членом семьи отчима. Филипп не отличался особой силой, но принадлежал к высшему обществу и, хотя и был противником Цезаря в политике, по-видимому, сумел сохранить с ним хорошие отношения.^[8] Но во время детства своего внучатого племянника Цезарь мало бывал в Риме. Став претором в 62 г. до н. э., в следующем году он отправился в Испанию. Он вернулся в 60 г. до н. э., чтобы выставить свою кандидатуру на пост консула, и вскоре после консулата, в начале 58 г. до н. э., отправился в Галлию, откуда не возвращался в Рим до 49 г. до н. э., пока не вступил в бой. Но хотя летом он был занят в своих знаменитых походах за Альпы, большую часть зимы он провел в Северной Италии - в Равенне или Лукке, где принимал своих сторонников и поддерживал связь с внутренней политикой, а также, вероятно, навещал своих родственников. Незадолго до вступления в должность консула он вместе с Помпеем и Крассом заключил соглашение о взаимной поддержке, известное как Первый триумvirат. Ряд событий, разрушивших эту комбинацию и сделавших гражданскую войну неизбежной, должен был быть хорошо известен мальчику. Он должен был знать, что лавровые депеши его двоюродного деда, сообщавшие о победе за победой, воспринимались с тайной тревогой многими вельможами, посещавшими Филиппа, и что эти люди стремились найти в Помпее лидера, способного затмить Сезара в народном воображении собственными победами и триумфами. Он был достаточно взрослым, чтобы понимать значение бунтов соперничавших между собой законопреступников Милон и Клодия, которые залили Рим кровью. Выборы за выборами срывались, и, наконец, после убийства Хлодия (январь 52 г. до н. э.) все взоры были прикованы к Помпею как к единственной надежде на мир и порядок. Много говорили о том, чтобы назвать его диктатором, но в итоге он стал единоличным консулом (очевидно, по решению сената) и оставался им до августа, когда провел выборы и избрал своим коллегой своего тестя, Метелла Сципиона.

Положение Помпея после 52 г. до н. э.

Таким образом, в результате этих беспорядков Помпей занял очень прочное положение. По сути, он был диктатором (*seditionis sedandæ causa*) под другим именем, и оптиматы поспешили заручиться его поддержкой. В 56 г. до н. э. по соглашению с Цезарем был принят закон, по которому Помпею на пять лет после его консульства в 55 г. до н. э. была передана вся Испания в качестве провинции. Поскольку управление Галлией Цезарем закончилось в конце 49 г. до н.э., Помпей получил бы *imperium* и армию, когда Цезарь покинул бы свою провинцию. Естественно, он должен был находиться в Испании, но сенат принял решение, что для блага государства Помпей должен оставаться вблизи Рима. Поэтому он управлял Испанией с помощью трех легатов и оставался за стенами города с *imperium*. Главная цель оптиматов состояла в том, чтобы Цезарь вернулся в Рим *privatus*, пока Помпей находится там в таком беспрецедентном положении. Сезар хотел стать консулом в 48 году до н.э. Оптиматы не стали открыто возражать против этого желания, но утверждали, что сначала он должен сложить с себя управление провинцией и военное командование и приехать в Рим, чтобы сделать *professio*, или официальное объявление о том, что он является кандидатом, обычным способом^[9].

Но Сезар отказался идти в эту ловушку. Он знал, что если он вернется домой в качестве *privatus*, то многие готовы преследовать его за его действия в Галлии, а с Помпеем, командовавшим там легионами, он был уверен, что можно добиться приговора, который нанесет ему политическое поражение. Поэтому он отстаивал право, закрепленное законом

55 г. до н. э. и усиленное собственным законом Помпея в 52 г. до н. э., - выдвигать свою кандидатуру на пост консула, не приезжая в Рим и не отказываясь от своей провинции и армии до истечения срока, установленного законом. Таким образом, он не оставался без *imperium* ни на один день, а прибывал в Рим в качестве консула.

Это был прямой вопрос. Помпей полагал, что его можно решить постановлением сената, либо запрещающим тому, кто был избран, получать голоса за Цезаря в его отсутствие, либо назначающим преемника в его провинции. Цезарь, утверждал он, конечно же, подчинится *сенату-консулу*. Но Цезарь стоял на своем, отказываясь назначать преемника до истечения срока, установленного законом, а также утверждая, что его кандидатура должна быть принята в его отсутствие - ведь это тоже было разрешено законом. Если ни одна из сторон не уступала, единственным возможным решением оставалась война^[10].

Провокация Цезаря.

Некоторое время Цезарь колебался. Он не видел надежды задобрить своих врагов или отделить от них Помпея. Смерть его дочери Юлии в 54 году до н. э. после нескольких лет брака с Помпеем разорвала крепкую связь между ними. Смерть Красса в 53 г. до н. э. устранила не столько человека с сильным характером, сколько того, чье огромное богатство дало ему такую власть над сенаторами, что любое сильное действие с их стороны, вопреки его желанию, было затруднено. После его смерти фактические провокации против Цезаря, безусловно, усилились. Лишение его под предлогом надвигающейся парфянской войны двух легионов, находившихся под оружием в Италии; оскорбление, нанесенное ему Марцеллом (консул 51 г. до н. э.), когда он выпорол магистрата своей новой колонии в Комуме, который, если бы колония считалась законно созданной, был бы освобожден от такого наказания; эти и другие подобные вещи показали Цезарю, чего ему следует ожидать, если он откажется от должности и армии. Поэтому он решил стоять на своих законных правах.

Гражданская война.

Законность была на его стороне, но давние предписания говорили в пользу того, что сенат должен подчиняться магистрату, особенно правителю провинции. Таким образом, ситуация зашла в тупик. Цезарь предпринял одну попытку - возможно, не очень искреннюю - чтобы выйти из него. В 50 году до н. э. он привлек на свою сторону Гая Курио, трибуна, который помог ему расплатиться с огромными долгами. Поэтому Курио, вместо того чтобы выступить против Цезаря, как ожидалось, наложил вето на все предложения о его отзыве. Его трибунство закончилось 9 декабря 50 г. до н. э., и он сразу же отправился к Цезарю в Равенну. Он рассказал ему о язвительности своих противников и призвал немедленно идти на Рим. Но Цезарь решил оправдаться, предложив мирное решение - "он готов передать свою провинцию и армию преемнику, если Помпей также откажется от Испании и распустит свои войска". Курио вернулся в Рим как раз к заседанию сената 1 января 49 года до н. э., привезя с собой депешу от Цезаря.

Большинство членов сената расценили ее как акт восстания. После дебатов, продолжавшихся пять дней, 7 января был принят декрет, предписывающий Цезарю в определенный день отказаться от провинции и армии под страхом быть объявленным виновным в измене. На это наложили вето два трибуна, М. Антоний и К. Кассий. Отказавшись, после обычных "напоминаний", снять свое вето, они были окончательно изгнаны и бежали в Ариминум, по пути присоединившись к Цезарю в Равенне. Затем сенат принял "*Senatus-consultum ultimum*", предписывающий магистратам и промагистратам "следить за тем, чтобы государство не пострадало", а сбор солдат, уже начатый Помпеем, было приказано провести во всех частях Италии.

Цезарь переходит Рубикон.

Узнав об этом, Цезарь обратился к единственному легиону, находившемуся с ним в Равенне, призывая его поддержать нарушивших закон трибунов. Удовлетворенный ответом на свое обращение, он предпринял последний шаг - перешел Рубикон и отправился в Ариминум, за пределы своей провинции.

Теперь обе стороны были неправы: сенат - тем, что насильно вмешался в действия трибунов, а Сезар - тем, что вошел в Италию. Поэтому была предпринята попытка достичь компромисса. Луций Цезарь - дальний родственник Юлия - посетил его в Ариминуме, принес с собой общие слова умеренности от Помпея, хотя, кажется, без каких-либо конкретных предложений. Однако Цезарь настолько изменил свое прежнее предложение, что предложил провести конференцию при том понимании, что сбор войск в Италии должен быть прекращен, а Помпей должен отправиться в свою испанскую провинцию. Получив это сообщение в Капуе, Помпей и консулы отказались от любых условий, пока Цезарь не уйдет из Ариминума в Галлию; хотя они и намекнули, не называя даты, что Помпей в таком случае отправится в Испанию. Но сбор войск не прекращался, и ответом на это стало триумфальное шествие Цезаря через Пиценум и Брундиций. Город за городом сдавался, и гарнизоны, поставленные в них Помпеем, присоединялись к наступающей армии, пока, наконец, большое войско, включавшее множество высокопоставленных людей, не сдалось в Корфиниуме. Сезар вошел в Италию только с одним легионом, но другие были вызваны из зимних кварталов в Цизальпинской Галлии, и к тому времени, когда он достиг Брундиция, Помпей оставил всякую мысль о сопротивлении ему в Италии и в стенах этого города готовился перейти в Эпир, куда уже отправились консулы с основной частью его войск. У Сезара не было кораблей, чтобы преследовать его. Он решил ускорить свое бегство, пригрозив заблокировать гавань. Помпей благополучно покинул Италию и отправился в Рим, чтобы организовать свое очередное избрание в консулы. Встретив там противодействие^[11] - один из трибунов, Л. Цецилий Метелл, наложил вето на все предложения в сенате, - он поспешил в Испанию, чтобы напасть на легатов Помпея, остановившись по пути, чтобы организовать осаду Марселя (который принял Агенобарб, названный преемником Цезаря в Галлии), и отправить легатов для обеспечения безопасности Сицилии, Сардинии и Африки. Единственная неудача постигла их в Африке, где Курио был разбит и убит. Таким образом, эта провинция осталась в руках помпеевцев; но успехи самого Цезаря в Испании, падение Марселя и захват запасов кукурузы в Сицилии и Сардинии поставили его в сильное положение. Конституционная трудность была преодолена; он был назначен диктатором для проведения выборов, вернулся консулом и, пробыв одиннадцать дней в Риме на Латинских играх, 3 января 48 г. до н. э. отплыл в Брундиций, чтобы напасть на Помпея в Эпире.

Юлий Цезарь - хозяин римского мира, 47 г. до н. э.

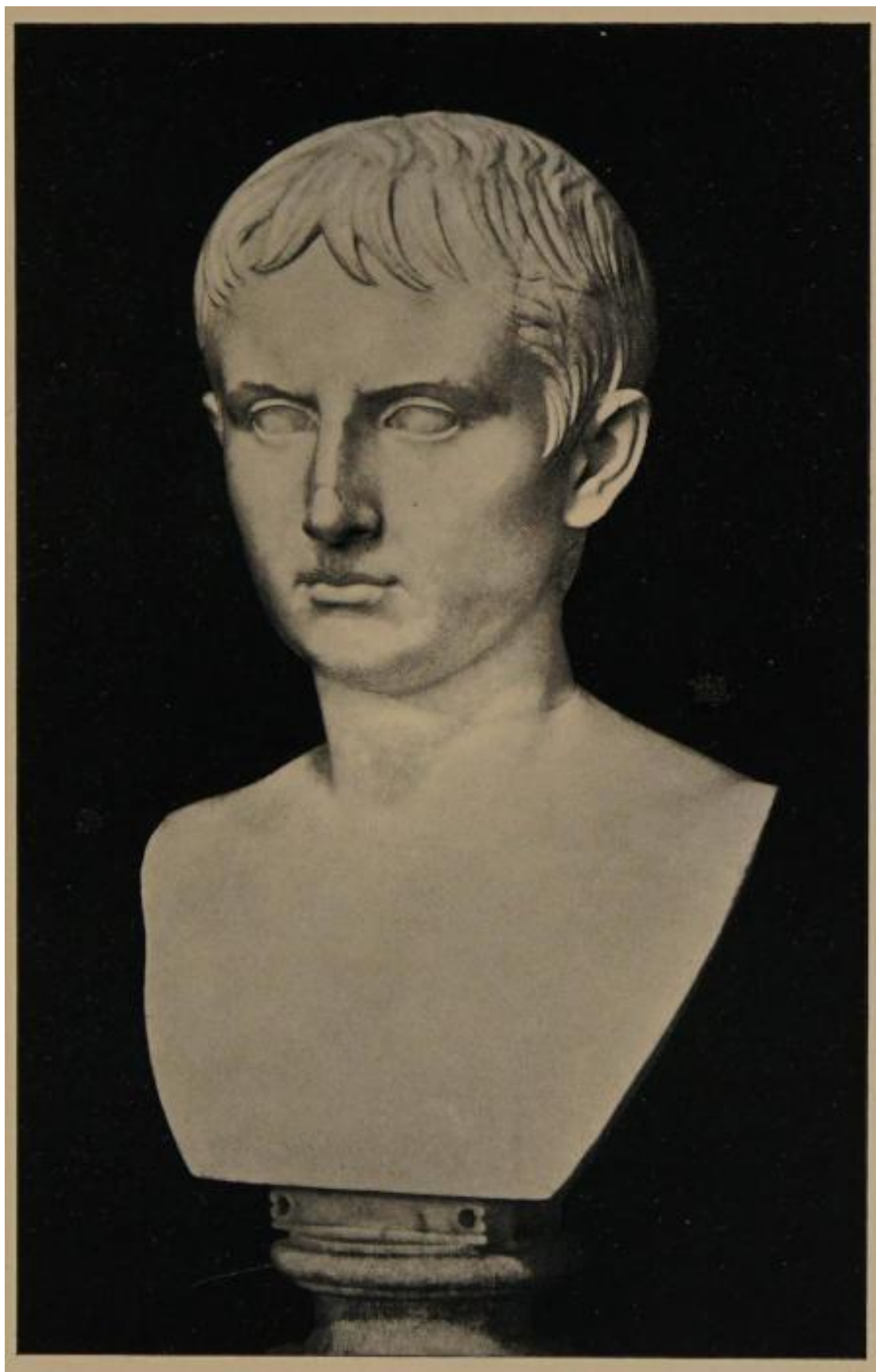
Нет необходимости следить за событиями последующих шести месяцев. Цезарю пришлось бороться с большими трудностями, так как Помпей, как хозяин моря, имел надежную базу снабжения, и поэтому, хотя Цезарь провел огромные линии вокруг своего лагеря, он не мог выбить его голодом. Помпей, по сути, прорвал линию Сезара и победил его не в одном сражении. В конце концов, однако, Цезарь оттеснил его в Фессалию, а великая победа при Фарсалии (9 августа) компенсировала все. Помпей бежал в Египет, чтобы встретить свою смерть на берегу по приказу вероломного молодого царя; и хотя Сезару еще предстояла изнурительная работа, прежде чем Египет будет приведен к повиновению, а затем ему пришлось пересечь Малую Азию, чтобы разбить Фарнака Понтийского у Зелы, когда он снова ступил на землю Италии в сентябре 47 года до н. э., он уже был создан диктатором и практически владел римским миром.

Октавий принимает *тогу вирилиса* и становится понтификом, 48 г. до н. э.

В этих судьбоносных событиях юный Октавий не принимал никакого участия. В начале 49 года до н. э. он был отослан в одно из своих родовых поместий в деревне. Но мы не можем считать его неспособным понять их важность или незаинтересованным зрителем. Его отчим Филипп был по симпатиям помпеевцем, но тесная связь с Цезарем не позволила ему принять активное участие в войне, и ему было позволено остаться в Италии, вероятно, по большей части на своей кампанском вилле. Однако время от времени он приезжал в Рим, и к Октавию, который теперь полностью жил с ним, стали относиться с почтением, естественным для близкого родственника победоносного диктатора. Вскоре после известия о Фарсалии он принял *тогу virilis* и примерно в то же время был избран в коллегию понтификов вместо павшего в битве Л. Домиция Агенобарба. Это была должность, желанная для самых высоких в стране, и избрание столь юного юноши, которому только что исполнилось шестнадцать лет, ставило его в положение, подобное положению принца крови; точно так же, как впоследствии Август назначил двух своих внуков консулами и объявил их способными к официальной работе, как только они приняли *toga virilis*^[12].

Отношения Октавия с родителями и двоюродным дедом.

Мальчик, который за три года до этого произвел большое впечатление, *произнес* речь на похоронах своей бабушки Юлии, снова привлек к себе внимание своей внешностью и скромностью. Он вошел в моду; и когда (как это было принято у понтификов) он председательствовал в преторском суде во время *feriæ Latinæ*, было замечено, что он был более заполнен женихами и их друзьями, чем любой из других. Похоже, что редкость его появления в Риме усиливала интерес, вызванный успехами его двоюродного деда. Его мать не ослабляла бдительности. Хотя по закону он уже был мужчиной, его по-прежнему тщательно оберегали. Он должен был спать в той же простой комнате, посещать те же дома и вести тот же образ жизни, что и раньше. Даже религиозные обряды он совершал до рассвета, чтобы избежать томительных взглядов заинтригованных красавиц. Эти меры предосторожности были подкреплены его собственным холодным и осторожным темпераментом, и в результате, похоже, он прошел через опасную стадию юности - вдвойне опасную для того, кто теперь практически стал принцем, - не заразившись грубыми пороками Рима. Истории об обратном, распространяемые впоследствии его врагами, носят самый необоснованный и недостоверный характер.

Молодой Октавий.

Фотография с бюста в Ватикане, выполненная Эдне. Алинари.

Лицевая сторона страницы 10.

Желает отправиться в Африку вместе с Цезарем.

Но хотя он, по-видимому, спокойно подчинился этой опеке, вскоре у него появилось горячее желание участвовать в деятельности своего двоюродного деда. С начала гражданской войны Цезарь очень мало бывал в Риме. Несколько дней в марте 49 года до н. э., тринадцать дней в декабре того же года - вот и все, что он провел в городе. Он отсутствовал в течение всего своего консульства (48 г. до н. э.) до сентября 47 г. до н. э. После возвращения из Александрии в том же месяце он пробыл в Риме едва ли три месяца. 19 декабря он был в Лилибее, направляясь в Африку, чтобы напасть на оставшихся в живых помпеянцев. Октавий очень хотел поехать с ним, и Цезарь согласился взять его с собой. Но здоровье его было неважным, да и мать была против. Диктатор, несомненно, мог бы настоять на своем, но он видел, что мальчик не в состоянии выдержать усталость кампании. Октавий покорился, спокойно дожидаясь своего часа. Он был вознагражден тем, что, вернувшись в 46 году до н. э. после победы при Фапсе, оказался в большом фаворе у своего двоюродного деда. Он был допущен к тройному триумфу, ехал на колеснице сразу за колесницей императора, одетый в военную форму, как будто действительно участвовал в сражении. Кроме того, он обнаружил, что достаточно заинтересован в Цезаре, чтобы добиться помилования брата своего друга Агриппы, взятого в плен в помпеянской армии в Африке. Это первое использование его влияния произвело хорошее впечатление, не ослабив при этом привязанности двоюродного деда к нему. Хотя Цезарь не усыновил его официально,^[13] он открыто обращался с ним как с своим ближайшим родственником и наследником. Октавий ехал рядом с ним во время триумфа, стоял рядом с ним во время жертвоприношения, имел преимущество перед всеми сотрудниками и придворными, которые окружали его, и сопровождал его в театры и на банкеты. Вскоре его стали осаждать прошениями, которые он должен был передать Цезарю, и он проявлял такт и добродушие при их рассмотрении. Эта тесная связь с мудрым и великодушным диктатором внушала ему теплое восхищение и привязанность, которые помогают объяснить и оправдать суровость, с которой он впоследствии преследовал своих убийц.

Октавий занят выполнением гражданских обязанностей, 46 г. до н. э.

Чтобы дать ему опыт в выполнении гражданских обязанностей, один из театров был передан в его ведение. Но его усердное внимание к этой обязанности в жаркое время года привело к опасной болезни, одной из многих, с которыми он столкнулся за свою долгую жизнь. Все сожалели о том, что столь многообещающая карьера оборвалась. Цезарь ежедневно навещал его или посылал к нему друзей, настаивал на том, чтобы врачи постоянно находились рядом с ним, а когда за ужином ему сообщили, что мальчик упал в обморок и ему грозит опасность, он вскочил с дивана и, не дожидаясь, пока сменят столовые тапочки, поспешил в свою палату, трогательно попросил врачей сделать все возможное и, усевшись у кровати, проявил живейшую радость, когда пациент оправился от обморока.

Октавий следует за Цезарем в Испанию, 45 г. до н. э.

Октавий был слишком слаб, чтобы сопровождать диктатора, когда тот отправился в Испанию против сыновей Помпея в декабре 46 года до н.э. Но как только он достаточно поправился, он решил последовать за ним. Он отказался от любой компании, кроме нескольких избранных друзей и самых активных из своих рабов. Он не признал желания своей матери отправиться с ним. Раньше он уступал ей, но теперь решил принять участие в мужском деле в одиночку. Его путешествие в начале 45 года до н. э. оказалось долгим и опасным, и когда он высадился в Таррако, то обнаружил, что его дядя уже находится на крайнем юге Испании, где-то между Кадисом и Гибралтаром. Дороги были опасны из-за разрозненных групп

враждебных туземцев или аванпостов противника, а его эскорт был невелик. Тем не менее, он энергично продвигался вперед и достиг покоев Сезара близ Кальпе, куда тот выдвинулся после победы при Мунде (17 марта). Гней Помпей бежал на корабле, но был убит при высадке за водой 11 апреля, и, видимо, как раз в это время Октавий добрался до лагеря. Тепло принятый и высоко оцененный Диктатором за его энергию, он сразу же был допущен к его столу и близкому общению, во время которого Сезар еще больше оценил быстроту его ума и тщательный контроль, который он держал за своим языком.

Октавий сопровождает своего двоюродного деда в Карфаген.

После того как дела в Южной Испании были, по-видимому, улажены (хотя, как оказалось, опасность еще не миновала), Октавий сопровождает Цезаря в Карфаген, чтобы уладить вопросы, возникшие в связи с распределением земель в его новой колонии. К диктатору приезжали депутаты из разных греческих государств, высказывая претензии или прося об услугах. Не один из них обратился к Октавию с просьбой отстаивать их интересы, и у него снова появилась возможность получить практический опыт в делах императорского правления, причем в самой лучшей школе.

Он сопровождал Сезара по возвращении в Рим, и по прибытии ему снова довелось продемонстрировать свою осторожность и благоразумие. Среди тех, кто встречал его в обычной процессии с комплиментами, был молодой человек, который каким-то образом сумел сделать себя популярным героем, выдавая себя за внука великого Мария. На самом деле его звали Аматий или Герофил, по некоторым данным, ветеринарный врач, но, несомненно, он был скромного происхождения. Поскольку Марий был женат на тетке Цезаря Юлии, этот человек очень хотел, чтобы диктатор признал его двоюродным братом. Он тщетно просил Цицерона взяться за его дело, а Атию и ее сводную сестру - признать его. Трудность для Октавия заключалась в том, что этот человек был любимцем народа, за дело которого ратовал Цезарь; однако его признание было бы оскорбительным для знати и просто уступкой шумихе. Октавий избежал этой ловушки, передав дело на рассмотрение Сезара как главы государства и семьи и отказавшись принять потенциального Мария до его решения[14].

Октавий в Аполлонии, 45-44 гг. до н. э.

Однако он недолго оставался в Риме. Сезар вернулся в сентябре, а в марте следующего года на него было совершено покушение. И хотя в этот промежуток времени у него нашлось время для многих законодательных планов, восстановления и улучшения города, он был занят подготовкой к двум экспедициям, рассчитанным на три года: первая - против даков или гетов на Дунае, вторая - против парфян в Месопотамии. Это были две точки активной опасности в империи, и Сезар хотел увенчать свои государственные заслуги обеспечением их мира и безопасности. С этой целью шесть легионов были расквартированы на зиму в Македонии в готовности к походу по Виа Эгнатия к восточному побережью Греции. Вернувшись из Испании пожизненным диктатором, Сезар должен был иметь двух "повелителей коней". Одним из них должен был стать Октавий, которого сенат тем временем сделал патрицием[15]. Но пока его отправили провести зиму в Аполлонии, греческой колонии в начале Виа Эгнатия, где он мог спокойно продолжить обучение у риторов и других учителей, которых он взял с собой или нашел там,[16] и в то же время получить военную подготовку в легионах, которые находились неподалеку. Его сопровождали некоторые из молодых людей, с которыми он обычно общался. Среди них были Агриппа и Мекенас, которые оставались его друзьями и служителями до конца жизни, и Сальвидиен Руф, который почти единственный из его первых друзей оказался неверным[17].

Похоже, что он вел тихую жизнь в Аполлонии, завоевав золотые отзывы в городе и у своих учителей за свою ученость и регулярность. Восхищение и преданность его друзей подтвердились, а многие офицеры легионов, похоже, решили считать его лучшим из возможных преемников Диктатора.

Весть об убийстве Сезара дошла до Аполлонии.

На шестом месяце его проживания в Аполлонии, во второй половине мартовского дня, прибыл вольноотпущенник его матери со всеми признаками быстрого путешествия и волнения. Он доставил письмо из Атии, датированное 15 марта. В нем кратко сообщалось, что на диктатора только что было совершено покушение в доме сената. Она добавляла, что "не знает, что произойдет дальше; но теперь ему пора сыграть роль человека, подумать и действовать к лучшему в этом ужасном кризисе"^[18] Предъявитель письма больше ничего не мог ему сказать, так как был отправлен на сразу после убийства и нигде не задерживался по дороге; только он был уверен, что, поскольку заговорщики многочисленны и сильны, все родственники Диктатора будут в опасности.

Это был последний день юности Октавия. С этого часа ему предстояло играть в опасную игру с отчаянными игроками. Он еще не знал, что по завещанию Диктатора был усыновлен его сыном и стал наследником большей части его огромных богатств; но в его груди зародилось страстное желание отомстить за него, желание, которое крепло по мере накопления знаний и которое он не терял из виду во всех политических осложнениях последующих десяти лет.

Obv.: M. Brutus. Rev.: Two daggers and cap of liberty.

Obv.: Head of Augustus bearded as sign of mourning. Rev.: Divus Julius.

Obv.: Head of Agrippa. Cos. III., i.e., B.C. 27. Rev.: Emblematic figure and S. C. (*Senatus Consulto*).

Obv.: Head of Augustus with official titles. Rev.: Head of same with radiated crown and the Julian star.

Obv.: Head of Sext. Pompeius. Rev.: The same with titles, *Praefectus classis et orae maritimae*.

Обв.: М. Брут. Рев.: Два кинжала и шапка свободы.

Обв.: голова Августа с бородой в знак траура. Рев.: Divus Julius.

Obv.: голова Агриппы. Кос III, *т.е.* 27 г. до н.э. Rev.: Эмблематическая фигура и S. C. (*Senatus Consulto*).

Obv.: голова Августа с официальными титулами. Rev.: голова того же Августа с лучевой короной и Юлианской звездой.

Obv.: голова Секста. Помпея. Rev: То же с титулами: *Præfectus classis et oræ maritime*.

Лицевая сторона страницы 16.

ГЛАВА II РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЮЛИЯ СЕЗАРЯ

Vicinæ ruptis inter se legibus

urbes Arma ferunt; sævit toto

Mars impius orbe.

Естественные границы Римской империи.

К моменту смерти Цезаря Римская империя была по большей части завоевана. Египет, правда, был присоединен Августом, хотя и на правах особого владения, но последующие присоединения были в некотором роде последовательными, неизбежными исправлениями долгой границы. Такими провинциями были Рейн, Альпы и Дунай, вплоть до Мизии, а также в некоторой степени Галатия и Ликаония (25 г. до н. э.). Рейн, Дунай и Евфрат уже казались естественными границами империи на севере и востоке, Атлантический океан - на западе, африканские и аравийские пустыни - на юге. И эти границы, с периодическими изменениями и по большей части временными расширениями, сохранялись до самого конца.

Его опасности.

Но хотя большая часть этой обширной империи была уже завоевана, не все она была одинаково хорошо организована и защищена. Так, в Северной Галлии еще оставались германцы и другие враги, которых нужно было покорить или отразить; в Южной Испании воевал сын великого Помпея; Македония постоянно подвергалась вторжениям гетов, бессов и других варваров; Далматинцы и соседние племена сделали Иллирикум неопределенным членом империи; в Сирии Цецилий Басс - старый офицер Помпея - бросает вызов римским войскам и призывает на помощь парфян, всегда готовых перейти Евфрат в римскую провинцию.

Меры предосторожности и приготовления Сезара.

Чтобы противостоять двум из этих опасностей, осенью 45 года до н. э. Цезарь собрал большую армию в Македонии, чтобы разгромить гетов, а затем отправиться в Сирию, чтобы заставить парфян уважать границы Евфрата или даже напасть на них в Месопотамии. Первый из этих проектов, несомненно, был важен для безопасности империи и в последующие годы был успешно реализован Августом и его легатами. Второй же был более провидческим и театральным, предназначенным, вероятно, скорее для того, чтобы поразить воображение римлян, чем для получения большой практической пользы. После смерти Сезара Антоний больше потерял, чем приобрел в результате подобных предприятий, а Август всегда избегал

вступать в фактический контакт с парфянами или пытаться распространить свою власть за Евфрат. Но внутри империи существовали опасности не менее грозные, чем извне. Ее целостность зиждилась и, как правило, надежно зиждилась на лояльности провинциальных правителей центральной власти, представленной сенатом или, в крайнем случае, приказом народа, выраженным в *лексе* или *плебисците*. Это было началом конца, когда эти губернаторы использовали силы под своим командованием или богатство и влияние, приобретенные за границей, чтобы бросить вызов или принудить власти на родине. Серторий, Сулла и сам Цезарь показали, что это не было невозможной случайностью. Именно против этой опасности, наряду с другими реформами в управлении провинциями, закон самого Цезаря предусматривал, что срок пребывания в должности пропретора должен быть ограничен одним, а проконсула - двумя годами. Но теперь, когда он собирался в дальнюю экспедицию, рассчитанную, вероятно, на три года, он принял другие меры предосторожности. Обеспечив главные должности дома,^[19] он тщательно следил за тем, чтобы в провинциях работали люди, которых он считал верными себе и которые, судя по их характеру и способностям, могли поддерживать мир и безопасность. Будучи консулом и диктатором, а его *акты* были заранее подтверждены сенатом и народом, он мог назначать кого угодно. Декрет сената по-прежнему принимался по форме, но от старой практики (часто фарсовой) жеребьевки провинций отказались;^[20] закон Помпея о пятилетнем интервале между должностью курула и провинцией был проигнорирован, и Цезарь практически назначал губернаторов. Но в отношении неограниченной власти или проницательности диктатора заставляет усомниться тот факт, что пятеро из назначенных таким образом оказались в числе убийц в мартовские иды^[21]. В других отношениях его выбор не оказался удачным. О состоянии открытой войны или опасных беспорядков, которые проявились почти во всех частях империи после его смерти, следует узнать из обзора провинций, если мы хотим понять проблему, стоявшую перед Августом и его коллегами по триумвирату, и облегчение, которое почувствовал римский мир, когда Август наконец взял управление в свои руки и показал, что способен восстановить закон и порядок.

(1) Галлы.

Галлы теперь включали в себя три области, статус которых был несколько неопределенным. (1) *Цизальпинская Галлия*, то есть Италия между Этрурией и Альпами, номинально оставалась провинцией, хотя закон Цезаря от 48 г. до н. э. предоставил транспаданцам полное *гражданство*, как и циспаданам, городам, принятый в 89 г. до н. э. С 58 по 48 гг. до н. э. она входила в состав провинции Цезаря и, похоже, сохранялась за ним до битвы при Фарсалии, когда он назначил в нее сначала Марка Брута, а затем С. Вибия Панса. Хотя она входила в состав Италии и в целом была мирной, она имела большое военное значение в случае вторжения с севера. После марта 44 года до н. э. она должна была перейти в руки Децима Брута, который долгое время служил при Цезаре и относился к нему с особым доверием и привязанностью. Попытка Антония вырвать его у Децима Брута привела к первой гражданской войне после смерти Цезаря.

(2) Трансальпийская Галлия.

(2) *Трансальпийская Галлия* технически состояла из "Провинции", то есть юго-восточной Франции, от Севенн на западе до Италии и от Женевского озера на севере до моря. Но после завоеваний Цезаря к ней добавились остальная Франция, Бельгия и Голландия вплоть до Рейна. Формального разделения на отдельные провинции еще не было. В 49 году до н. э. Децим Брут, изгнав Агенобарба, наместника, назначенного сенатом, оставался во главе всей провинции до 45 года до н. э., когда он вернулся в Италию в поезде Цезаря. Но в течение этих четырех лет или по его возвращении (3) Бельгика была отделена от остальных и передана

Гирцию, который, однако, управлял ею через легата по имени Аврелий, не посещая ее сам.[22] В течение следующего года было произведено еще одно разделение: Аврелий оставил за собой Белгику; Лепид с четырьмя легионами был назначен в "провинцию" (впоследствии названную Gallia Narbonensis) вместе с Hispania Citerior; а Л. Мунаций Планкус управлял остальной частью, состоящей из двух провинций - Акитании и Лугдунниса. Планкус и Децим Брут были назначены консулами в 42 г. до н. э., и поэтому их губернаторство обязательно закончилось в конце 43 г. до н. э., а могло закончиться и раньше. В 43 г. до н. э. Планкус основал Лугдунум[23] (Лион), который впоследствии стал столицей центральной провинции из четырех, организованных Августом. Но хотя организация этой страны не была завершена, завоевание Сезара было настолько решительным, что туземцы не воспользовались гражданской войной для попытки восстания.[24] В 42 г. до н. э., по-видимому, произошло несколько незначительных движений, но только через несколько лет возникла какая-либо серьезная опасность. Ожидалось, что белги восстанут после убийства Сезара, но их вожди поспешили заверить легата Гиртия в своей приверженности римскому правительству[25].

(3) Иллирикум.

Провинция Иллирикум была образована примерно в то же время, что и Македония (146 г. до н. э.), но ее границы менялись, и она не привлекала к себе постоянного внимания. В него входили такие места, как Диррахий, Корсира, Исса, Фарус, которые были объявлены свободными после поединка с царицей Тевтой в 228 году до н.э., но практически находились под римским контролем. Однако некоторые из самых могущественных племен не только не признавали римскую власть, но и совершали частые вторжения в римский Иллирикум. Самыми опасными из них были далматинцы, с которыми зафиксировано несколько войн. В 117 г. до н. э. Л. Целий Метелл занял Салону;[26] в 87-5 гг. до н. э. Сулла одержал над ними победу;[27] в 78-77 гг. до н. э. К. Косконий после двухлетней кампании взял Салону штурмом.[28] Но мало что было сделано для защиты провинции от ее врагов. Ее оставляли в покое до тех пор, пока платили дань, и отдавали под управление то Македонии, то Цизальпинской Галлии. В случае с Цезарем (58 г. до н. э.) она была специально выделена, как и остальная часть его провинции, и, похоже, сначала он намеревался отправиться туда с войском и покорить враждебных варваров. Но галльские походы отвлекли его, и он лишь однажды вошел в Иллирикум (54 г. до н. э.), чтобы справиться с вторгшимися Пирустами. В последний год его проконсульства (50 г. до н. э.) некоторые войска, которые он послал против далматинцев, были разбиты на куски. В результате этого варвары, опасаясь его мести, присоединились к Помпею в гражданской войны, легат которого, М. Октавий, со значительным флотом, держался там,[29] и в В.С. 49 г. разбил и взял в плен Гая Антония, которого Цезарь послал против него.[30] В начале следующего года Аулус Габиний, пытаясь провести войска вокруг Адриатики, чтобы присоединиться к Цезарю, потерял почти всех своих людей в битве с далматинцами.[31] После Фарсалии Габиний был послан на помощь Корнифицию, который был отправлен в Иллирик в качестве пропретора после несчастья с Гаем Антонием; но он снова потерпел поражение и был закрыт в Салоне, где внезапно умер. [32] Однако в 47 г. до н. э. П. Ватиний, присоединившись к Корнифицию, разбил и изгнал Октавия из страны.[33] После участия в африканской кампании 46 г. до н. э. Ватиний был отправлен с тремя легионами в Иллирикум (45 г. до н. э.) специально для усмирения все еще независимых племен. Сначала он добился достаточного успеха, чтобы быть удостоенным *supplicatio*, [34] но после смерти Сезара был разбит далматинцами, потеряв пять когорт, и был вынужден укрыться в Диррахии.[35] В начале 43 г. до н. э. он был вынужден сдать свои легионы М. Бруту, который, однако, в течение полутора лет, предшествовавших его смерти в Филиппах, был слишком занят в других местах, чтобы заниматься Иллириком. [36] Поэтому

экспедиции Поллиона в 39 г. до н. э.[37] и Августа в 35 г. до н. э. были необходимы, и они на некоторое время обеспечили умиротворение страны и расширение римских провинций до Дуная.

(4) Испания.

После смерти Юлия Испания также была источником больших опасностей и трудностей. С 197 г. до н. э. она была разделена на две провинции - Верхнюю и Нижнюю, разделенные Кастулонским сальтом (*Сьерра-Морена*), каждая из которых управлялась претором или пропретором. В 54 г. до н. э. Помпей ввел тройное деление. Из трех его легатов Афраний владел Hispania Citerior, но дальняя провинция была разделена между Петреем, который владел округом к западу от Анаса (*Гвадианы*), впоследствии названного Бетикой, а Теренций Варро управлял страной к западу от этой реки с Лузитанией. Заставив легатов Помпея сдать страну (49 г. до н. э.), Цезарь, похоже, не стал продолжать тройное деление. К. Кассий был отправлен в Верхнюю Испанию, М. Лепид - в Нижнюю Испанию. Но Кассий обидел как своих солдат, так и местных жителей, и был вынужден бежать морем, утонув по дороге домой. Его преемник Требоний в 47 г. до н. э. также не добился больших успехов; многие из его солдат перешли к Гнею Помпею, когда тот прибыл в Испанию после поражения при Фапсе весной 46 г. до н. э.[38] И хотя Гней Помпей погиб вскоре после битвы при Мунде (45 г. до н. э.), его младший брат Секст остался в живых. После смерти Цезаря он уже возглавлял значительный флот, что позволило ему контролировать Сицилию и вновь занять Бетику, когда ее последний цезарианский губернатор - знаменитый К. Асиний Поллион - покинул ее, чтобы присоединиться к Антонию в Галлии Нарбонской летом 43 года до н.э. Верхняя провинция тем временем управлялась легатами Метелла, который собирался вернуться в нее и в Нарбонскую Галлию с четырьмя легионами, когда смерть Цезаря внесла новые осложнения[39].

(5) Сицилия.

Сицилия в течение восьми лет после смерти Цезаря была практически отделена от империи. В 49 г. до н. э. ее легко завоевал под власть Сезара К. Курио, а после его успеха в Испании против легатов Помпея Сезар назначил Аулуса Аллиена[40] ее пропретором. В 46 г. до н. э. Аллиена сменил М. Ацилий[41] (впоследствии отправленный в Ахайю), которого, в свою очередь, сменил Т. Фурфаний Постум (45 г. до н. э.). Наконец, среди мероприятий, проведенных Цезарем в 44 г. до н. э. на сайте , было назначение Помпея Вифиника на Сицилию. Его отец служил под началом Помпея и погиб вместе с ним в Египте, и Вифиник, по-видимому, опасался мести со стороны помпеянцев, если они вернутся к власти; после смерти Цезаря мы видим, что он писал Цицерону в явной тревоге за свое положение. 42] Ему не удалось удержать остров против Секста Помпея, который высадился в 43 г. до н. э. и, потерпев небольшое поражение при Мессене, заставил Вифиника уступить ему долю в управлении, а вскоре после этого предал его смерти, так как считал, что тот готовит против него заговор.[43] Поэтому Сицилия должна была быть возвращена империи триумвирами, и эта задача выпала в основном на долю Августа.

(6) Сардиния.

Сардиния была важна для поставок кукурузы. В 49 г. до н. э. легат Цезаря К. Валерий Орка без труда захватил ее, а ее правитель М. Аврелий Котта бежал в Африку. В 48 г. до н. э. Орку сменил Секст Педуцей. Педуцей.[44] Но какие меры были приняты между этой датой и 44 г. до н. э., неизвестно, поскольку Педуцей, по-видимому, находился в Риме с конца 45 г. до н. э.[45] При первом разделе провинций триумвирами (ноябрь 43 г. до н. э.) она досталась на долю Октавиана,[46] хотя Суетоний замечает, что Африка и Сардиния были единственными

двумя провинциями, которые он никогда не посещал.[47] Тем временем Секст Помпеи занял ее. Помпеи захватили ее[48] и вернули только в 38 г. до н. э.

(7) Африка. Нумидия.

Провинция Африка - древняя территория Карфагена - может быть отнесена к этой западной части империи. Долгое время это была мирная провинция, но в 46 г. до н. э. она стала ареной великого объединения помпеянцев после катастрофы при Фарсалии. После их окончательного поражения при Фапсе она была еще больше укреплена колонией Сезара в Карфагене (46-5 гг. до н. э.), а управлял ею ревностный кесарианец К. Кальвизий Сабин. В конце 45 г. до н. э. Сабин вернулся в Рим, и его преемником был назначен К. Корнифиций (некогда квестор Цезаря). Но дела в Африке осложнились в связи с образованием из владений Иубы новой провинции, называемой то Новой Африкой, то Нумидией (46 г. до н. э.). Первым пропретором этой новой провинции стал историк Саллюст, которого в 45 г. до н. э. сменил Т. Секстий с тремя легионами. Таким образом, после смерти Сезара в Африке оставались два человека, которые могли по-разному оценивать ситуацию. Корнифиций - друг и корреспондент Цицерона - сразу же заявил, что намерен поддержать сенат. Несколько месяцев спустя он подтвердил это решение тем, что его пребывание в должности зависело от сенатского декрета от 20 декабря,[49] в то время как Антоний поручил Кальвизию Сабину (который никогда не отзывал своих легатов из Африки) вернуться в провинцию.[50] Таким образом, после поражения Антония при Мутине (апрель, до н.э. 43 г.), сенат почувствовал себя достаточно сильным, чтобы приказать Секстию передать три своих легиона Корнифицию, который сам получил приказ отправить два из них в Рим.[51] Это было сделано, и с оставшимся легионом Корнифиций сохранил свои позиции в Старой Африке, когда в ноябре был сформирован триумвират, и смог предложить защиту многим из проскрибированных. Но Секстий теперь претендовал на обе провинции, как выпавшие на долю Октавиана. Он набрал войска в своей провинции и заручился помощью Арабиона, представителя царского рода Нумидии и вождя разбойничьего племени ситтиев ; хотя Корнифиций имел более сильные силы, он был вскоре разбит и убит. Октавиан, однако, считал Секстия скорее сторонником Антония, чем своим, и вскоре отправил на его место К. Фуфиция Фанго. Секстий, по-видимому, предвидел, что между Антонием и Октавианом возникнут разногласия, которые дадут ему шанс вернуть свою провинцию. Поэтому под предлогом желания перезимовать в благоприятном климате он остался в Африке. Шанс ему представился в связи с новым распределением провинций после Филипп (октябрь-ноябрь 42 г. до н. э.). Старая, или "прусская", Африка досталась Антонию, Новая Африка или Нумидия - Октавиану. Но после ссоры между Октавианом и Фульвией (при поддержке Луция Антония) в 41 г. до н. э. Фульвия побудила Секстия потребовать у Фанго провинцию Прæтория как принадлежащую Антонию. После нескольких сражений, в которых ему сопутствовала различная удача, Фанго был вынужден укрыться в горах и там покончил с собой. После этого Секстий удерживал обе провинции, пока в 40 г. до н. э. триумвир Лепид не завладел ими как своей долей империи[52].

Таким образом, западные провинции, несмотря на все предосторожности Цезаря, оказались в состоянии создать трудности для его преемников в управлении. Восточные провинции по большей части находились в состоянии аналогичного беспорядка. Иллирикум уже обсуждался, как наиболее удобный для захвата галлами. В этих восточных провинциях меры, принятые Цезарем для обеспечения мира, были не более успешными, чем на западе.

(8) Македония.

Победа при Фарсалии поставила Македонию под контроль Цезаря, и он, очевидно, продолжал управлять ею до 45 г. до н. э. с помощью своих легатов. Находясь в Египте (48-7 гг. до н. э.), опасаясь, по-видимому, что он может стать центром сопротивления,[53] он приказал Габинию отправиться туда со своими легионами, если состояние Иллирика позволит это сделать.[54] У нас нет более подробных сведений о ее управлении до осени 45 г. до н. э., когда там были размещены крупные военные силы; в этом или следующем году губернатором стал К. Гортензий, сын знаменитого оратора. Марк Брут был назначен Цезарем его преемником в 43 г. до н. э., и Гортензий действительно передал ему провинцию в Фессалонике в начале того же года. Тем временем Антоний убедил сенат выдвинуть свою кандидатуру (июнь, 44 г. до н.э.). Он отозвал пять легионов, а затем добился передачи провинции своему брату Гаю. Когда Антоний был объявлен *hostis*, сенат отменил назначение Гая и вернул провинцию вместе с Иллириком М. Бруту, который фактически уже владел ею, победив и захватив Гая Антония.

(9) Греция.

С Македонией была тесно связана Греция, которая с 146 г. до н. э. оказалась в несколько аномальном положении. Фессалия, правда, в значительной степени была включена в состав Македонии; но города в Беотии, а также Афины и Спарта были номинально свободны, хотя и связаны с Римом таким образом, что иногда о них говорят отдельно как о "провинциях". Так было и с городами Пелопоннеса, некогда составлявшими Ахейскую лигу. Лига была распущена, и каждый город получил отдельный *foedus* или устав.[55] Но при всей этой местной автономии Греция практически управлялась Римом, и в некоторых случаях пропретор Македонии осуществлял в ней юрисдикцию. Но пока еще не существовало "провинции" Греции или даже Ахайи с отдельным проконсулом или пропретором. Как и в других случаях, Цезарь принимал временные меры, которые затем стали постоянными при Августе. В 48 г. до н. э. К. Фуфий Кален, один из его легатов, был послан захватить греческие города в интересах Цезаря и оставался в Патре с войсками до 47 г. до н. э., осуществляя власть над всем Пелопоннесом.[56] Осенью он вернулся домой и был вознагражден консульством на остаток года. Но в 46 г. до н. э. Цезарь назначил Сервия Сульпиция Руфа консулом. Сульпиций Руф был назначен правителем Греции, и его власть, похоже, распространялась на весь Пелопоннес и до Фессалии.[57] Сульпиций вернулся в Рим в конце 45 или в начале 44 г. до н. э., и, похоже, у него не было преемника. Похоже, Греции молчаливо позволили вернуться к прежнему положению номинальной свободы и реальной привязанности к Македонии. Во всяком случае, М. Брут, будучи правителем Македонии, предполагал, что обладает властью в Греции. После передела в Филиппах (42 г. до н. э.) она перешла на долю Антония, который, по крайней мере на время, уступил Ахайю Сексту Помпею. Помпею[58].

Азиатские провинции.

(10) Вифиния и Понт.

Поскольку Цезарь подумывал об урегулировании ситуации в Сирии, было важно, чтобы азиатские провинции находились в надежных руках. В Вифинию и Понт - одни из самых новых римских провинций - отправился Тиллий Кимбер. Тиллий Кимбер был выдвинут. Мы ничего не знаем о его предшественниках, кроме того, что находим его среди влиятельных друзей Цезаря в 46 г. до н. э.; но его назначение в провинцию было легко подтверждено сенатом после его участия в смерти Цезаря.[59] Он посвятил себя сбору флота, с которым он участвовал в преследовании Долабеллы, а затем помогал Бруту и Кассию.

(11) Азия.

Провинция Азия была тихой и богатой. По финансовым и стратегическим соображениям в это время было особенно необходимо, чтобы она находилась в надежных руках. Сезар выдвинул кандидатуру К. Требония, который был его легатом в Галлии и Британии и часто получал важные поручения. В гражданской войне он остался верен своему старому генералу и был вознагражден преторством в 48 году до н. э., а в следующем году - провинцией Дальняя Испания. Хотя он не добился успеха в Испании, Сезар продолжал доверять ему настолько, что отправил его в Азию. Он не участвовал в убийстве, но поспособствовал ему, выведя Антония из состава сената под вероломным предлогом. Его назначение было легко подтверждено сенатом, и он отправился в Азию, намереваясь укрепить города и собрать войска для помощи партии убийц. Именно это, а не только его участие в убийстве, заставило Долабеллу, вероятно, по наущению и, несомненно, с одобрения Антония[60], предать его смерти, когда он отказал ему в приеме в Смирне или Пергаме. В конце года сенат постановил, что его сменил один из консулов, Гирций или Панса. Но после его убийства провинция осталась в руках его квестора,[61] а после смерти Гиртия и Пансы в Мутине она была передана сенатом М. Бруту (вместе с Македонией), который в течение 42 г. до н. э. проследовал через нее, чтобы провести *конвент*, собрать людей и деньги и встретиться с Кассием. Она, несомненно, была обложена большими налогами; после битвы при Филиппах Антоний завладел ею и снова безжалостно опустошил ее ресурсы.

(12) Киликия.

Покидая провинцию Киликия в июле 50 г. до н. э., Цицерон оставил ее в ведении своего квестора, К. Целия Кальдуса. Был ли назначен преемник в неразберихе первых лет гражданской войны, мы не знаем. Провинция нуждалась в некотором обустройстве, поэтому в 47 г. до н. э. Цезарь на несколько дней остановился в Тарсе по пути в Понт, чтобы встретиться с главными людьми и принять некоторые постановления, о характере которых он не сообщает[62], но кажется, что тогда или вскоре после этого она была значительно уменьшена в размерах. Фригийские "епархии" - Лаодикия, Апамея и Синнада - были отнесены к Азии, а также к большей части Писидии и Памфилии. Оставшаяся часть - Киликия Аспера и Кампестрис с Кипром - по-видимому, несколько нерегулярно удерживалась легатами самого Цезаря. Впоследствии Антоний обращался с ней как со своей собственной: Кипр и Киликия Аспера были подарены Клеопатре, часть Фригии с Ликаонией, Исаврикой и Писидией - Аминту, царю Галатии. Фактически, провинция, как известно Цицерону, была почти отделена от империи, пока не была реорганизована Августом.

(13) Сирия.

Провинция Сирия была чрезвычайно важна ввиду опасности со стороны парфян. Ограниченная с севера горой Аманус, она включала в себя Финикию и Келе-Сирию до южного побережья Красного моря и восточного устья Нила. На востоке она была ограничена Евфратом и пустынями Аравии. После организации Помпея в 63 г. до н. э. она управлялась проконсулами и обычным персоналом. В 57-6 гг. до н. э. им владел Габиний, который использовал свои силы для восстановления Птолемея Аулетеса на троне Египта. В 54-3 гг. до н. э. им владел Красс, а после его падения при Каррахе его успешно защищал и управлял им К. Кассий в качестве *квестора* и *проквестора*. В 51-50 гг. до н. э., когда Цицерон находился в Киликии, им управлял Бибул; а в 49 г. до н. э. Помпей передал его своему тестю, К. Цецилию Метеллу Сципиону, который собрал войска и отправился на помощь Помпею в Фессалию, а после Фарсалии бежал в Африку. Затем она была передана в руки квестора Секста Юлия, родственника Диктатора, с несколькими легионами, один из которых был оставлен там

Цезарем в преддверии грядущей парфянской войны. Но новое осложнение внес К. Цецилий Басс. Этот человек был с Помпеем в Фарсалии и бежал в Сирию, где некоторое время жил неизвестно. Но через некоторое время, подговорив солдат Секста Юлия, который был некомпетентен и порочен, он склонил их к убийству своего полководца и переходу на свою сторону.[63] Выдав себя за законного проконсула Сирии, он укрепился в Апамее и там отбил войска, посланные Цезарем под командованием Антистия Вета и Л. Стация Мурка. Он заключил некое соглашение с парфянами, которое обеспечило им помощь;[64] и хотя Муркус был подкреплён Криспом, правителем Вифинии, Бассус все еще оставался непокорённым к моменту смерти Цезаря. Поэтому в Сирии была двойная потребность в сильном человеке, и Цезарь выдвинул кандидатуру К. Кассия, бывшего защитника Сирии от парфян. Однако после смерти Сезара Долабелла добился принятия закона о передаче Сирии ему самому вместе с командованием против парфян. Но некоторые нарушения в предзнаменованиях, сделанных в комициях, дали Кассию благовидный предлог для игнорирования этого закона. Поэтому, когда Долабелла вошел в провинцию с севера, Кассий сделал это с юга. После успешных действий в Палестине Кассий убедил Мурка, Криспа и, наконец, самого Басса передать ему свои легионы, а также легата Требония, Аллиена, который привел несколько легионов из Египта.[65] Таким образом, он запер Долабеллу в Лаодикее и запугал его до самоубийства. Таким образом, Сирия осталась в руках Кассия, а когда он пал в Филиппах, она оказалась вакантной. В соответствии с соглашением, заключенным с Октавианом после той битвы, она досталась Антонию, который сохранил ее лично или через своих легатов до своей смерти.

(14) Египет.

Египет все еще оставался независимым царством, которым с 47 г. до н. э. правила Клеопатра. Тем не менее, в нем находились значительные римские войска, частично оставленные Габинием, когда он восстановил Птолемея Аулетеса в 57-6 гг. до н. э., частично размещенные там самим Цезарем. Они должны были в некотором роде в положении английских войск, поддерживающих власть хедива, но готовых противостоять любому внешнему вмешательству. Так и в этом случае римляне сохраняли преобладающее влияние, хотя и не имели законных полномочий и права собирать доходы. Эти войска, по-видимому, находились в очень беспорядочном состоянии, и в 50 г. до н. э. они убили двух сыновей Бибула, которые были среди их офицеров[66].

(15) Киринея и Крит.

Район между Египтом и римской Африкой, называемый Киринеей, когда-то был присоединен к Египту, а затем управлялся собственным царем (117 г. до н. э.). Этот царь (Птолемей Апион), умерший в 96 г. до н. э. без потомства, оставил свои владения римлянам. Римское правительство завладело царскими владениями и обложило налогом главный продукт страны - сильфий (ценный из-за своих лечебных свойств), но не организовало ее как провинцию. Пяти главным городам[67] было позволено сохранить довольно полную автономию. Но после того как между ними начались разногласия, в 74 г. до н. э. вся страна была сведена к форме провинции, управляемой *квестором pro praetore*. [68] Шесть лет спустя (68-7 гг. до н. э.) жалобы на укрывательство пиратов вызвали у Q. Когда Помпей сместил Метелла в 67 г. до н. э., он внес некоторые изменения в управление обеими провинциями, хотя нет никаких доказательств того, что он объединил их, как это было сделано позднее. Действительно, в 44 г. до н. э. они были распределены по отдельности: Крит - Бруту, а Кирена - Кассию[70], а Антоний составил меморандум Цезаря, предписывающий вернуть Криту свободу[71], то есть прекратить выплату *дани*. При разделе провинций после Филиппа обе они

были закреплены за Антонием, и он получил право спустя несколько лет образовать из них царство для своей дочери Клеопатры.

Общие беспорядки в империи.

Таким образом, видно, что после смерти Сезара в империи почти не осталось частей, в которых не было бы элементов зла, более или менее активных. Самым спокойным районом была, пожалуй, Греция, хотя и она умудрилась оказаться под гнетом триумвиров, симпатизируя Бруту, а позже - под гнетом Октавиана, симпатизируя Антонию. Беспорядки, которые больше всего затронули реальных жителей Рима и Италии, происходили на Сицилии и Сардинии, в Галлии и Иллирике. Человек, который должен был положить им конец, выглядел бы спасителем общества. Борьба на Дальнем Востоке, хотя с финансовой точки зрения она имела большое значение, не выглядела бы столь значительной в глазах итальянцев. Теперь нам предстоит проследить, как Август смог удовлетворить потребности государства, восстановить мир и изобилие в Италии, организовать и защитить провинции, и таким образом стать почти объектом поклонения как видимый гарант порядка и спокойствия.

ГЛАВА III НАСЛЕДСТВО

Cui dabit partes scelus

expiandi Iuppiter?

Весть об убийстве Сезара, принесенная в Аполлонию, март 44 г. до н.э.

Весть о смерти двоюродного деда дошла до Октавия в Аполлонии во второй половине дня, как раз когда он и его свита собирались на обед. По городу быстро распространился смутный слух о каком-то большом несчастье, и многие жители поспешили в дом с ревностным дружелюбием, чтобы удостовериться в его истинности. Наскоро посоветовавшись с друзьями, Октавий решил избавиться от большинства из них, пригласив несколько человек из высшего сословия обсудить с ним, что следует предпринять. Это удалось сделать с некоторым трудом, и до самой ночи продолжались тревожные дебаты. Мнения разделились. Одна сторона призвала Октавия отправиться к армии в Македонии, воззвать к ее привязанности к Цезарю и призвать легионы следовать за ним в Рим, чтобы отомстить за убитого диктатора.^[72] Те, кто так советовал, полагались на впечатление, которое может произвести личное обаяние Октавия и жалость, которую вызовет его положение. Другие считали, что это слишком серьезное дело для столь молодого человека. Они утверждали, что отомстить за его убийство можно доверить многочисленным друзьям, которых Сезар возвел на почетные и выгодные должности. Они еще не знали, что именно их руки нанесли ему смертельный удар. Выслушав различные мнения, Октавий решил не предпринимать никаких решительных шагов, пока не доберется до Италии, не посоветуется со своими друзьями и не увидит положение дел своими глазами.

Октавий готовится к отъезду в Италию, апрель 44 года до н. э.

Приготовления к переправе начались сразу же, и за несколько дней до ее начала в Аполлонию дошли более подробные сведения об убийстве. Горожане умоляли Октавия остаться, предоставив в его распоряжение все ресурсы города; из армии прибыло несколько

офицеров и солдат с предложениями о службе, будь то охрана его персоны или месть за диктатора. Но на данный момент он отклонил все предложения. Он поблагодарил аполлониатов и пообещал городу иммунитет и привилегии - обещание, о котором он не забыл и в последующие годы. Офицерам и солдатам он сказал, что потребует их услуг в будущем. В настоящее время они ему не нужны: "пусть только будут готовы, когда придет время". Поведение кораблей *Martia* и *Quarta* несколько месяцев спустя показало, что эти чувства были искренними и прочными.

У Октавия было плохое судно и бурный переход, но он благополучно высадился, вероятно, в Гидрунтуме (*Отранто*), ближайшем пункте Калабрии, до которого при хорошей погоде всего пять часов плавания.^[73] Этот факт и состояние ветра, возможно, повлияли на выбор порта. Но он также был слишком плохо осведомлен о делах в Италии, чтобы решиться на высадку в таком часто посещаемом месте, как Брундизий, где он мог оказаться в окружении политических врагов или враждебных войск. Из Гидрунтума он отправился по суше в Лупиз, что составляет более половины пути до Брундизия. Там он впервые встретил тех, кто был свидетелем похорон Цезаря, слышал оглашение его завещания и мог рассказать, что он был усыновлен как сын Цезаря и (с вычетом щедрого наследства гражданам) стал наследником трех четвертей его имущества,^[74] а оставшаяся четверть была разделена между двумя другими внучатыми племянниками Цезаря - К. Педием и Луцием Пинарием. Он также узнал, что похороны диктатора, которые по его завещанию должна была провести Атия, прошли на Форуме среди большого народного волнения, вызванного отчасти видом его израненного тела,^[75] отчасти речью Антония, и сопровождались нападениями на дома главных убийц, которые, забаррикадившись на Капитолии на три дня, сочли необходимым удалиться из Рима, сначала на виллу Брута в Ланувии, а затем в Антиум,^[76] несмотря на амнистию, объявленную в сенате 17 марта.

Октавиан принимает наследство и имя, май, 44 г. до н. э.

Хотя Октавиан был глубоко тронут этой историей, он не позволил своим чувствам склонить его к какому-либо ложному или поспешному шагу. *Satis celeriter quod satis bene* было его девизом как сейчас, так и в последующей жизни.^[77] Он отправился в Брундизий, убедившись, что он не занят врагами, и там получил письма от матери и отчима, подтверждающие то, что он уже слышал. Мать умоляла его немедленно присоединиться к ней, чтобы избежать ревности, вызванной его усыновлением. Филипп посоветовал ему не принимать ни наследства, ни имени и держаться в стороне от государственных дел. Совет, несомненно, был продиктован привязанностью и был естественным в данных обстоятельствах. Но хотя Октавиан никогда не блефовал, он также не мог легко отступить: он написал ответное письмо, в котором заявил о своей решимости принять наследство. Друзья отныне обращались к нему как к "Сезару", его полное имя теперь было Гай Юлий Сезар Октавиан.^[78] Усыновление действительно не было завершено без формального принятия *lex curiata*; но хотя это затянулось более чем на год, новое имя было принято сразу же. Он выполнил пожелание матери навестить ее первым и вскоре с удовлетворением почувствовал, что, хотя Филипп все еще был против, ее сердце было с ним в мужественной решимости поддержать ту великую роль, которую ему отводила любовь Цезаря. В письме от 11 апреля Цицерон сообщает, что Октавий прибыл в Италию, а 18-го - что он добрался до Неаполя. 19-го Бальбус - друг и агент диктатора - призвал его и из его собственных уст узнал о его решении принять наследство. 22-го Цицерон встретился с ним на вилле отчима близ Путеоли и с тревогой наблюдал за тем, как он высказывает свои политические цели. Он был удовлетворен лишь отчасти.

"Октавий здесь относится ко мне с большим уважением и дружелюбием. Его люди обращались к нему как к "Сезару", но поскольку Филипп этого не делал, то и я не стал этого делать. Я заявляю, что он не может быть хорошим гражданином! Его окружает такое количество людей, которые фактически угрожают нашим друзьям смертью. Он говорит, что нынешнее положение вещей невыносимо"[79].

Октавиан еще не был готов к открытому разрыву с аристократами. Первую борьбу за свои права он должен был вести с Антонием, и в этом ему помогла бы помощь Цицерона и его партии. В то же время он был слишком осторожен и сдержан, чтобы взять на себя обязательства или выдать свои истинные намерения, которые оставались загадкой для эмоционального оратора, который почти никогда не говорил без дела. Цицерон утешал себя мыслью о том, что претензии Октавиана в любом случае должны привести к ссоре с Антонием. И все же он был возмущен тем, что этот мальчишка может без риска отправиться в Рим, а Брут, Кассий и другие "герои" кинжала - нет. Октавиан отправился в Рим с двойной целью: официально уведомить городского претора о том, что он принял наследство, и заявить о своих намерениях как распорядителя завещания на общественном собрании. Для последнего ему необходимо было, чтобы трибун представил его собранию. Для этой цели он прибегнул к помощи Луция Антония. Все три брата в этом году занимали свои посты: Марк - консул, Гай - претор, Луций - трибун, и, будучи сторонниками покойного Цезаря, они не могли в рамках приличия отказать ему в этой возможности заявить о своих чувствах.

Октавиан и М. Антоний.

Октавиан прибыл в Рим в первую неделю мая, должным образом принял наследство и около 10 числа того же месяца был представлен Луцию Антонию *на contio*. [80] Его речь не удовлетворила цицероновскую партию. Он заявил о своем намерении выполнить волю "отца" в отношении наследства народу и провести игры при посвящении храма Венеры, обещанного Цезарем. Приготовления к ним были начаты немедленно, а руководить ими были выбраны два друга диктатора, Матий и Постумий. [81] Но, ограничившись выражениями почтения к памяти "отца" и не произнося никаких угроз в адрес кого-либо, Октавиан ни на минуту не отказывался от своего намерения покарать убийц. Амнистию, объявленную в сенате, он рассматривал как временную меру. Нужен был только обвинитель, и он не собирался долго искать такого человека. А пока его первым делом было обеспечить собственное положение и завладеть имуществом Сезара. Это сразу же привело его к столкновению с Антонием.

Деньги в храме Опса.

В этом в значительной степени виноваты финансовые меры покойного диктатора. Он, похоже, ввел систему *фиска*, хотя и без названия, известного в более поздние времена: большие суммы денег по его приказу хранились в храме Опса, отдельно от общественного *эзария* храма Сатурна, и не были четко отделены от его частной собственности. Это было похоже на то, как если бы канцлер казначейства перечислял часть доходов на свой частный банковский счет и внезапно умер, не оставив никаких средств для разграничения государственной и частной собственности. [82] Цицерон говорит, что эти деньги (700 000 000 сестерций, или около пяти с половиной миллионов стерлингов) были выручены от продажи конфискованного имущества, [83] и, похоже, из того же источника было получено много другой собственности в виде земель и домов. Претензии наследника Сезара встретили бы двойное противодействие - со стороны правительства, которое рассматривало бы все имущество как государственное; и со стороны владельцев или их представителей, которые могли надеяться на возвращение части имущества. Ведь в Риме конфискация не запрещала

иски по брачным договорам или по долгам, обеспеченным имуществом. Крупная сумма в храме Опса была полностью захвачена Антонием-консулом, номинально как государственные деньги, на самом же деле, как утверждает Цицерон, для погашения собственных огромных долгов. Вполне вероятно, что Антоний разделил добычу с другими, возможно, со своим коллегой Долабеллой, и они могли удовлетворить свою совесть, частично используя ее на общественные нужды.[84] Во всяком случае, она не была получена, когда Октавиан предъявил свои претензии. Даже в отношении того имущества, которое было ему передано, его постоянно донимали судебными исками. Истцов подстрекал, как он полагал, один или другой из Антониев, а Гай Антоний, исполнявший обязанности *городского прокурора* вместо Брута, часто председательствовал в суде. Однако он твердо решил выполнить волю Цезаря, даже если ему придется продать свое отцовское имение и использовать средства матери. Но, похоже, в конце концов, имущество Сезара, которое ему удалось заполучить, или его собственное богатство были настолько велики, что он смог сделать это без ущерба для себя. Пинарий и Педий получили свои доли, но передали их ему, возможно, как слишком обремененные наследствами, чтобы представлять для них большую ценность, или думая, что его великое будущее делает их хорошим вложением. В любом случае, наследство было выплачено, игры проведены, и когда несколько месяцев спустя он набрал два легиона ветеранов, то смог выплатить каждому человеку вознаграждение в размере около 20 фунтов стерлингов нашими деньгами.[85] Похоже, что ни разу в своей карьере он не испытывал серьезных денежных затруднений. Несомненно, его ресурсы всегда были велики, но он также должен был обладать ценной способностью бережно относиться к ним в мелких делах, но при этом всегда иметь достаточно средств для крупных расходов.

Трудности с усыновлением Октавиана.

Но не только в денежных вопросах Октавиан сталкивался с препятствиями со стороны Антония и его братьев. Один из трибунов, возможно, сам Луций Антоний, препятствовал официальному принятию *lex curiata* о его усыновлении, чтобы ослабить его притязания на наследство. Когда он захотел быть избранным трибуном вместо Цинны, ставшего жертвой толпы по ошибке из-за Л. Цинны, претора, выступавшего против Цезаря, ему помешали сторонники Антония.[86] Юридическое препятствие заключалось в том, что он был патрицием,[87] не достиг совершеннолетия и не занимал квесторской должности, хотя последнее было скорее нарушением обычая, чем закона. Наконец, Антоний относился к нему с подчеркнутым неуважением, заставляя его ждать в своей прихожей; Луций Антоний и другие трибуны запретили ему ставить позолоченное кресло Сезара в цирке во время своих игр[88].

Октавиан и оптиматы. После заседания сената в июне.

Стало ясно, что разрыв между ними неизбежен. Младшего не смущали ни годы, ни высокий пост другого; и хотя формальное примирение было достигнуто общими друзьями или военными офицерами, Октавиан, похоже, позволил цицеронцам поверить, что он намерен присоединиться к ним в борьбе против Антония. Его внимание к ним стало более заметным после заседания сената 1 июня. Этого заседания конституционалисты ждали с нетерпением, так как оно могло положить конец неопределенности. На нем должен был быть решен вопрос о провинциях; два консула с помощью комитета должны были сообщить, каковы подлинные *acta* Сезара; должны были быть найдены средства, которые позволили бы Бруту и Кассию безопасно выполнять свои обязанности преторов в Риме.

Акты Антония и Цезаря и ветераны.

Тем временем Антоний пользовался бумагами Цезаря, как будто комитет уже отчитался. Он также обеспечивал себе безопасность - как ему казалось, посещая колонии ветеранов Цезаря в Кампании[89] и постепенно собирая телохранителей. Правда, он столкнулся с трудностями в Капуе, где существующие колонии возмутились его попыткой посадить других на той же территории; но в целом, похоже, он улучшил свое положение благодаря поездке в апреле и мае. Затем Лепид снова посетил Секста Помпея в Испании и в целом улучшил свое положение. Это, по мнению Цицерона, сделало бы Антония неотразимым; так же, без сомнения, думал и Октавиан.

Положение Брута и Кассия. Смена провинций.

Июньские заседания сената также не смогли развеять эти опасения. То, что было сделано для Брута и Кассия, не удовлетворило ни одну из сторон. Им предложили *cura annonæ*, руководство поставками кукурузы - Кассию в Сицилии, Бруту в Азии, - что дало бы им достойный предлог отсутствовать в Риме до конца года. Однако они расценили это предложение как оскорбление[92]. Так же обстояло дело и с провинциями: Брут и Кассий лишились Македонии и Сирии, которые им выделил Цезарь, и получили малозначимые губернаторства Крита и Киринеи. Но Антоний на тех же встречах добился для себя еще большей военной мощи, договорившись с Долабеллой. Последний был назначен *лексей* в Сирию и командовал парфянами; затем он убедил сенат отдать ему Македонию с командованием расквартированными там легионами, один из которых он выторговал у Долабеллы, чтобы передать ему. Приняв эти постановления,[93] он сразу же отправил своего брата Гая, чтобы тот сообщил об этом легионам в Македонии и предупредил их, что в любой момент они могут быть вызваны в Италию. Сам Антоний не собирался идти в Македонию. Его личная решимость заключалась в том, чтобы удержать Цизальпинскую Галлию с максимально возможными силами, что давало бы ему наибольшее влияние на Италию. Он согласился на Македонию только для того, чтобы получить в свои руки эти легионы. В то же время он добился отмены закона Цезаря, ограничивавшего срок пребывания пропретора в провинции одним, а проконсула - двумя годами.

Антоний выдвигается в Цизальпинскую Галлию.

Хотя это усиление власти Антония, естественно, должно было встревожить Октавия, он, с другой стороны, был против того, чтобы Децим Брут - один из убийц - получил Цизальпину Галлию. Поэтому он поддержал Антония в проведении закона о передаче ему этой провинции в конце его консульства. 94] Теперь сенаторы поняли, что их обманули. Они дали Антонию македонские легионы без всяких условий, а он теперь будет использовать их в другой провинции, подаренной ему *лексами*, над которыми они не имели никакого контроля. Предлагалось исключить Галлию Цизальпину из списка провинций и включить ее (как это впоследствии сделал Август) в состав Италии, тем самым лишив проконсула всякого предлога для пребывания там с легионами. Но пока сохранялся закон, по которому Антоний получил ее в 43 г. до н.э. Судя по всему, закон был принят к началу июля, и он сразу же послал своему брату весточку, чтобы тот привел легионы. Их ожидали в июле[95], но на самом деле они прибыли только спустя почти три месяца. Тем временем между консулом Антонием и прокураторами Брутом и Кассием в письмах и эдиктах продолжалась война обвинений. Антоний обвинял преторов в сборе враждебных правительству сил, преторы обвиняли Антония в том, что он сделал невозможным их приезд в Рим, осудив их в речах и эдиктах, нарушив свое обещание. 1 августа Л. Кальпурний Пизон, тесть покойного Цезаря, выступил против Антония в сенате, закончив выступление враждебным предложением, о

точном характере которого нам ничего не известно. Но он не смог заставить никого выступить или проголосовать вместе с ним, настолько полностью сенаторы были подавлены военными силами Антония.^[96] С другой стороны, Антоний был обеспокоен растущей популярностью Октавиана, особенно среди ветеранов. Он сам попытался добиться их расположения, создав две комиссии по наделению их земель в Италии и провинциях. Но ветераны относились к нему с подозрением: они ожидали от него какого-нибудь громкого акта мести за убийство Цезаря, и в то же время щедрые раздачи Антонием государственных земель недостойным фаворитам привели к обеднению казначейства и уменьшению суммы, доступной для распределения. Они снижали его популярность среди ветеранов, а также раздражали сенаторов, которые все же не решались выступить против него.

Попытка убийства Антония.

Трения между двумя людьми, сменявшиеся время от времени примирениями, становились все более острыми, пока в конце сентября не пошли слухи, что Октавиан подговорил людей убить Антония. Октавиан, конечно, отрицал это, а когда Антоний сообщил, что в его доме нашли несколько человек с кинжалами, он открыто предложил им служить вместе с друзьями в его телохранителях. В народе считалось, что Антоний выдумал всю эту историю, чтобы дискредитировать его; но Цицерон и другие члены его партии поверили и одобрили ее, а последующие авторы разошлись во мнениях. Николай Дамасский, вероятно, приводит версию самого Октавиана, согласно которой Антоний не смог представить мнимых убийц совету своих друзей или побудить их посоветовать активное возмездие Октавиану. Аппиан отмечает, что исчезновение Антония в тот момент было не в интересах Октавиана, поскольку это стало бы большим подспорьем для партии ассасинов, о реальных настроениях которых по отношению к себе он, несомненно, знал^[97].

Ведь его союз с этой партией вызывал большие сомнения. В июне Цицерон сказал о нем:

Октавиан и оптиматы.

"В Октавиане, как я убедился, не мало способностей и духа; и он, похоже, будет так хорошо относиться к нашим героям, как я мог бы пожелать. Но какое доверие можно испытывать к человеку его возраста, имени, наследственности и воспитания, может заставить нас задуматься. Его отчим, которого я видел в Антиуме, вообще не думает об этом. Тем не менее, мы должны опекать его и, если уж на то пошло, держать его подальше от Антония. Марцелл окажет достойную услугу, если даст ему хороший совет. Октавиан, похоже, предан ему, но не очень доверяет Пансе и Гирцию"^[98].

Филипп не был человеком, к которому Цицерон питал большое уважение^[99]. А вот Марцелл, муж Октавии (50 г. до н. э.), был солидным аристократом и человеком, заслуживающим доверия. Тем не менее, несмотря на разногласия с Антонием, Октавиан с тех пор не сделал ничего, чтобы причислять себя к консервативной партии. С самим Цицероном он поддерживал дружеские отношения; однако во время окончательного разрыва между Цицероном и Антонием в сентябре Цицерону, похоже, не пришло в голову выдвинуть Октавиана в качестве противника Антония; он также не упоминает его в первых двух "Филиппиках". Самостоятельные действия Октавиана впервые показали, что он готов и способен занять эту должность, и Цицерон поначалу отнесся к этому с тревогой и почти с ужасом.

Октавиан набирает ветеранов.

9 октября Антоний выехал из Рима, чтобы встретить македонские легионы в Брундизиуме. Октавиан больше не колебался. Послав агентов, чтобы проверить лояльность вновь прибывших легионов, он сам объехал ветеранов в Кампании, предложив им вознаграждение в 500 денариев (около 20 фунтов стерлингов), если они снова запишутся на службу. При этом он действовал исключительно по собственной инициативе, не имея полномочий ни от сената, ни от народа, не занимая никакой должности, дававшей ему военное командование.^[100] В последующие годы Август считал это первым шагом в своей государственной карьере, первой услугой, оказанной государству: "В девятнадцать лет я по собственной инициативе и за свой счет собрал армию, с помощью которой восстановил свободу республики, раздавленной тиранией одной фракции". И он не только считал это своей первой государственной службой; формулировка этого заявления является декларацией того, что таким образом он принял политику и продолжил дело своего "отца", поскольку он использует ту самую фразу, которую использовал Цезарь, оправдывая себя.^[101] Эта фраза иллюстрирует и другой момент. Утверждается, что набор ветеранов был призван защитить его от Антония. Возможно, он еще не понимал, как это должно быть сделано, но в глубине его души была цель сдержать, если не уничтожить, клику, которая стала причиной убийства Цезаря, хотя в данный момент он был с ними в оппозиции к Антонию и очень хотел получить поддержку и одобрение Цицерона. Однако о том, насколько сомнительно и беспокойно чувствовал себя оратор, свидетельствуют два письма, в которых он рассказывает о том, что делал Октавиан.

"Путеолы, 2 ноября. Вечером 1-го числа я получил письмо от Октавиана. Он приступает к серьезному делу. Он склонил к своим взглядам всех ветеранов в Казилинуме и Калатии. И неудивительно: он назначает вознаграждение в 500 денариев за каждого. Очевидно, что в его планах - война с Антонием под его собственным руководством. Так что, как я понимаю, не пройдет и нескольких дней, как мы возьмемся за оружие. Но за кем мы пойдем? Вспомните его имя, вспомните его возраст! И опять же, он требует начать с тайной беседы со мной в Капуе! По-настоящему по-детски полагать, что это можно сохранить в тайне. Я написал ему письмо, чтобы объяснить, что это не нужно и невозможно. Он послал ко мне некоего Цецину из Волатерры, своего близкого друга, который сообщил мне, что Антоний направляется в город с *алаудами*, взимает денежную контрибуцию с муниципальных городов и марширует во главе легиона с развевающимися знаменами. Он хотел знать мое мнение, следует ли ему отправиться в Рим со своим легионом в три тысячи ветеранов, или удержать Капую и таким образом перехватить продвижение Антония, или присоединиться к трем македонским легионам, плывущим сейчас по *Mare Superum*, которые, как он надеется, преданы ему самому. Они отказались принять вознаграждение, предложенное им Антонием, как утверждает, по крайней мере, мой информатор. Они даже грубо оскорбляли его и удалялись, когда он пытался обратиться к ним. Короче говоря, Октавиан предлагает себя в качестве нашего военного лидера и считает, что наша правильная политика заключается в том, чтобы поддержать его. Со своей стороны я посоветовал ему отправиться в Рим. Ибо я думаю, что на его стороне будет не только городская толпа, но, если он сможет внушить им доверие, и лоялисты. О, Брут! Где ты! Какую возможность ты теряешь! На самом деле я этого не предвидел, но думал, что нечто подобное произойдет".

"Путеолы [3] ноября. Два письма от Октавиана в один день! Он считает, что я должен немедленно прибыть в Рим, и что он хочет действовать через сенат. Я сказал ему, что заседание сената невозможно до 1 января, и я полагаю, что так оно и есть. Но он добавляет еще: "и по вашему совету". Короче говоря, он настаивает, а я откладываю решение. Я не

доверяю его молодости, я в неведении относительно его нравов, я ничего не могу сделать без твоего друга Пансы. Я боюсь, что Антоний добьется успеха, и мне не нравится удаляться от моря. В то же время я опасаюсь, что без моего присутствия будет совершен какой-нибудь великий *переворот*". Варро, со своей стороны, не одобряет план юноши. Я с ним не согласен. У него есть силы, на которые он может положиться. Он может рассчитывать на Децима Брута и не скрывает своих намерений. Он собирает своих людей в роты в Капуе, выплачивает им вознаграждение. Война, кажется, все ближе и ближе"[102].

Разрыв Антония с сенатом, ноябрь-декабрь 44 г. до н. э.

Несмотря на эти полусерьезные и сомнительные высказывания Цицерона, сенат по его же предложению вскоре с радостью одобрил действия Октавиана и принял его помощь. События развивались стремительно. Когда Антоний встретил в Брундизии легионы, присланные его братом Гаем,[103] он, кажется, сначала нашел их готовыми подчиниться ему. Но вскоре возникли трудности, вызванные агентами Октавиана, которые то предлагали солдатам щедрые вознаграждения, то рассылали среди них *пасквилы*, обличающие тиранию Антония и пренебрежение к памяти Сезара, и призывающие Октавиана требовать их верности. Вскоре появились признаки мятежа, и после бурного собрания, на котором некоторые офицеры и люди использовали непокорные выражения, Антоний арестовал и предал смерти нескольких офицеров как зачинщиков и около 300 человек. [104] Эти суровые меры, за которыми последовали более либеральные предложения и некоторые примирительные речи, казалось, на время положили конец мятежу. Отобрав из легионов "преторианскую когорту", Антоний отправился в Рим, приказав остальным идти отрядами по прибрежной дороге до Ариминума, где начинается *дорога через долину реки По (via Æmilia)*. В письмах Цицерона от 8, 11 и 12 ноября сообщается о различных слухах о его приближении и тревогах по поводу того, что он собирается делать в Риме.[105] Он прибыл около 20-го числа в полном военном снаряжении и вошел в город с сильным телохранителем, остальные его люди расположились за стенами. Однако он не стал задерживаться. Созвав сенат на 25-е число эдиктом, в котором он осуждал характер и цели Октавиана,[106] он отправился в Тибур, где приказал собрать новые войска. Здесь он произнес речь, которую Цицерон впоследствии назвал "язвительной"[107]. 25-го числа, однако, он не появился в сенате. Второй эдикт перенес заседание на 29-е. Цицерон намекает, что его неявка 25-го числа была вызвана каким-то дополнительным дебошем. Но на самом деле причиной могли быть новости о *легионе Марция*, который, вместо того чтобы идти в Ариминум, свернул с прибрежной дороги и добрался до Альбы Фуценсис. Конечно, могло быть и так, что легион направлялся к Антонию в Тибур, куда из Альба-Фуценсис (через *Валерию*) вела хорошая дорога. Поэтому Антоний отправился в Альбу, но обнаружил, что ворота закрыты, и был встречен ливнем стрел со стен. Было ясно, что этот легион, по крайней мере, не собирался служить ему. Он прибыл в Рим на заседание сената 29-го числа, но незадолго до него ему сообщили, что кварта последовала примеру Марция и находится в Альба-Фуценсис. Он понял, что эти легионы собираются присоединиться к Октавиану, и уже не считал возможным добиться объявления Октавиана *hostis*, хотя один из его сторонников был готов это предложить. Поэтому, совершив несколько формальных дел, в первую очередь распределение провинций, в результате которого его брат Гай получил Македонию, и прошение в честь Лепида, он поспешил вернуться в Тибур. Его друзья и сторонники навестили его в большом количестве, но уже через несколько дней он был на марше в Ариминум, чтобы присоединиться к оставшимся пяти македонским легионам[108].

Цицерон сомневался в намерениях Октавиана.

Целью Антония было нападение на Децима Брута, чьи силы были сосредоточены в Мутине. Но как бы то ни было, он уехал из Рима, и Октавиан выиграл первый трюк в игре. Цицерон объясняет снижение тона Антония в сенате и его поспешный отъезд тем, что Октавиан быстро и успешно поднял ветеранов и склонил Марция и кварту к дезертирству. Однако поначалу он не был уверен в намерениях молодого человека. В письме из Путеоли от 5 ноября он сообщает Аттику, что каждый день получает от Октавиана письма, в которых тот умоляет его приехать в Капую и еще раз спасти республику, а если нет, то хотя бы отправиться в Рим. Цицерон "стыдится отказать и боится принять", но признает, что Октавиан действует энергично и, вероятно, войдет в Рим с большими силами. Но он сомневается, что молодой человек понимает ситуацию и терроризм, установленный Антонием в сенате. По его мнению, лучше подождать, пока 1 января не начнется новое консульство.^[109] Около 12 ноября он говорит Аттику, что если Октавиан победит сейчас, то есть опасения, что он подтвердит *аста* Цезаря более полно, чем когда-либо, что будет против интересов Брута, а если он будет побежден, то Антоний станет еще более деспотичным.^{[В} начале декабря (или в конце ноября) он с тревогой упоминает о возможности избрания Октавиана на случайную вакансию в трибунате^[111] и соглашается с замечанием Аттика, что хотя Октавиан дал Антонию заметную отмашку, "нужно подождать, чтобы увидеть конец". И снова он говорит Оппию: "Я не могу быть на его стороне, не имея определенной уверенности в том, что он сердечно примет дружбу Брута, Кассия и других тираноборцев"^[112].

Октавиан начинает свой поход.

Однако 9 декабря, приехав в Рим после отъезда Антония, Цицерон решил, что на данный момент все недоверие должно быть отброшено или, по крайней мере, скрыто. Октавиан собрал свои силы в Альба-Фуценсис и после нескольких переговоров с сенатом, который горячо приветствовал его предложение о помощи, отправился со своими легионами по следу Антония, который еще до конца года начал инвестировать Мутину, после отказа Децима Брута покинуть провинцию.

Октавиан признан сенатом и получает *imperium*, январь 43 г. до н. э.

Так, 20 декабря Цицерон сам внес в сенат резолюцию, уполномочивающую назначенных консулов обеспечить безопасное заседание сената 1 января; одобряя только что прибывший эдикт Децима Брута, в котором он запрещал кому-либо с *imperium* въезжать в его провинцию, чтобы сменить его; предписывал всем наместникам провинций сохранять свои провинции до тех пор, пока сенат не назовет преемников; и, наконец, одобрял действия "Гая Цезаря" по зачислению ветеранов, а Марция и Кварты - по присоединению к нему. Эти постановления должны были быть официально представлены сенату 1 января новыми консулами.^{113]} В этот и последующие дни после бурных дебатов были приняты эти декреты, а также декрет, признававший заслуги Октавиана и дававший ему звание пропретора с *imperium*. Также было постановлено, что при выборах на должность он должен считаться обладателем квесторства. Таким образом, он стал членом сената с правом голоса среди *преторов* и, следовательно, с убедительным правом претендовать на пост консула, несмотря на свою молодость. Второй декрет - после битвы при Мутине - даровал ему *консулярные полномочия (consularia ornamenta)*^[114].

Теперь Октавиан был полностью готов к государственной карьере. Он показал и Антонию, и сенату, что не является ничтожной величиной. Хотя сенат не любил его и не доверял ему, он разыграл свои карты с таким мастерством, что был вынужден считать его своим защитником; Антоний же сумел поставить себя в такое явное противоречие с конституционными требованиями сената, что Октавиан мог напасть на него, не связывая себя тем самым

поддержкой ассасинов, и настолько укрепился, что (в случае успеха против Антония) впредь мог бы диктовать свои условия. Цицерон видел это достаточно ясно, но он надеялся, что поражение Антония привлечет на сторону сената правителей Галлии и Испании с их легионами^[115] и что, получив поддержку, они смогут отказаться от своего юного чемпиона. "Его, - говорил он позже, - должны были похвалить, отличить и уничтожить"^[116]. Сейчас мы увидим, как надежды сангвинического оратора были вновь разрушены, и как все эти интриги были сорваны благодаря осторожной политике и хладнокровному упорству "мальчика".

ГЛАВА IV КОНСУЛЬСТВО И ТРИУМВИРАТ

Gravesque

principum amicitias.

Положение Октавиана в начале 43 г. до н.э.

Мутинская кампания, в которую вступил Октавиан, завершилась двумя сражениями - 15 апреля на Forum Gallogum и 21 апреля в лагере Антония. После последней даты происходили военные движения, представлявшие определенный интерес и важность, но без реального конфликта. До этих сражений положение Октавиана было сложным и деликатным, и хотя после них оно значительно улучшилось, но не так, как ожидал сенат. Перемены произошли благодаря его собственному благоразумию и энергии. С тех пор как он отправился из Альбы вслед за Антонием, положение дел в Риме сильно изменилось, и у него были все основания сомневаться в благосклонности партии, на которую Цицерон теперь оказывал преобладающее влияние. Цицерон, судя по всему, вел постоянную переписку с Октавианом, в которой лестью и аргументами пытался удержать его помощь и усыпить его подозрения. Но были факты, которые ему, должно быть, было трудно объяснить, чтобы Октавиан остался доволен. Правда, помимо почестей, оказанных ему в сенате в первую неделю 43 года до н. э., он вместе с другими магистратами вошел в *Senatus-consultum ultimum*, уполномочив их "следить за тем, чтобы государству не был причинен вред".^[117] Но хотя декреты также давали ему конституционное право командовать солдатами,^[118] однако отправка двух консулов к месту войны лишила его главного командования; в то время как более умеренная партия провела через голову Цицерона постановление об отправке трех комиссаров для переговоров с Антонием. Цицерон утверждает, что они были уполномочены лишь передать Антонию приказ сената о том, что он должен покинуть галльскую провинцию. Однако сами комиссары так не считали. Один из них - серв. Сульпиций Руф - умер во время путешествия; двое других - Калпурний Пизон и Антоний - скончались. Кальпурний Пизон и Л. Марций Филипп привезли от Антония в феврале несколько предложений, которые, если бы были приняты, возможно, обеспечили бы безопасность Брута и Кассия, но точно оставили бы Октавиана на произвол судьбы, без всякого предложения для поддержания военных сил.

Предложения Антония.

Антоний предложил отказаться от Цизальпийской провинции при условии получения Трансальпийской Галлии, за исключением Нарбоненской, с шестью легионами, уже подчиненными ему, дополненными теми, которыми сейчас командует Дек Брут, на пять лет, или на то время, пока Брут и Кассий будут консулами или проконсулами. Во-вторых, при

условии, что *акты* его консульства, включая использование денег из храма Описа и пожалования земель, будут оставлены в неприкосновенности, а служащие при нем получают полную компенсацию". Посланцы были против крайней меры - объявить состояние войны (а не *смуты*) и провозгласить Антония *hostis*, и большинство сената согласилось с ними и проголосовало за дальнейшие переговоры. Это была странная позиция. Октавиан был уполномочен сенатом изгнать Антония из Цизальпинской Галлии. Один из консулов - Аулус Гирций - покинул Рим с двумя легионами и фактически вступил в контакт с врагом в кавалерийской стычке при Клатерне; другой консул, Панса, также готовился следовать за ним. Однако сенат вел переговоры с Антонием так, словно он был не *hostis*, а гражданин с претензиями. Скоро должно было наступить время, когда и Октавиан сочтет нужным заключить соглашение с Антонием; но ничто не могло быть более противным его интересам, чем нынешние действия сената. Ему показалось бы циничным пренебрежение их взаимными обязательствами. Но это было еще не самое худшее. Предложение Антония в отношении Брута и Кассия было лишь предложением признать свершившийся факт. Эти два лидера убийства уже были назначены сенатом в Македонию и Сирию. Цицерон вел с ними постоянную переписку, называя их главной надеждой конституции и предлагая использовать их армии для удержания партии в Италии. Кроме того, Требоний был отправлен в Азию с явным пониманием того, что он должен укрепить эту провинцию и собрать деньги для поддержки Брута и Кассия. Когда пришло известие о том, что Требоний был предан смерти Долабеллой, сенат объявил последнего *hostis*, а его наказание поручил Кассию.

Письмо Антония к Октавиану.

Эти факты должны были постепенно дать Октавиану понять, что полный триумф цицероновской партии будет для него не менее губителен, чем для Антония. Но хотя сам Антоний умело использовал их в письме, адресованном Гирцию и Октавиану,^[120] молодого цезаря нельзя было склонить к преждевременному шагу. С сенатом можно будет разобраться потом, а пока необходимо было не допустить, чтобы Антоний стал достаточно сильным, чтобы диктовать условия как себе, так и сенату. Поэтому он спокойно продолжал участвовать в кампании.

Военная ситуация весной 43 года до н. э.

Сенаторские войска командовали округой вокруг Мутины, за исключением Бононии, Регия Лепиди и Пармы. Первый из этих городов находился в двадцати трех милях к востоку от Мутины по Эмилиевой дороге, а два других - примерно на таком же расстоянии к западу от нее. Они находились в руках Антония, обеспечивая ему оперативные базы по обе стороны от Мутины. В середине февраля Цицерон ежедневно ожидал известий о том, что Дек Брут закончит войну вылазкой из Мутины. В это время штаб-квартира Антония находилась в Бононии, и только часть его войск вступала в Мутину. Гирций находился в Клатерне, в одиннадцати милях к востоку от Бононии; Октавиан - в Форуме Корнелия (Имола), в девяти милях дальше к востоку. Плохая погода мешала серьезным операциям, но в марте Антоний эвакуировал Бононию, чтобы всеми силами приступить к осаде Мутины. Гирций и Октавиан сразу же заняли Бононию и постепенно выдвигали укрепленные посты к Мутине;^[121] к декаде Брут испытывал большие затруднения с продовольствием, и они опасались, что ему придется сдаться. Но, не имея равных с Антонием, особенно в кавалерии, они стремились дожидаться свежих легионов из Рима под командованием Пансы. Время от времени происходили мелкие стычки,^[122] но по мере того как тянулись дни, а Мутина не была освобождена, беспокойство в Риме становилось все сильнее. "Я с беспокойством жду новостей, - пишет Цицерон 11 апреля, - настал решающий час; ведь вся наша надежда зависит от освобождения Дека Брута"^[123]. 15 и 16 числа в городе началась паника,

вызванная претором Вентидием Бассом. Он набрал два легиона ветеранов и, как считалось, собирался вступить в Рим. Однако он отправился в Потенцию, чтобы понаблюдать за результатами борьбы в Цизальпинской Галлии; а через несколько дней пришло известие о победе при Форуме Галлорум, которое сменило необоснованную панику на почти такое же необоснованное ликование^[124].

Битва при Forum Gallorum, 15 апреля 43 г. до н. э.

Ожидалось, что Панса достигнет места военных действий около 16 апреля. Отряд, состоящий из Марция и двух преторских когорт, был отправлен, чтобы провести его и четыре его новых легиона в лагерь. Чтобы перехватить этот отряд, Антоний спрятал два легиона в Forum Gallorum, оставив на виду только свою кавалерию и легкое вооружение. 14-го Панса расположился лагерем у Бононии, а на следующее утро вместе с войсками, высланными ему навстречу, отправился к Гирцию в его лагерь у Мутины. Основные силы шли по открытой местности; две когорты преторианцев держались *via Эмилия*. Возле Forum Gallorum была болотистая и труднопроходимая местность. Марции прошли ее первыми и внезапно увидели конницу Антония. Удержать их было невозможно: разъяренные воспоминаниями о товарищах, казненных в Брундизии, они бросились в атаку. Панса, не в силах остановить их, попытался поднять на подмогу два новых легиона. Но Антоний был слишком быстр для него. Он внезапно вывел свои легионы из деревни, и Панса, оказавшись под угрозой окружения, вынужден был отступить в свой лагерь, разбитый накануне вечером, сам получил две раны, а когорты преторианцев на Эмилиевой дороге были разрублены на части. Казалось, Антоний одержал победу. Но он попытался сделать слишком многое. Он двинулся к Бононии, надеясь взять лагерь штурмом, но был отбит и вынужден удалиться в свои покои под Мутиной. Однако он находился в нескольких часах марша от них. Его люди устали, и когда они снова достигли Forum Gallorum, их встретил Гиртий, который, узнав о катастрофе Пансы, выступил с двадцатью когортами ветеранов. Усталые люди Антония были полностью разбиты почти на месте утренней победы, и ему пришлось бежать со своей конницей в свой лагерь под Мутиной, куда он добрался только после захода солнца. У Гиртия не было конницы, чтобы преследовать его, и он отправился к раненому Пансе.

Хотя преторианские когорты, так сильно пострадавшие на дороге, принадлежали Октавиану, он не возглавлял их и, похоже, не участвовал ни в одном из сражений. Но, судя по всему, некоторые из людей Антония угрожали лагерю, которым он руководил, и его успех в отражении нападения был достаточно заметен, чтобы солдаты приветствовали его титулом императора наравне с Гирцием и Пансой^[125].

Второе поражение Антония при Мутине, 21 апреля.

Весть об этой победе достигла Рима 20-го числа, и об экстравагантном ликовании цицеронцев можно судить по Четырнадцатому Филиппику. Но Антоний все еще удерживал Мутину, и хотя он понес большие потери, но и его противники, особенно Марций и преторские когорты Октавиана, тоже. Панса, искалеченного ранами, отнесли в Бононию, и несколько дней ничего важного не предпринималось. Но 21-го числа Гирций и Октавиан двинулись к западу от Мутины, где линии обороны были менее полными, в надежде освободить город с этой стороны. Антоний выслал свою конницу, чтобы перехватить их, и, после нескольких стычек, два легиона, чтобы поддержать ее. Октавиан атаковал их и оттеснил к их лагерю, в который пробился Гиртий, но был убит в валу. Октавиан завладел телом погибшего, но вскоре был вынужден эвакуировать лагерь. Потери Антония в этих двух сражениях были столь велики, что он опасался, как бы Октавиан сам не вложил в него свои силы, к которым, как он был уверен, присоединятся Лепид и Планк. Какова бы ни была тогда

судьба Децима Брута, он, во всяком случае, будет парализован. Он решил броситься в Трансальпийскую провинцию, надеясь, что там к нему присоединятся не только Поллий, Лепид и Планка, но и Вентидий. Он снял осаду и с сильной конницей двинулся *по дороге через Эмилию*. В Дертоне он оставил дорогу и прошел через сложный проход Акве Статизелла, ведущий к побережью у Вада Сабатия. Там к нему присоединился Вентидий, и они двинулись вдоль Ривьеры в провинцию. Децим Брут начал преследование только на третий день, отчасти из-за истощенного состояния своих людей после долгого перехода, отчасти потому, что хотел склонить Октавиана присоединиться к нему.

Ликующие цицероновцы не обращают внимания на Октавиана.

Весть об отставке Антония достигла Рима 26-го числа. Ликующие цицероновцы считали войну оконченной, и на следующий день под влиянием Цицерона Антоний и его сторонники были объявлены в сенате *хозяевами*.^[126] Его считали полностью уничтоженным, а сенат вновь считался верховным. Децим Брут, конечно же, разрубил на куски жалкие остатки войск Антония; Лепид и Планк будут держать свои провинции в повиновении сенату. Октавиан больше не был нужен, и это сразу же почувствовали. Мало того, что по стране поползли скандальные слухи, обвинявшие его в том, что он стал причиной смерти Гиртия и подговорил своего врача отравить раны Пансы,^[127] так еще и в благодарственном голосовании армии о нем не было ни слова. Кроме того, голосование было составлено таким образом, чтобы внести разлад в саму армию, назвав одни когорты для почестей и обойдя другие; а легатам, передававшим благодарности и почести, было велено общаться непосредственно с солдатами, а не через Октавиана как их командира. Легионы Пансы были переданы Дециму Бруту, даже Марция и Кварта, которых раньше хвалили за то, что они присоединились к Октавиану. В то же время все, кто мог быть враждебен ему, были повышены в звании. Секст Помпея объявили главой морских сил республики; Брут и Кассий были утверждены в своих провинциях и получили особые полномочия во всех остальных провинциях к востоку от Адриатики; была назначена комиссия из десяти человек для пересмотра *актов* консульства Антония, в которых Октавиану не было места.^[128] Наконец, его притязания на триумф и на то, чтобы стать кандидатом на одну из вакантных должностей консула, были отклонены, хотя в качестве своего рода поощрения ему была предоставлена *консульская орнаментальная должность*,^[129] а Цицерон, похоже, предложил устроить ему овацию. [Если Цицерон, находившийся с ним в постоянной переписке и даже обсуждавший возможность того, что они будут занимать консульский пост как коллеги,^[132] мог так говорить, то что ему было думать об остальном? Несомненно, все эти обстоятельства способствовали укреплению решимости Октавиана. Он сразу же отказался сотрудничать с Децимом Брутом или сдавать ему свои легионы. Хотя легионы под командованием Гиртия и Пансы были телесно переданы сенатом Бруту, Марций и Кварта отказались подчиниться приказу и заявили о своей верности Октавиану. Их примеру последовали и остальные ветераны, отказавшиеся служить под началом убийцы своего старого императора. Укрепившись таким образом, Октавиан принял линию поведения, которая отчасти встревожила, а отчасти озадачила других командующих войсками. Он установил тайную связь с Антонием, освободил пленных, взятых из его армии, и позволил некоторым офицерам присоединиться к нему; в то время как сам он, оставаясь в бездействии в течение нескольких месяцев, втайне готовился к тому, чтобы предъявить свои претензии на консульство. С отъездом Децима Брута он остался спокойно командовать большей частью Цизальпинской Галлии, и между ним и Римом не было никаких военных сил, так как Вентидий совершил свой стремительный марш из Потенции к западному побережью у Вады.

Ослабление чувств в Риме.

Постепенное разочарование цicerоновцев в победе над Антонием, недоумение, вызванное бездействием Октавиана, промедление и беспомощность Децима Брута - все это верно отражено в переписке Цицерона этого периода. Поначалу все было в *розовом цвете*. 21 апреля, получив известие о битве при Форуме Галлорум, он пишет: - "В юности Цезарь

"В юном Сезаре есть замечательный природный оттенок добродетели. Молите небеса, чтобы мы могли управлять им в пору почестей и популярности так же легко, как мы управляли им до сих пор! Это, конечно, сложнее, но все же я не сомневаюсь. Ведь юношу убедили, и главным образом мои доводы, что наша безопасность - его дело, и что, во всяком случае, если бы он не отвлек Антония от города, все было бы потеряно"[133].

27-го числа (после известия о драке в лагере) он думает, что Октавиан вместе с Децимом Брутом преследует Антония или, как он говорит, "остатки врага"[134].

Но вскоре ему сообщают, что Октавиан не действует таким образом и не служит интересам сената. Децим Брут пишет из Дертоны 5 мая

"Если бы Цезарь послушался меня и перешел Апеннины, я бы поставил Антония в такое положение, что его погубила бы скорее нехватка провизии, чем меч. Но ни один человек не может управлять Сезаром, ни сам Сезар не может управлять своей армией - и то, и другое крайне пагубно"[135].

Децим Брут был неточно информирован об отношениях между Октавианом и его войсками,[136] но был совершенно прав, заключив, что помощи от него ждать не приходится. Он снова написал 12 мая, объясняя свою задержку с началом преследования тем, что "не мог доверять Цезарю, не посетив и не поговорив с ним"[137]. Однако он ничего не добился от этой беседы и был особенно встревожен тем, что Марций и Кварта отказались присоединиться к нему.[138] 24 мая он снова пишет Цицерону, предупреждая, что Октавиан узнал о его эпиграмме, что ветераны возмущены действиями в Риме и что Октавиан получил все войска, которыми в последнее время командовал Панса. [139] Позже в том же месяце он, кажется, предлагает отозвать Брута и поручить защиту Италии Октавиану. [140]

Это последнее предложение показывает, как далеко он не смог проникнуть в политику Октавиана. Ошибку разделил и наместник Кельтской Галлии Л. Мунаций Планк, который двигался к этой провинции, рассчитывая, что Октавиан присоединится к нему в противостоянии с Антонием, или, во всяком случае, полагая, что армия Октавиана находится в распоряжении сената. "Пусть Цезарь, - пишет он 6 июня, - придет с лучшими войсками, которые у него есть, или, если что-то помешает ему прийти лично, пусть пришлют его армию"[141] Несколько недель спустя он тоже узнал, что истинная цель Цезаря была понята неправильно. Он пишет 28 июля

"Я не перестаю упрашивать его письмом, и он неизменно отвечает, что прибудет без промедления, хотя все время я чувствую, что он отказался от этой идеи и занялся каким-то другим планом. Тем не менее, я отправил к нему нашего друга Фурния с посланием и письмом, на случай, если он сможет принести пользу"[142].

Пока генералы в Галлии постепенно убеждались в том, что Октавиан проводит самостоятельную политику, надежды на поддержку, которые Цицерон питал дома, исчезали одна за другой. К середине мая он понял, что отступление Антония - это не беспорядочное бегство, как предполагалось, и не конец войны.

"Новости, которые достигли Рима, - говорит он 15 мая, - и которым все поверили, заключались в том, что Антоний бежал с небольшим количеством людей, которые были без оружия, охвачены паникой и полностью деморализованы. Но если он находится в таком положении (как говорит нам Гресций), что ему нельзя предложить сражение без риска, то, как мне кажется, он не бежал из Мутины, а просто сменил место войны. Соответственно, это вызывает всеобщее возмущение"[143].

В этих обстоятельствах Цицерону ничего не оставалось, как попытаться удержать Децима Брута, Лепида и Планка в лояльности сенату и призвать их к активным действиям.

"Будьте сами себе сенатом, - пишет он Планку около 27 мая, - и следуйте туда, куда вас приведут интересы государственной службы. Пусть будет вашей целью, чтобы мы услышали о какой-нибудь блестящей операции, проведенной вами раньше, чем мы думали, что она произойдет. Я даю вам слово, что, чего бы вы ни добились, Сенат признает, что это было сделано не только с верным намерением, но и с мудростью"[144].

Но 29 мая Лепид присоединился к Антонию.[145] 3 июня Децим Брут в последний раз в отчаянных тонах пишет Цицерону из Гренобля,[146] и хотя последующий союз с Планком еще несколько недель удерживал его от гибели, он уже никогда не смог сделать ничего значительного. Единственной надеждой Цицерона оставалось побудить М. Брута или К. Кассия, или обоих, прийти в Италию со своими армиями. Он, конечно, не совсем потерял надежду на лояльность Октавиана, но старые сомнения возвращались, и, хотя он по-прежнему говорил ему лестные слова, он должен был сознавать, что Октавиан оценил их ценность. В конце июня в письме, призывая М. Брута приехать в Италию, он говорит: "Защитную силу молодого Сезара я считаю надежной; но столько людей пытаются лишить его верности, что временами я смертельно боюсь, как бы он не сдался"[147].

Октавиан, после нескольких тщетных переговоров, наконец двинулся на Рим. Август, 43 г. до н.э.

Не похоже, чтобы Октавиан поддался чужому влиянию в тех шагах, которые он предпринял сейчас. Как и в другие периоды своей жизни, он мог прислушиваться к советам, но окончательное решение всегда было его собственным, принятым из мимолетных чувств или страсти, но с холодной решимостью устоявшейся политики. Он решил, что для того, чтобы иметь возможность вести дела с Антонием на равных, ему необходимо получить одну из вакантных должностей консула. Это сделает его законным главой государства и добавит к его военной силе престиж и авторитет этой должности. По возможности он должен был быть избран без демонстрации силы, и поэтому вскоре после битвы при Мутине начал переговоры с сенатом через Цицерона. Но сенат заподозрил Цицерона в том, что он сам желает получить должность консула, и не прислушаться к этому предложению. Конституционная трудность с выборами дала сенату достойный повод для отсрочки. Оба консула были мертвы, и претор не мог "создать" более высокий *imperium*, чем его собственный. Некому было назвать диктатора, а поскольку магистраты с *imperium* все еще существовали, *auspicia* не вернулась к *patres*, следовательно, они не могли назвать *interreges*. 1 января, когда все должности курульных станут вакантными, *auspicia* вернется к сенату. Поэтому после некоторого обсуждения, сообщает Цицерон корреспонденту в конце июня, было решено "в интересах конституции отложить выборы до января"[148]. Но Октавиан не собирался препятствовать этой технической трудности. Он не хотел еще больше ослаблять Антония и взваливать на себя всю тяжесть цицероновцев, но твердо решил, что консульство необходимо, чтобы быть с ним на равных.[149] Поэтому он позволил депутации из четырехсот своих солдат отправиться в Рим, чтобы потребовать выплаты назначенных им щедрот, при

том понимании, что они также должны были просить консульства для Октавиана. В объединении этих двух требований был бы какой-то резон, ведь они нуждались в его защите от децемвиров, которые могли вмешаться в распределение земель, сделанное как Юлием, так и Антонием. Но депутация, хотя и была допущена в курию, получила неблагоприятный ответ. Нам рассказывают, что сенат настаивал на том, чтобы они явились без оружия, но один из них вышел из дома сената и вернулся с мечом и замечанием: "Если вы не дадите Сезару консульство, это будет сделано". Тогда Цицерон воскликнул: "Если вы так добиваетесь своего, то он его получит". Та же история произошла с Юлием, а к таким драматическим сценам всегда относятся с подозрением.^[150] Во всяком случае, Октавиан расценил отношение сената как враждебное и решил идти на Рим со своими восемью легионами,^[151] соответствующей конницей и некоторыми вспомогательными войсками.

Октавиан вступает в Рим и получает пост консула. Август, 43 г. до н. э.

Он двинулся двумя колоннами, первая состояла из его самых быстрых и активных людей, возглавляемых им самим, поскольку среди прочих причин беспокойства был страх, что его мать и сестра могут подвергнуться жестокому обращению в Риме. У сената не было войск, чтобы противостоять этой грозной армии, и в ужасе он послал легатов с деньгами, обещанными людям, но в последнее время отказанными депутации. Октавиан, однако, отказал им во входе в лагерь и, не останавливаясь, двинулся дальше. Паника в городе с каждым днем становилась все острее, и Цицерон, поклявшийся своей верностью Октавиану,^[152] оказался под подозрением и удалился из Рима. Тогда сенат пошел на все уступки: обещанное некоторым войскам вознаграждение было удвоено и распространено на все войска в равной степени, хотя казна была истощена выплатой только двум легионам.^[153] Октавиан получил право распределять земли и награды вместо децемвиров, и ему было разрешено быть кандидатом на пост консула в его отсутствие. К нему послали гонцов, чтобы сообщить об этих уступках; но он едва успел их выслушать, как ему сообщили о перемене настроений в Риме. Прибыли легионы, вызванные сенатом из Африки; вновь появился Цицерон; декреты были отменены; принимались меры для защиты города. Два легиона из Африки должны были быть поддержаны *массовым* сбором и легионом, зачисленным Пансой, но не взятым с собой. Главнокомандующим должен был стать городской претор М. Корнут. В то же время на Тибре готовились лодки и другие транспортные средства для бегства главных граждан, их семей и имущества в случае поражения; в то же время велись активные поиски матери и сестры Октавиана в качестве заложников. Октавиан считал, что нельзя терять время. Отправив гонцов, чтобы заверить народ, что им не причинят вреда,^[154] он продолжил наступление на Рим. В одном дне пути от города его встретило большое количество настоящих или притворных сторонников; он счел безопасным оставить свои войска и войти в Рим с сильным телохранителем. Восторженные толпы приветствовали его появление, а когда он подошел к храму Весты, то имел счастье увидеть свою мать и сестру, которые нашли убежище у весталок и теперь вышли, чтобы обнять его. Три легиона в Риме, несмотря на противодействие своих офицеров, выступили в его поддержку, а претор Корнут в отчаянии покончил с собой. Все было кончено, и Октавиан стал хозяином положения. На мгновение показался проблеск надежды. До города дошел слух, что Марций и Кварта отказались следовать за Октавианом в Рим. Вечером Цицерон поспешно собрал нескольких партизан в доме сената, чтобы обсудить возможность дальнейшего сопротивления. Но во время совещания они узнали, что слухи оказались ложными. Им ничего не оставалось, как разойтись, и Цицерон поспешил разыскать Октавиана и запоздало поздравить его, что было принято с иронической вежливостью.

Консульство и другие почести.

Конституционная трудность с выборами была сразу же преодолена путем назначения двух человек с проконсульскими полномочиями для их проведения. Остальное было простой формой, и 19 августа Октавиан вместе со своим двоюродным братом К. Педием вступил в должность консула. Покорный сенат стал осыпать его почестями. Он должен был иметь деньги для выплаты обещанных щедрот; пользоваться *imperium*, когда у него будет армия, превосходящая консулов; делать все, что он сочтет нужным для защиты города; и принять в свое ведение армию, недавно переданную Дециму Бруту. В тот же миг был принят *lex curiata* о его усыновлении по завещанию Сезара, и теперь он стал Сезаром как по праву, так и по вежливости. Его коллега, К. Педий, в то же время провел закон о суде над всеми, кто был причастен к убийству Юлия, и, похоже, сразу же был учрежден *суд quæstio*. Все были осуждены в их отсутствие и лишены гражданства и защиты законов.^[155] Брут и Кассий вместе с остальными убийцами были поставлены в крайне невыгодное положение. С их стороны, как осужденных, было военным актом удерживать свои провинции или командовать войсками. То, что сенат, большинство в котором, несомненно, было в пользу Брута и Кассия, практически одобрил эти меры,^[156] показывает, насколько он был подавлен. На самом деле позиция Октавиана была очень сильной. Брут не мог перебросить достаточные силы из Македонии, чтобы сокрушить его, а Кассий - из Сирии. Эти двое вместе взятые, несомненно, надеялись, что когда-нибудь смогут напасть на него; а пока у него было время укрепиться за счет новых коалиций.

Октавиан отправляется на встречу с Антонием.

Сезар - как мы теперь его называем - оставался в Риме только для того, чтобы проследить за выполнением этих мер. Затем он оставил город под присмотром Педия и снова отправился в Цизальпинскую Галлию. Его номинальной целью было уничтожить Децима Брута - теперь уже осужденного, - но на самом деле он стремился прийти к соглашению с Антонием и Лепидом. Между ними уже переписывались письма, и был согласован план действий. Антоний должен был разбить Децима Брута и Планка, а Педий убедил сенат отменить постановления, объявляющие Антония и Лепида *врагами*. Эти новости были отправлены Сезару во время его неспешного похода и переданы им Антонию, который после этого приступил к выполнению своей части сделки. К этому времени или вскоре после этого он получил подкрепление в лице Асиния Поллиона^[157] с двумя легионами из Испании, которому сразу же удалось обеспечить сплоченность Планка. Большая часть войска под командованием Децима Брута также настаивала на том, чтобы последовать за Планком; Брут был вынужден бежать с небольшим отрядом.

Смерть Децима Брута.

Триумвират, ноябрь 43 г. до н. э.

Это решило судьбу Децима Брута и оставило Северную Италию открытой для Антония, если только Цезарь не решит выступить против него. После различных бесплодных попыток бегства Брут был предан смерти секваном Галлии по приказу Антония,^[158] который затем вместе с Поллием и Лепидом^[159] отправился в Галлию с большей частью своих сил, а остальные были оставлены для охраны провинции. Армия вторжения двинулась по Эмилианской дороге, как будто собираясь напасть на Сезара. Но на самом деле обе стороны намеревались договориться. На островке в притоке По, между Мутиной и Бононией, три лидера - Антоний, Лепид и Сезар - встретились для переговоров, но только после того, как

были приняты тщательные меры предосторожности против предательства. В течение двух дней они с утра до ночи вели серьезные дебаты на виду у своих армий. На третий день солдаты обеих сторон были созваны на *консилиум* и проинформированы о согласованных статьях, хотя последняя и самая страшная из них - проскрипция - не была сообщена. Условия были объявлены следующие: (1) Цезарь согласился отказаться от должности консула, которую до конца года должен был занимать Вентидий Басс; (2) Лепид и Планка должны были стать консулами на 42 г. до н. э.; (3) Лепид, Цезарь и Антоний должны были быть назначены *lex* на остаток года и на пять лет со следующего 1 января *triumviri reipublicæ constituendæ* - коллегией из трех человек для принятия конституции.

Полномочия Триумvirата.

Триумvirат был практически диктатурой по поручению. Этого слова мы избегали из-за его запрета в законе Антония. Но триумвиры должны были осуществлять все полномочия диктатора; их *акты* должны были быть авторитетными; они должны были быть независимы от сената; иметь власть над всеми магистратами; иметь право предлагать законы в *комиции*; регулировать назначение магистратов и губернаторов провинций. Коллегиальное правление было очевидной уступкой основному принципу конституции, но с самого начала это был практически дуумvirат, а не триумvirат, причем Лепид почти сразу же стал считаться нижестоящим. Империя к востоку от Адриатики была на время отделена от этого домашнего правительства и находилась в руках Брута и Кассия; но западная часть должна была быть разделена между тремя - Цезарь брал Африку, Сардинию и Сицилию; Антоний - Цизальпинскую Галлию и Трансальпину, за исключением Нарбонниса; Лепид - Нарбонскую Галлию и Верхнюю Испанию. В этих районах каждый из них был бы верховным и управлял бы лично или через своих легатов. Однако большая часть доли Сезара все еще находилась в руках Секста Помпея, и ее нужно было отвоевать. Поэтому было решено, что в следующем году Лепид, как консул, будет отвечать за порядок в Италии, в то время как Цезарь займется усмирением Секста, а Антоний - противостоянием Бруту и Кассию.

Солдаты обеих армий, не желая воевать друг с другом, восприняли это объявление с энтузиазмом. Их преданность памяти Юлия Цезаря подогревалась верой в то, что антицезарианская клика в Риме намеревалась лишить их денег и земель. С другой стороны, триумвиры обещали им надель в самых лучших частях Италии - Капуе, Регию, Венусию, Вибо, Беневенте, Ариминуме, Нуцерии. В большинстве этих мест имелись земли, которые по той или иной причине стали *ager publicus*; а когда это не удавалось, всегда находились владельцы, чье участие в только что закончившейся и предстоящей войне давало возможность для конфискации. Поэтому такое сочетание военачальников отвечало взглядам и желаниям солдат, и некоторые из них настаивали на том, чтобы еще больше скрепить узы браком Сезара с падчерицей Антония Клодией.^[160] Сезар согласился на помолвку, но поскольку Клодия была еще совсем юной, он благоразумно отложил брак. Несомненно, он предвидел возможные неудобства, связанные со слишком тесным союзом с Антонием.

Запрет.

Следующим шагом для всех троих было прибыть в Рим и получить юридическое подтверждение своего назначения. Но они не стали дожидаться прибытия в город, чтобы начать месть. Они договорились следовать прецеденту Суллы, опубликовав списки людей, объявленных вне закона. Большой список был оставлен для дальнейшего рассмотрения, но предварительный список из семнадцати имен был составлен сразу же, и солдаты были отправлены с приказом предать смерти всех, кого найдут. Среди них были Цицерон, его брат

и племянник. Плутарх рассказывает, что имя Цицерона было включено в список в качестве компромисса. Октавиан выторговал Луция Цезаря, дядю Антония, и взамен уступил Антонию включение Цицерона, а Лепид согласился на включение своего брата, Л. Павла.^[161] Четверо из семнадцати были сразу же найдены и преданы смерти. Цицерон скрывался до прибытия триумвиров в Рим, но был убит под Формией 7 декабря, а его брат и племянник уже были преданы смерти в Риме. Первым в город прибыл Цезарь, за ним быстро последовали Антоний и Лепид, каждый с сильной преторианской гвардией. Их назначение было должным образом подтверждено в *комициях* по предложению трибуна Тита Тиция, и 27 ноября они вступили в должность^[162].

Естественно, внезапная казнь троих из семнадцати, найденных в Риме, вызвала большую тревогу в городе, где никто не знал, чья очередь наступит следующей. Панику удалось несколько ослабить, когда Педий опубликовал список семнадцати, заверив, что больше казней не предвидится. Судя по всему, он искренне верил в это, но волнение ужасной ночи оказалось слишком сильным для него, и он умер в течение следующих двадцати четырех часов. На следующий день после назначения триумвиров (28 ноября) горожане с ужасом увидели вывешенный на Форуме эдикт, в котором подробно излагались причины предстоящих казней и предлагалась награда за голову любого из нижеперечисленных - 25 000 сестерций свободному, 10 000 и свобода рабу. Всех, кто помогал или скрывал запрещенного человека, ждала смерть. Ниже находились две таблички, одна для сенаторов, другая для эквитов. Они содержали 130 имен, помимо первоначальных семнадцати, к которым вскоре добавилось еще 150. В последующие дни к ним постоянно добавлялись новые, либо по злему умыслу, либо из корысти. В некоторых случаях людей сначала убивали, а затем вносили их имена в списки. По эдикту рабы были заинтересованы в предательстве своих хозяев, против которых, возможно, у этих несчастных был длинный список обид, за которые они должны были отомстить. Теперь они получали зверское удовольствие, видя, как их угнетатели корчатся у их ног. Но в то же время это сильно ущемляло привязанность ближайших родственников, жизнь которых лишалась жизни, если они скрывали или помогали запрещенным лицам. Продажа конфискованного имущества по низким ценам открывала возможности для жадных людей, и многие погибли из-за того, что обладали домом или землей, желанными для Фульвии или друга Антония. Но хотя террор выявил много подлости и предательства, он также показал много примеров мужества и преданности. Жены и сыновья рисковали жизнью ради мужей и отцов; были и рабы, которые принимали одежду своих хозяев и умирали за них.

Резня началась с Сальвия, хотя он занимал священный пост трибуна. Два претора - Минуций и Л. Веллий - были зарублены во время работы в своих судах. Чтобы показать, что никакие связи, какими бы высокими они ни были, не могли спасти человека, во главе списка стоял брат Лепида, дядя Антония, брат Планка и тесть Асиния Поллио. Но, как обычно бывает в такие страшные времена, погибли многие, кто по своему скромному положению или молодости не мог иметь никакого отношения к политике. Общее число проскрибированных, по словам Аппиана, составило "триста сенаторов и около двух тысяч эквитов". Ливий говорит, что в списках было 130 имен сенаторов и большое количество (*plurimi*) эквитов. Ливий, вероятно, называет число сенаторов, которые действительно погибли.^{163]} В самом Риме террор, вероятно, был кратковременным. Не потребовалось бы много времени, чтобы найти тех, кто остался в городе; ворота и дороги строго охранялись, и было трудно уклониться от бдительности военных. Но многие скрывались в деревне, и их поиски продолжались в первые месяцы следующего года, и по всей Италии солдаты прочесывали города, деревни, леса и болота в поисках запрещенных. Вероятно, точное число казненных так и осталось неизвестным. Но кажется вероятным, что примерно половине удалось

спастись, некоторые из них в более счастливые времена заняли высокие посты. Возможных мест убежища было три: лагерь Брута в Македонии, Кассия в Сирии и флот Секста Помпея на Сицилии. Помпей послал корабли обогнуть южные берега Италии и подобрать беженцев; он пытался противостоять эдикту, предлагая тем, кто спасет хоть одного из них, удвоить сумму, назначенную триумвирами за их головы. Он либерально относился к их нуждам и находил командование или другую работу для высокопоставленных лиц.^[164] Наконец, в начале 42 г. до н. э. Лепид сообщил сенату, что проскрипциям пришел конец. По-видимому, он имел в виду, что не будет составлен новый список, а не то, что те, кто уже был проскрибирован, будут помилованы; присутствовавший при этом Цезарь выразил протест против того, чтобы его связывали даже этим заявлением^[165].

Протест дам.

На самом деле был опубликован еще один список, но на этот раз в нем фигурировало имущество, подлежащее конфискации, а не жизни, подлежащие лишению. Несмотря на уже большие конфискации, триумвиральное правительство испытывало финансовые трудности. Конфискованное имущество подлежало уменьшению на приданое вдов, 10 процентов сыновьям и 5 процентов дочерям.^{166]} Эти требования, возможно, не всегда удовлетворялись, но иногда все же удовлетворялись. Кроме того, помимо естественного падения цен, вызванного тем, что на рынке сразу появилось столько имущества, большая его часть была продана друзьям и сторонникам с большими скидками, мало кто осмеливался торговаться с людьми, облеченными властью, или солдатами. Поэтому казна обогатилась не так сильно, как можно было ожидать; а поскольку триумвирам в ближайшем будущем предстояло вести две войны, они очень нуждались в деньгах. Трибут и налог на рабов были снова введены, но не привели к излишку. Поэтому было предложено средство, подобное штрафам на "злодеев" в Англии во времена Содружества. Были составлены списки более или менее подозрительных лиц, которым предписывалось внести десятую часть своего имущества. Каждый должен был оценить свое имущество, и это давало повод для частых обвинений в мошенничестве, что обычно приводило к конфискации всего имущества. Другие не могли собрать деньги без продажи имущества, что в то время можно было сделать только с огромными потерями. Таким людям была предложена альтернатива, которая оказалась не менее губительной. Они могли отказаться от всего своего имущества и ходатайствовать о восстановлении трети. Казна вряд ли поспешила бы осуществить эту сделку, ведь сначала нужно было продать и удовлетворить требования, предъявляемые к поместью, а также оценить сумму, причитающуюся владельцу. Это был закон об обремененных имениях, в соответствии с которым возможность спасения всегда была невелика и имела тенденцию к полному исчезновению.^[167] Среди тех, на кого был наложен запрет, было около четырнадцати сотен дам. Они не молча подчинились, а обратились к Октавии, а также к матери Антония Юлии и его жене Фульвии. Октавия и Юлия приняли их любезно, но от дверей Фульвии их оттеснили. Не растерявшись, они предстали перед трибуналом триумвиров, где Гортензия, дочь оратора Гортензия, выступила в их защиту с красноречием своего отца. "Если они виновны, - утверждала она, - то должны были разделить участь своих родственников. Если же нет, то причинять вред их имуществу было так же несправедливо, как и их личностям. Они не имели политических прав и поэтому не подлежали налогообложению. В старину женщины добровольно вносили свои личные украшения в оборону страны; но они никогда не вносили и, как она надеялась, никогда не будут вносить свой вклад в гражданскую войну и не проявят симпатий ни к одной из сторон". Триумвиры восприняли этот протест с гневом и приказали своим ликторам прогнать дам. Но им бросились в глаза знаки неодобрения в толпе, и на следующий день был заменен новый эдикт, который содержал только четыреста имен женщин и, вместо того чтобы называть

отдельных мужчин, налагал на все имущество свыше 100 000 сестерций (около 800 фунтов стерлингов) немедленный налог в размере 2 процентов от капитала и годового дохода на расходы войны[168].

Ответственность Августа за проскрипции.

Для справедливого представления о характере Августа важно решить, насколько он попустительствовал жестокостям проскрипций. С общей политикой он, похоже, был полностью согласен; а в том, что касается полной мести тем, кто был причастен к убийству Юлия, он, без сомнения, был неумолим. Но его правление как единственного главы государства было настолько справедливым и мягким, что многим трудно поверить в то, что он не просто молчаливо соглашался с остальными проскрипциями. Сам Август в мемуарах, оставленных для гравировки после его смерти, опускает все упоминания о них и удобно переходит от юридического осуждения убийц к утверждению, что он пощадил оставшихся в живых филиппинцев. Патеркул упоминает о них лишь в одном предложении, в котором содержится искусная инсинуация на то, что Август присоединился к ним только по принуждению. Аппиан не делает различий между этими тремя. Он, правда, рассказывает нам несколько историй о милосердии, проявленном Августом, и о том, как он одобрял акты верности со стороны друзей или рабов. Но он также приписывает Антонию как минимум один подобный поступок. Плутарх говорит, что основная вина, как считалось, возлагалась на Антония, который был старше Сезара и влиятельнее Лепида. Дио более подробно рассматривает этот вопрос. Он утверждает, что Антоний и Лепид несут главную ответственность за проскрипции, указывая на то, что Октавиан по своему характеру, а также по связи с Юлием был склонен к милосердию; кроме того, он недостаточно долго занимался политикой, чтобы зародить много вражды, в то время как его главным желанием было быть уважаемым и популярным; и, наконец, что когда он избавился от этих соратников и оказался у власти, он никогда не был виновен в подобных преступлениях. Самым сильным из этих аргументов является тот, который утверждает, что молодость Сезара обеспечила ему иммунитет от повсеместной вражды; и действительно, кажется вероятным, что за пределами реальных убийц и их ближайших сторонников Август лично не заботился о том, чтобы расширить применение меча палача. Но его нельзя оправдать за несколько циничное безразличие к жестокостям, совершенным под общим именем и властью триумвиров. Ни одна из них не приписывается ему напрямую, за исключением, возможно, случая с его (очевидно, неверным) опекуном Торанием; но нет и никаких сведений о том, что он вмешался, чтобы предотвратить их. Суетоний, по-видимому, дает более правдивый отчет, согласно которому он сначала сопротивлялся проскрипции, но, когда решение было принято, настаивал на ее неукоснительном выполнении. Проскрипция была одиозным преступлением; но проскрипция, не выполнившая своей цели, также была бы чудовищной ошибкой. Я, однако, не принимаю критику Сенеки, утверждающего, что его последующее милосердие было просто "жестокостью в изнеможении"[169]. Молодость склонна к жестокосердию. В более счастливом окружении и при более длительном опыте его характер и суждения созревали и смягчались.

Смерть Атии.

В то время как эти ужасы только начинались, Сезар потерял свою мать Атию, нежную и заботливую наставницу его детства и юности, первую из его ближайших родственников, которая признала и одобрила его высокую судьбу. Она умерла, когда он еще был консулом, то есть между 19 августа и 27 ноября 43 года до нашей эры. Преданный ей при жизни, Сезар

теперь добился для нее почестей публичных похорон. Во время Мутинской кампании она, судя по всему, находилась в Риме; а когда его отчуждение от сената делало ее положение неприятным или опасным, она укрывалась у Весталки в сопровождении Октавии и была готова приветствовать его, когда он возвращался в Рим. Николай Дамасский дает привлекательную картину отношений Октавиана с матерью; и даже нелицеприятный Суетоний признает, что его послушное поведение по отношению к ней было образцовым. Она строго воспитывала сына, и автор *de oratoribus* причисляет ее к матери Гракхов. Но ее строгость не лишила сына привязанности и не смогла привить ему высокое чувство долга. Ее второй муж Филипп пережил ее на несколько лет[170].

ГЛАВА V ФИЛИПП

Cum fracta virtus, et minaces

turpe solum tetigere mento.

М. Брут и К. Кассий на Востоке.

Первой задачей триумвиров, после установления власти в Риме, было восстановление единства и мира в империи, которой угрожали две опасности: Брут и Кассий были вооружены на Востоке, Секст и Помпей - на Западе. Помпея - на Западе. Противостояние Брута и Кассия казалось более грозным из двух. Брут, действительно, удерживая Македонию в течение всего 43 г. до н. э., захватив и предав смерти Гая Антония и завоевав несколько лавров в схватках с окрестными варварами, к концу года практически оставил провинцию и удалился в Азию, где декретом сената ему вместе с Кассием была предоставлена пропреторская власть. Но в Кизике и на побережье Вифинии он собрал значительный флот и, укрепившись таким образом и собрав большие суммы денег, отправил Кассию срочные послания с просьбой присоединиться к нему для защиты республики.

Тем временем Кассий сделал многое, чтобы привлечь на свою сторону остальных жителей Востока. В конце 44 г. до н. э. он вошел в Палестину, и к нему присоединились последовательно войска Л. Стация Мурка, проконсула Сирии; М. Криспа, проконсула Вифинии; Цецилия Басса, старого помпеевского офицера, совратившего войска Секстия Юлия с верности; и четыре легиона из Египта под командованием Аулуса Аллиена, которого Долабелла послал, чтобы привести их к себе. С двенадцатью легионами он запер Долабеллу в Лаодикее-ад-Маре, опираясь на флот, частично собранный Лентулом, проквестором Азии, и в конце концов довел его до самоубийства. Он также сам или с помощью своих легатов собрал достаточно сильный флот, чтобы помешать Клеопатре отправить помощь Антонию и Октавиану, а часть его, под командованием Стация Мурка и Кн. Домиция Агенобарба, должна была следить за гаванью Брундизия и предотвращать отправку войск из Италии.

Таким образом, весной 42 года до н. э., когда Брут и Кассий встретились в Смирне, они оба обладали грозными силами, морскими и военными, а Кассий, во всяком случае, был хорошо обеспечен деньгами. Однако они не сразу двинулись в Македонию, так как считали, что опасность, угрожавшая Сексту Помпею, задержит продвижение. Помпея задержит продвижение триумвиров. Поэтому они потратили несколько месяцев на дальнейшее укрепление Востока. Брут занялся сокращением городов в Ликии, Кассий отплыл на Родос, а один из его легатов вторгся в Каппадокию, разбил и убил царя Ариобарзана. Оба встретили некоторое сопротивление, но когда летом они снова встретились в Сардах, то успешно

выполнили свои задачи, а Кассий пополнил свою казну за счет налогов Азии, города которой были вынуждены выплатить почти десятилетний доход вперед.

Отрядив часть своего флота сторожить Клеопатру и Брундизий, оба проконсула вместе отправились в Абидос, а оттуда переправились в Европу. Они шли по прибрежной дороге, ранее проторенной персидскими захватчиками, их флот, как и флот персидского царя, также двигался параллельно их маршу, пока они не подошли к той части Пангеи, которая занимает десять миль между Филиппами и их гаванью Неаполис (Датум). Там они обнаружили, что дорога перекрыта Гаем Норбаном и Децидием Саксом с восемью легионами, посланными вперед Антонием. Когда они покинули главную дорогу и попытались пройти ближе к Филиппам, то обнаружили, что высоты к югу от города также охраняются. Оттеснив врага, они расположились на двух холмах, которые соединили между собой траншеей и крепостью, и в конце концов закрепили свою позицию, заняв линию холмов, выходящих на дорогу к морю. Таким образом, они поддерживали связь с флотом в Тасосе как с базой снабжения. Норбанус и Сакс не рискнули напасть на них, а отошли к Амфиполю и оттуда отправили разведданные в Рим, тем временем сдерживая врага перестрелками с конницей. Брут и Кассий не спешили наступать, поскольку занимали отличную позицию и были уверены в припасах, находясь на связи со своим флотом; в то время как их противники зависели от страны, которая не была ни богатой, ни хорошо снабженной. Флот Мурка и Домиция также мог задержать, а возможно, и помешать Антонию и Цезарю доставить подкрепление, а флот в Тасосе мог помешать доставке грузов морем.

Трудности Антония и Цезаря с Секстом Помпеем.

Это были не единственные трудности на пути триумвиров. Со времен битвы при Мунде (45 г. до н. э.) Секст Помпей вел пиратскую жизнь в Западном Средиземноморье. Его силы постоянно увеличивались за счет беглых помпеевцев и выходцев из Африки, пока он не стал обладателем грозной силы, против которой сменявшие друг друга правители Южной Испании мало что могли сделать. После смерти Юлия Цезаря через Лепида была предпринята попытка договориться с ним, и он согласился подчиниться правительству при условии *restitutio in integrum*, включая восстановление имущества его отца. Но хотя Антоний получил подтверждение от сената, соглашение так и не было выполнено. Вероятно, огромная сумма, названная в качестве стоимости имущества, - около пяти миллионов стерлингов - сделала это невозможным, особенно когда деньги в храме Опса были растрачены. Кроме того, Помпей, по-видимому, требовал дом и поместья своего отца, а они находились в руках Антония, который не захотел их так просто отдать. Поэтому Секст остался в Испании или со своим флотом. Когда сенат порвал с Антонием, он возобновил переговоры с Секстом, пообещав ему удовлетворение его претензий, вынес ему благодарственную грамоту за заслуги и утвердил его в должности командира всех римских кораблей на действительной службе.[171] Триумвиры отстранили его от этой должности и внесли его имя в список проскрипций. В ответ он отплыл на Сицилию, заставил Помпея Вифиника сдать Мессану и овладел островом. Здесь к нему присоединились многочисленные беженцы из числа проскрибированных и множество искусных моряков из Африки и других мест. Удерживая таким образом Сицилию и Сардинию, он мог многое сделать для того, чтобы умерить голод в Италии, к южным берегам которой он также часто спускался. Он действовал как независимый правитель и вскоре предал Вифиника смерти по обвинению в заговоре против него[172].

Кампания в Филиппах.

Цезарь и Антоний подозревали Лепида в поддержании связи с Помпеем, и поэтому он был практически отстранен от дел. Он должен был оставаться в Риме для поддержания порядка и выполнения формальных обязанностей, в то время как Антоний должен был переправить свои легионы из Брундизия для нападения на Брута и Кассия, а Цезарь должен был вести войну против Секста Помпея. Но сила Помпея, похоже, не была до конца осознана. Цезарь отправил флот под командованием К. Сальвидиена в Сицилию, а сам отправился по суше в Регий. Но Сальвидиен потерпел тяжелое поражение от Помпея и вынужден был отойти на италийский берег для доукомплектования,^[173] и прежде чем Цесарий успел предпринять что-либо еще, он был призван на помощь Антонию, который испытывал трудности в Брундиизуме: выход из гавани был блокирован кораблями Статия Мурка, в настоящее время усиленными кораблями Агенобарба. Прибытие Цезаря и его флота позволило переправить транспорты, и Антоний двинулся по Эгнатскому пути, чтобы присоединиться к своей передовой армии у Амфиполя. На Цезаря снова напала болезнь, и он был вынужден остаться в Диррахии; но, узнав, что Антоний по прибытии потерпел несколько поражений в кавалерийских стычках, он решил во что бы то ни стало присоединиться к нему. Для него это был действительно кризис чрезвычайной важности. Он покидал Италию, подвергаясь двойной опасности: на востоке - со стороны Мурка и Агенобарба, на юге - со стороны Секста Помпея. В случае поражения Антония Сесар окажется в самом тревожном положении; если Антоний победит без него, его собственный престиж пострадает, и ему, возможно, придется занять второе место в совместном правительстве. Как и во время испанского путешествия, его решимость победила физическую слабость, и он добрался до места военных действий еще до того, как произошло общее сражение. Он нашел армию несколько обескураженной. Антоний оставил свой тяжелый багаж в Амфиполе, который охраняли Децидий и Норбан, и продвинулся по широкой равнине (около шестидесяти миль) на расстояние мили до возвышенности, на которой закрепились Брут и Кассий. Но они были слишком сильно укреплены, чтобы их можно было атаковать, и он понес некоторые потери в своих попытках сбить их. Его люди становились все более деморализованными из-за явного превосходства противника, который справа был защищен горами, а слева - болотом, простирающимся между ними и морем, так что невозможно было повернуть его позицию ни с одной стороны. Промедление было на руку Бруту и Кассию, чей флот давал в изобилии провизию, в то время как Антонию было бы очень трудно прокормить свою армию зимой, а сезон уже наступил. В численном отношении разница была невелика. У обоих было девятнадцать легионов, и, хотя легионы Брута были не в полном составе, у него и Кассия было 20 000 кавалерии против 13 000 у Антония и Цезаря.

Первая битва при Филиппах.

Первая битва (в конце октября) произошла из-за попытки Антония перебраться через болото по построенной им самим дамбе и взять штурмом земляное укрепление, воздвигнутое Кассием, чтобы помешать ему. Отбив фланговую атаку дивизии Брута, он занял земляное укрепление и даже лагерь Кассия, который с основными силами с большими потерями отступил на высоты близ Филипп. Но Антоний тоже сильно пострадал, и судьбу этого дня можно было считать решенной только после того, как стало известно, как повел себя Брут, который после неудачного нападения на фланг Антония атаковал дивизию Цезаря, находившуюся напротив него. В этом последнем движении он был полностью успешен. Лагерь Сесара был взят штурмом, а его люди обращены в бегство, сам он отсутствовал по болезни. В результате этой победы обе армии вернулись на исходные позиции. Антоний, обнаружив, что левое крыло разбито, не рискнул оставаться в лагере Кассия. Кассий мог бы

вернуться в него, если бы не ошибка, стоившая ему жизни. Ему ошибочно сообщили, что Брут побежден, и он, будучи близоруким, принял за врагов эскадрон конницы, который подъехал, чтобы сообщить об успехе Брута, и ожидал, как ему казалось, неизбежного пленения самоубийством. Брут, узнав об этом, отозвал своих людей из атаки на лагерь Цезаря и отступил за их линию, вновь заняв покинутые Кассием покои.

Вторая битва при Филиппах, ноябрь.

Почти одновременно с этим нерешительным сражением дело триумвиров потерпело катастрофу в более близком регионе. Флот, перевозивший Марция, еще один легион и конницу, был уничтожен Мурком и Агенобарбом, а большая часть людей погибла в море или была вынуждена сдаться. Хотя Брут еще не знал об этом, он удерживал свою позицию еще около двух недель. Но когда новости дошли до него, Антонию и Цезарю стало как никогда необходимо нанести удар; ведь они были еще более изолированы, чем раньше, и полностью отрезаны от снабжения. С другой стороны, офицеры и люди в армии Брута были воодушевлены этим известием и загорелись желанием продолжить добрую весть в решающей битве. Вопреки здравому смыслу Брут уступил и вывел своих людей. Антоний и Цезарь поступили так же. Но только после полудня начался настоящий бой. Потратив больше времени, чем обычно, на залпы пилумов и камней, они выхватили мечи и сцепились в яростной схватке на близком расстоянии. И Антоний, и Цезарь активно подтягивали свежие роты, чтобы заполнить бреши, образовавшиеся в рядах павших. Наконец та часть войска, против которой действовал Цезарь, начала сдавать позиции, отступая шаг за шагом и отчаянно сражаясь все это время. Но порядок становился все слабее и слабее, пока в конце концов не перешел в откровенное бегство. Лагерь Брута был взят штурмом, а вся его армия рассеяна. Сезар остался охранять захваченный лагерь, а Антоний (как и при Фарсалии) повел конницу в погоню. Он приказал своим людям выделить офицеров для убийства или захвата в плен, чтобы они не смогли собрать своих людей и выступить дальше. Особенно ему хотелось схватить Брута, возможно, в надежде отомстить за брата. Но его людям помешал некий Луцилий, который бросился им наперерез, выдавая себя за Брута, и ошибка обнаружилась только после того, как его привели к Антонию. На самом деле Брут бежал на возвышенность с четырьмя легионами. Он надеялся с помощью этих сил вернуть свой лагерь и продолжить политику изматывания врага промедлением. Но Антоний всю ночь вел наблюдение, и на следующее утро его офицеры заявили Бруту, что больше не будут сражаться, а намерены попытаться спасти свои жизни, заключив соглашение с победителями. Заявив, что больше не может быть полезен своей стране, Брут призвал своего вольноотпущенника Стратона убить его, что тот немедленно и сделал.

Поведение Сезара после победы.

Существуют некоторые противоречия в показаниях относительно тяжести, нанесенной после победы. Основная масса оставшихся в живых офицеров подчинилась и была разделена между армиями двух триумвиров. Некоторые из тех, кто был связан с убийством и внесен в проскрипционные списки, сочли, что пощады им ждать не приходится, и избавили себя от дальнейших неприятностей, покончив с жизнью. Но некоторые, как, например, стоик Фавоний, подражатель Катона, были казнены. Суетоний приписывает Сезарю не только особую суровость, но и жестокие и бессердечные оскорбления тех, кого он осуждал. Одному человеку, просившему о погребении, он ответил, что "это дело птиц". Отца и сына, вымаливавших жизнь, он заставил играть в *морра* за привилегию выжить. А голову Брута он приказал отправить домой, чтобы ее положили к подножию статуи Юлия Цезаря. Как обычно, в этих историях остаются некоторые сомнения. Например, история об отце и сыне, рассказанная Дионом, помещена после Актиума^[174], а история о голове Брута несколько не

согласуется с почетным обращением с телом, приписываемым Антонию.[Отказ от погребальных обрядов противоречит его собственному утверждению в автобиографии, а в *"Монументе Ансиранум"* он заявляет, что "пощадил всех граждан"[176]. Но следует признать, что до тех пор, пока убийцы и их сторонники не были окончательно уничтожены, он проявлял себя неумолимым. Более мягкие настроения относятся к более позднему времени. Доводы о долге отомстить за убийство своего "отца" могут смягчить, но не отменить его осуждение.

Второй раздел империи, 42 г. до н. э.

Победа при Филиппах воссоединила восточную и западную части империи, а значит, потребовала нового распределения сфер влияния между триумвирами. Новое соглашение было изложено в письменном виде и надлежащим образом заверено, отчасти для того, чтобы Сезар мог заставить замолчать оппозицию в Риме, а отчасти потому, что оба человека уже начали испытывать некоторое прежнее недоверие друг к другу. Во время поздней кампании, когда казалось, что есть шанс потерпеть поражение, Антоний выражал сожаление, что поставил себя в неловкое положение перед Сезаром, вместо того чтобы заключить соглашение с Брутом и Кассием, а такие слова, какими бы поспешными или мелочными они ни были, обязательно дошли бы до ушей Сезара. Уважение, проявленное Антонием к останкам Брута, и явная тенденция побежденной стороны предпочесть союз с ним, а не с Сезаром, а также более щедрые условия, которые он был готов предоставить, должны были навести Сезара на мысль о шаткости связей между ними. Поэтому необходимо было поставить достигнутое соглашение вне всяких споров.

В нем не было, как два года спустя, разделения на Восток и Запад. Разделу по-прежнему подлежала только западная половина империи. Италия должна была рассматриваться как центр управления, открытый для всех триумвиров в равной степени для рекрутирования и других целей. Провинции должны были управляться обычным образом губернаторами, одобренными ими, за исключением того, что Антоний должен был получить Галлию и Африку, а Сезар - Испанию и Нумидию, таким образом обеспечивая каждому правительство на западе и юге, примерно равное по площади и значению, теперь, когда Сицилия и Сардиния находились в руках Секста Помпея и, таким образом, фактически враждовали с Италией. Но последняя статья соглашения, хотя и предназначалась лишь для того, чтобы обеспечить преходящее положение дел, на самом деле предвещала разделение империи на Восточную и Западную. По ней Антоний обязывался немедленно отправиться в Азию, чтобы сокрушить осколки республиканской партии, все еще вооруженные на Востоке, и собрать деньги, достаточные для выплаты обещанных наград ветеранам. Сезар же должен был вернуться в Италию, чтобы продолжить войну с Секстом Помпеем и договориться о распределении земель. Лепид по-прежнему оставался консулом и триумвиром, но если подозрение в его переписке с Помпеем подтвердится, он не получит провинции и будет подавлен Цезарем. Если же не окажется правдой, Антоний обязуется передать ему Африку. В течение всего времени к нему относились как к подчиненному.

"незначительный, не заслуживающий внимания человек,

которого посылают с поручениями".

Настоящими правителями империи должны были стать Антоний и Сезар. Сила обстоятельств распорядилась так, что в течение следующих десяти лет Антоний должен был управлять Востоком, а Цезарь - Западом. И пока сердце и жизнь империи находились на западе. Именно это, а также разница в характерах, в конечном итоге обеспечило Сезару преимущество над коллегой и сделало его хозяином всей империи.

ГЛАВА VI ПЕРУЗИЯ И СИЦИЛИЯ

actus cum freto Neptunius

dux fugit ustis navibus.

Август возвращается в Рим после Филипп, в начале 41 года до н. э.

Кампания, завершившаяся второй битвой при Филиппах и смертью Брута, была выиграна ценой тяжелых физических страданий для Цезаря, которому только через несколько дней после нее исполнился двадцать первый год. Все это время у него было плохое здоровье, он едва выдержал путешествие через Македонию и выполнял свои военные обязанности лишь с большим трудом и частыми перерывами. На обратном пути он так часто останавливался по той же причине, что до Рима дошли сообщения о его смерти. Медленность, с которой он путешествовал, также дала время распространиться всевозможным слухам о дальнейших строгостях, которые будут применены к республиканской партии по его возвращении, и многие из тех, кто чувствовал, что их могут заподозрить, искали места для сокрытия себя или своего имущества.

41 г. до н. э. Консулы Л. Антоний Пиет, Серв. Ватия Исаврик II. Выделение земель для ветеранов.

Цезарь отправил в Рим обнадеживающие послания, но прибыл в город только в начале следующего года (41 г. до н. э.). Он застал консулом Луция Антония, который в первый день года отпраздновал триумф за незначительные успехи в Галлии. Однако реальное управление делами осуществляла Фульвия, мужественная жена Марка Антония, вдова последовательно Хлодия и Курия, против которых Лепид боялся или не мог действовать. Фульвия и Луций утверждали, что защищают интересы Марка и исполняют его желания, а Луций в знак братской преданности принял прозвище *Пиетас*. Но движущей силой во всем была Фульвия. Первым делом Сезара в Риме стало выделение земли ветеранам. Это было начато за год до того в Транспаданской Галлии, при создании триумвирата, Асинием Поллионом, оставленным командовать этим районом; Вергилий дает нам некоторое представление о горечи чувств, которые это часто вызывало:

"Должен ли какой-то грубый солдат владеть этими новыми распаханными землями?

Какой-то чужеземец будет пожинать плоды трудов наших рук?

Ах, гражданские раздоры, какие плоды приносит ваш звон!

Бедные труженики, ради них мы засеяли наши поля!"

Когда для этой цели имелись государственные земли, выделение обычно проходило без особых трений; но поскольку их было недостаточно, последовал старый прецедент "колонизации". Был выбран ряд итальянских городов (всего девятнадцать), на территории которых должны были поселиться ветераны того или иного легиона в качестве *колонистов* с выделением трети земли для их содержания. Несомненно, в каждом случае сначала отбирались земли, принадлежавшие людям, служившим в противоположном лагере, как законно конфискованные; но часто случалось, что таких земель не хватало, и они полностью

или частично отбирались у лиц, не замешанных в гражданских войнах. В таких случаях предполагалось, что владельцам будет выплачена компенсация за счет денег, вырученных от продажи других конфискованных земель. Но этих денег либо не хватало, либо они долго не приходили. Петиции и депутации с протестами против несправедливости сыпались на Цезаря, которому, в свою очередь, приходилось выслушивать многочисленные жалобы ветеранов на недостаточное обеспечение и невыполненные обещания.

Л. Антоний и Фульвия пользуются недовольством.

Эта задача сама по себе была достаточно сложной. Но Л. Антоний и Фульвия сделали ее еще более неприятной. Их предлогом было то, что с ветеранами легионов Антония обращались менее либерально, чем с ветеранами легионов самого Цезаря, и Луций, как консул и как представитель своего брата, потребовал права решать вопрос с распределением ветеранов Антония. В ответ на это Цезарь заявил, что два легиона, на которые он имел право по письменному соглашению с Антонием, не были ему переданы. Начиная с этих встречных обвинений, они вскоре открыто враждовали, ожесточенные частыми столкновениями между конституционной властью консула и внеконституционным *imperium* триумвира. Луций и Фульвия сделали из этого капитал, утверждая, что Марк готов сложить с себя чрезвычайные полномочия триумвира и вернуться в Рим в качестве консула. Фульвии приписывали более личные мотивы. Влюбленность Антония в Клеопатру становилась известной в Риме, и считалось, что Фульвия намеренно способствовала гражданским беспорядкам в надежде побудить мужа вернуться.^[177] Во всяком случае, она и Луций воспользовались неприязнью к Сезарю, вызванной конфискацией земли. Они притворились, что заступаются за лишенных собственности владельцев, утверждая, что конфискации уже достаточно для выплаты всех претензий, и что, если выяснится, что это не так, Марк привезет из Азии то, что покроет остаток. Таким образом, они сделали Сезара непопулярным среди обеих сторон: среди ветеранов, которые считали, что он мог бы полностью удовлетворить их требования; среди лишенных собственности владельцев, которые, помимо естественного раздражения по поводу их потери, считали, что его меры даже не были необходимы, и что он мог бы заплатить ветеранам без наценки или мог дождаться денег из Азии. Особенно грозным был гнев землевладельцев, заседавших в сенате. Недовольство усиливалось из-за тяжелых времен, ведь кукуруза была в голодной цене из-за Секста Помпея и Домиция Агенобарба, нападавших на Сицилийское и Ионическое моря. Поэтому Сезар оказался в серьезном затруднении. Не имея возможности одновременно удовлетворить ветеранов и сенаторов, он убедился, насколько бессильна простая военная сила против широко распространенного и справедливого недовольства. В ответ на протесты сенаторов он отвечал только одно: "Но как же я заплачу ветеранам?". Теперь, однако, он счел необходимым оставить в покое имущество сенаторов, приданое женщин и все владения, меньшие, чем доля одного ветерана. Это снова привело к мятежу в войсках, которые убили нескольких своих трибунов и были близки к тому, чтобы убить самого Сезара. Успокоить их удалось только обещанием, что все их родственники, а также отцы и сыновья павших на войне должны сохранить выделенные им земли. Это вновь разозлило часть проигравших, и смертельные столкновения между владельцами и вторгшимися "колонистами" стали частыми. Солдаты имели преимущество в подготовке, но жители были более многочисленны и атаковали их камнями и черепицей с крыш домов, как в Риме, так и в провинциальных городах. Поджоги домов стали настолько распространенным явлением, что было признано необходимым отменить годовую арендную плату за дома, сдаваемые за 500 денариев (20 фунтов стерлингов) и ниже в городе, и четвертую часть в остальной Италии.

Другие провокации, предложенные Августу. Он принимает меры, чтобы защитить себя.

Цезаря также заставили почувствовать, что привязанность к Антонию означает враждебность к нему самому; двум легионам, отправленным им в Испанию, отказали в проходе через провинцию К. Фуфий Кален и Вентидий Басс, легаты Антония в Трансальпийской Галлии.^[178] Встревоженный таким положением дел, он попытался договориться с Луцием и Фульвией, но встретил их решительную враждебность. Посредничество офицеров армии, частных друзей и сенаторов оказалось бесполезным, хотя он предъявил договор, составленный между Марком и собой, и предложил сенату вынести решение по их спорам. Убедившись, что отказом от этого предложения Луций и Фульвия поставили себя в невыгодное положение, он решил положиться на свою армию. Луций собирал людей среди обиженных Цезарем, а Фульвия в сопровождении многих сенаторов и конников заняла Пренесту с войском, которому она регулярно давала боевой наказ как их командир, появлялась среди них с мечом и часто обращалась к людям с речами.

Люди из армии Цезаря, несомненно, по подсказке самого Цезаря, взяли дело в свои руки. Они внезапно вошли в Рим, заявив, что желают посоветоваться с сенатом и народом. Собравшись на Капитолии с теми гражданами, которые осмелились прийти, они приказали зачитать соглашение между Цезарем и Антонием, проголосовали за его подтверждение, назначили себя судьями между спорящими сторонами и назначили день, когда Фульвия, Луций и Цезарь должны были предстать перед ними в Габиях. Приказав записать эти постановления и передать их на хранение весталкам, они мирно разошлись. Сезар присутствовал и, конечно, согласился явиться; но Луций и Фульвия, хотя сначала обещали явиться в Габии, не сделали этого. Они высмеяли идею толпы солдат, *senatus caligatus*^[179] ("парламент Томми-Эткинса"), претендующих на то, чтобы говорить от имени сената и народа. Поэтому в их отсутствие было принято решение о том, что они не правы, и *акты* Цезаря были подтверждены. Приданный ему таким образом вид законности был использован его чиновниками для оправдания сбора денег во всех направлениях. С храмов были сняты серебряные украшения, чтобы отчеканить их в деньги, а войска были вызваны из Цизальпинской Галлии, которая, несмотря на претензии Марка Антония, теперь стала частью Италии без права провинциального губернатора содержать войска.^[180] Луций также, как консул, набирал людей везде, где признавалась его власть, и в Италии снова началась гражданская война. Во многих отношениях она была рецидивом республиканской оппозиции, которую недавно возглавили Брут и Кассий. К Сексту Помпею присоединился Муркус с кораблями, перевозившими два легиона и 500 лучников, и был усилен остатками армий Брута и Кассия, укрывшихся в Цефаллении. В Африке легат Антония, Тит Секстий, хотя и сдал провинцию легату Цезаря Лурку, вернул себе владения и предал Лурка смерти. Наконец, Домиций Агенобарб угрожал Брундизию семьюдесятью кораблями. Неизвестно, насколько эти движения были известны Антонию или одобрены им; но старая республиканская партия надеялась, что их результатом станет распад триумvirата, падение Цезаря и восстановление старой конституции.

Открытая война между Августом и Л. Антонием до н. э. 41-40 гг.

На данный момент Цезарь оставил Секста Помпея в покое. Но он отправил легион в Брундизий и вызвал Сальвидиена с его шестью легионами из похода в Испанию. Против Сальвидиена выступили легаты Антония Поллион и Вентидий, и теперь, когда он повернул на родину *через Кассию*, они зашли ему в тыл. Однако открытые боевые действия начались и в других местах. Некоторые легионы в Альба-Фуценсис проявили признаки мятежа, и оба, и Сезар, и Антоний, отправились в Альбу, надеясь добиться их присоединения. Но Антоний добрался туда первым и щедрыми обещаниями склонил их на свою сторону. Цезарь успел лишь вступить в стычку с арьергардом Антония под командованием К. Фурния, а затем

двинулся на север, чтобы возобновить нападение на Фурния, который отступил в Сентинум в Умбрии. По пути он безуспешно атаковал Нурсию, где у Антония был гарнизон, и пока он был занят этим, сам Антоний повел свою главную армию на Рим. Те войска, которые Цезарь оставил в городе или вблизи него, сдались ему; Лепид, не пытаясь сопротивляться, бежал к Цезарю,^[181] а другой консул не оказал никакого сопротивления. Луций созвал *консилиум*, объявил, что намерен сместить Цезаря и Лепида с их неконституционного поста и восстановить справедливую власть консулов, которой будет полностью доволен его брат Марк. Его речь была встречена аплодисментами, его провозгласили *императором*, а командование войной было отдано ему, хотя враг и не был назван. Подкрепленный ветеранами армии своего брата, он отправился по *Кассиевой дороге*, чтобы перехватить возвращающегося Сальвидиена.

Осведомленный об этих операциях, Цезарь поспешил в Рим, оставив Сентинум осажденным. Но именно Агриппа нанес решающий удар. С теми силами, которые он смог собрать, он тоже двинулся по пятам Антония вдоль *Кассиевой дороги* и занял Сутриум, примерно в тридцати милях от города. Это прервало сообщение Л. Антония с Римом, который, имея перед собой Сальвидиена, а в тылу Агриппу, не мог ни продвигаться, ни отступить по *Кассии* без боя. Имея врага по обе стороны от себя, он не рискнул дать сражение, а свернул с дороги на Перузию. Сначала он расположился лагерем за городом, рассчитывая, что вскоре к нему придут Поллион и Вентидий. Но обнаружив, что они продвигаются медленно и что ему угрожают три вражеские армии - под командованием Сезара, Агриппы и Сальвидиена, - он отступил за стены, где, по его мнению, можно было спокойно перезимовать. Но Сезар сразу же начал возводить обходные линии и отрезал его от всех возможностей снабжения. Перузия находится на холме, с которого открывается вид на Тибр и Тразименское озеро. Но ее положение, почти неприступное для штурма, делало ее также несколько легкой для блокады. Фульвия активно убеждала легатов Антония в Галлии и Северной Италии прийти на помощь Луцию. Но Поллион и Вентидий колебались и сомневались, не будучи уверенными в желаниях Марка; и хотя Планк разбил один легион на марше, чтобы присоединиться к Сезару, ни он, ни другие не решились вступить с ним в бой, когда он и Агриппа бросились им наперерез. Поллий удалился в Равенну, Вентидий - в Ариминум, Планк - в Сполетий, оставив Луция на произвол судьбы, а Фуфий Кален остался в Альпийском регионе без движения. Тем временем Сальвидиен двинулся к Сентинуму, который он взял, и вскоре после этого получил капитуляцию Нурсии.

40 г. до н. э. Кос, К. Асиний Поллион, Кн. Домиций Кальвин. Падение Перузии.

Ливия.

Таким образом, Сезар смог использовать все свои силы против Перузии. Блокада продолжалась до марта 40 г. до н. э., когда Л. Антоний был вынужден сдаться из-за голода. Сезар принимал активное участие в осаде на протяжении всего времени и подвергался серьезному риску: в один раз он едва не попал в плен к гладиаторам во время жертвоприношения, в другой - оказался под угрозой мятежа в собственной армии. При падении Перузии жители города жестоко пострадали от победоносных солдат, очевидно, без приказа, а возможно, и вопреки желанию Сезара; а во время разграбления сам город был случайно подожжен и в значительной степени разрушен. В вопросе о жестокости Сезара снова возникает конфликт свидетельств. Суетоний говорит, что он казнил огромное количество людей, отвечая на все призывы суровым "Смерть!". (*moriendum est*): а его враги утверждали, что он намеренно втянул в войну Л. Антония, чтобы иметь повод избавиться от своих противников. Некоторые также сообщали, что он приказал предать смерти 300 человек в мартовские иды у алтаря, посвященного Юлию. С другой стороны, несомненно,

что Л. Антонию было позволено уйти в целости и сохранности; Ливий говорит, что Цезарь помиловал его и "всех его солдат". Аппиан приписывает гибель таких ведущих людей, как павшие, мстительности солдат. Веллеус, разумеется, придерживается той же точки зрения; Дио же, разумеется, соглашается скорее с Суэтонием. Первым из , кто упоминает о *Perusinae aræ*, является Сенека; но поскольку его целью было противопоставить милосердие Нерона жестокости Августа, можно предположить, что он не был очень щепетилен в отношении исторической основы своих утверждений. Если бы существовали какие-то казни, а также алтарь, посвященный Юлию - и то, и другое более чем вероятно, - народному воображению было бы легко связать эти два события. Несомненно, все в Перузии, кто был замешан в убийстве или находился в проскрипционных списках, получили бы короткие сроки.[182] История с алтарем не похожа на обычный здравый смысл Августа; но похоже, что в этой осаде он хотел подчеркнуть тот факт, что он был мстителем за своего "отца", по крайней мере, на некоторых свинцовых пулях, использованных пращниками, было написано *Divom Iulium*. [183] В любом случае, будь то во время осады или в результате казней после нее, нет сомнений, что в Перузии был нанесен удар по старой республиканской партии - уже разгромленной гражданской войной и проскрипциями, - от которого она так и не смогла оправиться. Кроме того, победа оставила Сезара верховным правителем в Италии. Легаты М. Антония в большинстве своем оставили свои легионы и отправились к нему, либо на Сицилию к Сексту Помпею, который уже вел переговоры с Антонием. Фуфий Кален, правда, отказался сдать свои одиннадцать легионов; но вскоре он умер, и его сын передал их Сезару. Планк, покинутый двумя своими легионами, бежал к Антонию. Вентидий, похоже, сделал то же самое; а Поллион, хотя и не покинул Италию, держался на восточном побережье в ожидании прибытия Антония. Среди прочих, Тиберий Нерон бросил гарнизон, которым командовал, и вместе с женой Ливией (вскоре ставшей женой Августа) и младенцем сыном (впоследствии императором Тиберием) бежал к Сексту Помпею. Туда же отправилась мать Антония Юлия, которую Помпей принял с уважением и назначил посланницей к сыну; Фульвия же отплыла в Брундизий и отправилась в Афины, чтобы встретить своего мужа. В Италии не было никого, кто мог бы соперничать с Сезаром, который благодаря этим сдачам и дезертирствам теперь имел грозную армию. Ему оставалось опасаться объединения Антония и Секста Помпея и вторжения их объединенных сил в Италию.

Новые условия с М. Антонием.

Брак со Скрибонией, 40 г. до н.э.

Такое вторжение действительно планировалось. Антоний находился в Азии, когда узнал о падении Перузии. Отправившись в Афины, он встретил Фульвию и свою мать Юлию, которая привезла предложение Секста Помпея о поддержке против Сезара. Антоний был не в ладах ни с женой, ни со своими агентами, которых он наверняка считал провинившимися. Он также не был готов сразу же начать военные действия. Но он пообещал, что если Секст сделает это, то примет его помощь, а если нет, то сделает все возможное, чтобы включить его в любые условия, заключенные с Сезаром. Тем временем, хотя ветераны стеснялись записываться в армию против Антония, Цезарь оказался во главе более чем сорока легионов, и с такой армией не боялся, что не удержит свои позиции на суше. Но его противники были сильны на море, и, если бы они объединились с Секстом Помпеем, то получили бы в свое распоряжение побережье Италии. Поэтому он попытался за свой счет договориться с Помпеем. С этой целью он заставил Мекенаса договориться о его браке со Скрибонией, сестрой Скрибония Либона и теткой жены Помпея. В раннем возрасте он был обручен с дочерью своего двоюродного деда, П. Сервилия Исаврика, а в 43 г. до н. э. - с падчерицей Антония, Клодией. Но ни один из браков не был завершен, а в начале

противостояния Фульвии, в 41 году до н. э., он отрекся от Клодии. Нынешний союз был лишь политически удобным. Скрибония была дважды замужем, и от второго мужа у нее был сын всего на несколько лет моложе самого Цезаря. Поэтому она была намного старше его и, похоже, отличалась тяжелым нравом. По крайней мере, именно это стало причиной развода, который последовал через год, в день, когда она родила дочь Юлию. Но более верной причиной (помимо его страсти к Ливии) было то, что к тому времени обстоятельства изменились, и больше не было необходимости или даже удобства иметь такую связь с Секстом Помпеем.

Первое примирение в Брундизии и новый раздел империи.

Антоний прибыл в Брундизий летом 40 года до н. э., к нему присоединились Секст и Домиций Агенобарб. Все трое совершили несколько вылазок на побережье и угрожали Брундизию блокадой. Но прежде чем был нанесен большой ущерб, вмешательство общих друзей привело к примирению. Антоний согласился приказать Сексту Помпею вернуться в Сицилию, а Агенобарба отослать в качестве пропретора Вифинии. В Брундизии состоялась конференция, на которой Поллион представлял Антония, Мекентий - Цезаря, а Кокций Нерва (прадед императора) присутствовал как общий друг обоих. Примирение должно было быть подтверждено браком Антония (чья жена Фульвия только что умерла в Сикионе) с сестрой Цезаря Октавией, вдовой Клавдия Марцелла, консула 50 г. до н.э. Два триумвира, соответственно, обнялись и согласились на новый раздел империи. Через Скодру (*Скутари*) на иллирийском побережье должна была быть проведена воображаемая линия. Все к западу от этой линии, вплоть до Океана, должно было находиться под опекой Цезаря, кроме Африки, которая уже находилась в руках Лепида; все к востоку от нее, вплоть до Евфрата, должно было перейти к Антонию. Война с Секстом Помпеем (если он не пойдет на уступки) должна была стать общей заботой обоих, несмотря на недавние переговоры Антония с ним. Цезарь, со своей стороны, согласился амнистировать всех, кто присоединился к Антонию из армий Брута и Кассия, в некоторых случаях даже если они были среди убийц.^[184] Наконец, оба должны были иметь право набирать равное количество солдат в Италии. За этим соглашением последовал обмен гостеприимством, в котором Антоний демонстрировал роскошь и величие, усвоенные при египетском дворе, а Цезарь - простоту римлянина и солдата^[185].

Новое соглашение с Секстом Помпеем, 39 г. до н. э.

Но Секст не смирился с тем, что его бросили на произвол судьбы. Он вернулся к своему старому плану - уморить Италию голодом. Его вольноотпущенник Менодор отвоевал Сардинию у губернатора, присланного Цезарем, а его корабли, крейсируя у Сицилии, перехватывали корабли с кукурузой из Африки. Жителям Рима угрожал голод, а по прибытии Цезаря и Антония на празднование бракосочетания, хотя обоим была объявлена орация, начались серьезные беспорядки, в ходе которых жизнь Цезаря была в опасности и которые пришлось подавлять солдатам Антония. Поднявшийся шум заставил их возобновить переговоры с Секстом, чей шурином Либом, несмотря на совет Менодора, организовал встречу между ним и триумвирами в Мизенуме в начале 39 г. до н.э. Были приняты все меры предосторожности против предательства со стороны Помпея. И не без оснований. За казнь Вифиника за три года до этого последовало вероломное убийство Статия Мурка, за которым последовало жестокое распятие его рабов под предлогом того, что преступление было совершено ими. Поэтому конференция проходила на временных платформах, возведенных на конце мола в ПUTEОЛАХ, с водным пространством между ними. Но соглашение было достигнуто, Антоний и Цезарь приняли пир на борту его корабля, а когда Менодор предложил Помпею перерезать канаты и уплыть с ними в качестве пленников, тот ответил,

что Менодор должен был сделать это без спроса, но что он сам связан клятвой. По условиям, заключенным между ними, Секст Помпей должен был оставаться правителем Сицилии, Сардинии и Корсики со своим флотом, а также Пелопоннеса, но должен был вывести все гарнизоны из итальянских городов и обязаться не препятствовать торговле и не принимать беглых рабов,^[186] а также немедленно позволить кукурузе, которую он конфисковал, достичь Италии. С другой стороны, все знатные люди, укрывшиеся у него, должны были получить восстановление гражданских прав и имущества. Если они были внесены в проскрипционные списки, то должны были получить лишь четвертую часть; если же они были осуждены за убийство, то им должно было быть предоставлено безопасное место для изгнания. Те, кто не попадал под эти три категории, служили в его армии или на флоте, должны были иметь такие же права на пенсию, как и те, кто служил в армиях триумвиров.

Затем Помпеи вернулись в Сицилию, а триумвиры - в Рим. Затем они разошлись в разные стороны: Антоний и Октавия - в Афины, а Сезар - в Галлию, где его присутствия требовало беспокойное состояние страны. Итак, начинается раздельное управление Востоком и Западом, и разные принципы, на которых оно осуществлялось, во многом способствовали окончательному разрыву между ними. Антоний придерживался отиотической политики, ставя перед собой царей-клиентов, которые снимали с него все заботы по управлению страной и при этом были готовы оказывать ему знаки внимания и услуги, поскольку их достоинство и власть зависели от его верховенства. Так Дарий, внук Митрадата, был назначен в Понт; Ирод - в Идумею и Самарию; Аминтас - в Писидию; Полемон - в часть Киликии. С другой стороны, на плечи Сезара легла задача сохранения порядка и установления римского правления в странах, расположенных ближе к дому, мир и хорошее управление в которых были необходимы для комфорта города. Прежде всего, он должен был не допустить, чтобы Секст Помпей снова нарушил торговлю и снабжение Италии зерном. Единственной заслугой кого-либо из партизан Антония, достаточно близкой, чтобы представлять активный интерес для Рима, была победа Поллиона над парфянами, за которую он был удостоен триумфа^[187].

38 г. до н. э., возобновление войны с Секстом Помпеем.

Но война с Секстом Помпеем вскоре стала главной задачей Цезаря, и ее возобновление было справедливо поставлено в вину Антонию. Поскольку, как он считал, Антоний несправедливо обошелся с Пелопоннесом, который тот отказался отдать, пока не соберет налоги за год, Помпей снова начал приставать к итальянским берегам и перехватывать корабли с кукурузой. В ответ на это Сезар привел из Галлии войска и построил корабли. Он основал два депо - в Брундизии и Путеолах - и пригласил Антония в Брундизий, чтобы обсудить вопрос о войне. Антоний, несомненно, считал неудобным, что на него пристально смотрят в этом вопросе, ведь он сам во многом виноват в возникших трудностях. Поэтому, приехав в Брундизий, он сразу же уехал, не дожидаясь задержавшегося Сезара. Он заявил, что против любого нарушения договора с Помпеем, игнорируя тот факт, что Помпей уже нарушил его. Он даже пригрозил вернуть Менодора себе в рабство, мотивируя это тем, что тот был рабом Кн. Помпея и поэтому перешел к нему как покупатель конфискованного помпеевского имущества. Не рассчитывая на помощь Антония, Сезар взялся за дело сам. Он укрепил неприступные пункты на итальянском побережье, собрал корабли в Риме и Равенне, захватил Корсику и Сардинию у Менодора, который дезертировал к нему и был назначен адмиралом вместе с Кальвизием. Сам он отплыл из Тарентума, Кальвизий - из Козы в Этрурии, а большая армия была размещена в Регию. Помпея едва не застали врасплох, но ему все же удалось достичь Кумæ и практически разгромить флот противника. Затем последовала сильная буря, во время которой флот Цезаря сильно пострадал у Скиллейского

мыса, и второе сражение, в котором он избежал гибели только к ночи. Вторая страшная буря, которой удалось избежать более опытным мореплавателям Помпея, еще больше сократила морские силы Цезаря. Помпей, воодушевленный этими успехами, принял титул сына Нептуна и в знак своего происхождения носил морские зеленые одежды[188].

Деятельность Агриппы, 37-6 гг. до н. э. Второе примирение с Антонием.

Сезар не сдавался, но сменил своих генералов. Агриппа был вызван из Галлии, где он добился больших успехов и впервые после экспедиции Юлия Цезаря перевел армию через Рейн. Ему было поручено строительство и командование новым флотом. С присущей ему энергией он не только построил и укомплектовал большое количество кораблей, но и приступил к созданию новой гавани (*portus Iulius*) для их безопасности и удобства, пробив дамбу между морем и Лукринским озером, углубив само озеро и соединив его с Авернским озером. Здесь он тренировал свои корабли и людей в течение зимы, и к лету 36 года до н. э. был готов к действиям. Тем временем Мекен вел новые переговоры с Антонием, и весной 37 года до н. э. в Тарентуме при содействии Октавия было достигнуто примирение. Два триумвира встретились на реке Тарас и после обмена любезностями пришли к соглашению: Во-первых, триумвират должен быть возобновлен на второй пятилетний срок, то есть до последнего дня 33 г. до н. э.[189] Во-вторых, Антоний должен предоставить Цезарю 120 кораблей для войны с Секстом, а Цезарь - Антонию 20 000 человек для парфянской войны, которая становилась все более серьезной. Через Октавию были сделаны еще несколько взаимных подарков, и Антоний отправился в Сирию, оставив ее и их ребенка с братом.

Продолжение войны с Секстом Помпеем, 37-36 гг. до н.э.

План кампании 37 г. до н. э. предусматривал, что 1 июля на Сицилию будет предпринята совместная атака из трех точек: из Африки - Лепидом, из Тарента - Статилием Тавром, а из Путеолов - им самим. Очередная сильная буря сорвала этот план; Цезарю пришлось укрыться в Элеи, Тавру - вернуться в Тарентум, а Лепид, хотя и достиг Сицилии, вернулся, не добившись ничего важного. Еще одну зиму и весну пришлось потратить на подготовку, и только осенью 36 года до н. э. состоялись окончательные бои. В это время флот Помпея располагался вдоль сицилийского побережья от Мессаны до Тындариса со штаб-квартирой в Миле. Разведав положение с Эолийских островов, Цезарь оставил главную атаку на Агриппу, а сам присоединился к Тавру у Лейкопетры. Агриппа отбил корабли противника, но не настолько решительно, чтобы преследовать их до причала. Однако этого оказалось достаточно, чтобы Цезарь смог переправиться в Тавромений, оставив свою основную часть людей на итальянском берегу под командованием Валерия Мессаллы. Здесь он вскоре оказался в самой большой опасности. Флот Помпея не был задержан Агриппой, как думал Цезарь, а появился у Тауромениума в полном составе. Мессалла не смог переправиться к нему на помощь, а помпеянская конница напала на него, пока его люди разбивали лагерь. Самому Цезарю удалось вернуться в Италию, но он оставил три легиона, 500 кавалерии и 2000 ветеранов под командованием Корнифиция в лагере у Тауромениума, окруженный врагами и без средств снабжения. Сам он высадился на берег в плачевном состоянии, с единственным сопровождающим, и с большим трудом нашел дорогу в лагерь Мессаллы. Оттуда он послал срочный приказ Агриппе отправить отряд на помощь Корнифицию; велел Мессалле послать за подкреплением из Путеолов, а Мекенаса отправил в Рим с полными полномочиями подавить беспорядки, которые могли возникнуть, когда стало известно о неудачном исходе дела Помпея.

Отряд, посланный Агриппой, нашел Корнифиция и его людей в состоянии отчаянного страдания в труднодоступном районе горы Итна и доставил их к флоту у Милеи. До сих пор,

хотя Помпей поддерживал свою репутацию на море, он не показал себя способным развить успех на суше. И вот теперь ситуация обернулась против него. Агриппа захватил Тындарис, где у Помпея были большие запасы, и Цезарь высадил там двадцать один легион с 2000 кавалерии и 5000 легковооруженных солдат. Его план состоял в том, чтобы штурмовать Мессану, пока Агриппа занимается флотом. Из Тындариса в Мессану вела хорошая дорога (через Валерию), но Помпей все еще удерживал Милею и другие места на побережье с ведущими к ним дефиле. Однако его ввело в заблуждение сообщение о скором нападении Агриппы, и он, отозвав своих людей из этих дефиле и сильных постов, позволил Цезарю занять их. Убедившись, что сообщение ложное, он снова попытался перехватить Цезаря, когда тот с некоторыми трудностями продвигался по району горы Микония. Но его полководец (Тизиен) не сумел воспользоваться невыгодным положением Цезаря, который тем временем, присоединившись к Лепиду, расположился лагерем под стенами Мессаны. Теперь он был достаточно силен на суше, чтобы послать отряды для захвата различных городов, из которых Помпей получал снабжение; поэтому последнему пришлось оставить Сицилию, или рассеять флот Агриппы и тем самым открыть море для своих транспортов. Однако во втором сражении у Милеи флот Помпея был почти уничтожен, и хотя сам он бежал в Мессану, его сухопутные войска под командованием Тисиена сдались Цезарю. Узнав об этом, Помпей, не дожидаясь восьми легионов, которые у него еще оставались в Лилибее, собрал семнадцать уцелевших в битве кораблей и бежал в Азию, надеясь, что Антоний в благодарность за прежние заслуги спасет и, возможно, наймет его.

Низложение Лепида.

Таким образом, опасность, которая столько лет висела тучами над берегами Италии, миновала. Но оставалась еще одна опасность, которую нужно было преодолеть, прежде чем власть Сезара полностью утвердится на Сицилии. Восемь помпеянских легионов из Лилибея под командованием Пленния прибыли в Мессану. Обнаружив, что Помпеи бежали, так как Цезарь отсутствовал, Пленний передал их Лепиду, который был на месте. Лепид присоединил их к своим собственным силам и, укрепившись таким образом, задумал присоединить Сицилию к своей провинции Африка. Она не была включена ни в один из триумвиральных договоров; он первым высадился там и в ходе своего похода заставил или убедил покориться многие города, - почему же у него должно быть меньше полномочий, чем у Цезаря, чья должность была такой же, как и его собственная? Изначально он торговался за Нарбоненсис и Испанию: его перебросили в Африку, не посоветовавшись с ним, и его провинции перешли к Сезару. Теперь он стоял во главе двадцати двух легионов, и с ним больше не хотели обращаться как с подчиненным. Его аргументы были вескими, но они должны были быть подкреплены такой же твердой решимостью, как у его соперника, и, прежде всего, лояльностью его армии. Ни одного из этих преимуществ у него не было. В бурной беседе с Сезаром он показал, что может ругаться так же громко, как и другой. Но когда они разошлись, он по лености или слепоте не заметил, что агенты Цезаря подрывают верность его людей, особенно в помпеянских легионах, сообщая им, что без согласия Цезаря обещания, данные им Лепидом, не будут иметь силы. Во время следующего визита в лагерь Лепида с небольшим телохранителем, Цезарь подвергся нападению солдат и даже убил некоторых из своей охраны, но когда в отместку за это он ввел в лагерь Лепида свою основную армию, силы последнего стали быстро таять, и через много дней он был вынужден броситься к ногам Цезаря. Его заставили отречься от триумвирата и отправили жить в Италию, где он оставался до самой смерти (13 г. до н. э.), в частном качестве и подвергаясь постоянным оскорблениям. Он, правда, сохранил за собой пост Pontifex Maximus из-за некоторых религиозных трудностей, связанных с его отречением, но ему никогда не позволяли выполнять никакие, кроме самых формальных, функции. Такое отношение к

коллеге не было великодушным; но вся карьера Лепида с начала гражданской войны была слабой и неуверенной. Он был "величайшим флюгером в мире" (*ventosissimus*),^[190] как сказал Цицерону Децим Брут, и, безусловно, представляет собой самую жалкую фигуру из всех ведущих людей того времени.

Судьба Секста Помпея, 35 г. до н. э.

В отношении войск Помпея проводилась прежняя политика Филиппов и Перузии. Сенаторы и эквиты, надо полагать, во многих случаях были преданы мечу; рядовые же были приняты в армию Цезаря, а тем сицилийским городам, которые подчинились Помпею или Лепиду, была объявлена амнистия. Африку и Сицилию Цезарь принял как свою часть империи и назначил в каждую из них пропреторов. Он не пытался преследовать Секста Помпея; он предпочел, чтобы ответственность и, возможно, одиозность разбирательства с ним достались Антонию. Фактически, через несколько лет после этого он сделал его казнь поводом для жалобы на Антония. Однако у Антония, похоже, не было выбора в этом вопросе. Помпей действовал в Азии так же, как в Сицилии и Италии, захватывал города и грабил корабли, посылая мирные посольства к Антонию с предложением служить ему против Цезаря. В конце концов он был вынужден сдаться Аминту (Антоний сделал его царем Писидии) и, передав его легату Антония Тицию, был доставлен в Милет и там предан смерти. Но было и остается неясным, было ли это сделано по приказу Антония.

Ему было всего сорок лет, и он вел странную жизнь с тех пор, как стал свидетелем смерти своего отца на корабле у берегов Египта. Похоже, он обладал щедрыми качествами, которые привязывали к нему людей. Но времена были не те, и он был вынужден вести жизнь пирата и вольного разбойника, имея претензии к каждой партии, пришедшей к власти в Риме, не доверяя никому и не чувствуя себя обязанным относиться к ним как к согражданам или даже как к благородным врагам. Кажется, он упустил не один шанс сокрушить Сезара; но его войска, хотя и многочисленные, не были приспособлены ни по духу, ни по дисциплине к тому, чтобы встретиться в открытом бою с регулярно обученными легионами. Мы не можем удержаться от восхищения мужеством и энергией, благодаря которым он оставался виртуальным правителем немалой части Римской империи на протяжении почти двенадцати лет.

Август выступает перед войсками.

Фотография со статуи в Ватикане, выполненная Эдне. Алинари.

На обороте страницы 108.

ГЛАВА VII ACTIUM

Altera iam teritur bellis civilibus aetas.

Sævis Liburnis, scilicet invidens,

privata deduci superbo

non humilis mulier triumpho.

Ранняя юность Августа и ее плоды.

Когда Секст бежал из Сицилии, Сезару шел 27-й год. Прошло почти девять лет с тех пор, как он, будучи еще мальчиком, впервые смело заявил о себе в противостоянии с людьми, более чем вдвое старше его, и заставил тех, кто был государственным деятелем еще до его рождения, считать его своим чемпионом или уважать как своего господина. С тех пор ему не приходилось отдыхать от серьезных тревог и войн. В Мутине, Филиппах, Перузии и на Сицилии он испытал на себе опасности и бедствия, равно как и победы; не раз он оказывался в неминуемой опасности. Усталость усугублялась частыми болезнями, вызванными, по-видимому, вялой печенью, которой он был подвержен с детства. Во всем ему помогали нестигбемое упорство и страстная решимость отомстить за своего приемного отца, тем более грозная, пожалуй, для холодного и замкнутого характера. По мере того как он шел вперед, в нем постепенно пробуждалось более благородное стремление - восстановить и направить смятенное государство. Ни сейчас, ни впоследствии более вульгарные атрибуты верховной власти - богатство, роскошь и преклонение - не прельщали его. Он чувствовал в себе правящую силу, он верил в свой "гений", в то, что мы могли бы назвать его "миссией", и трудности разделенного правления становились для него все более и более очевидными. Поэтому с этого времени он использовал все средства, которые могла предложить мудрая государственная мудрость или хитрая политика, чтобы избавиться от оставшегося партнера по триумвирату и получить свободу рук в уже начатой им работе по восстановлению.

Брак с Ливией, 38 г. до н. э.

В личной жизни он сделал шаг, который стал для него источником счастья на всю жизнь. Политический брак со Скрибонией в 40 году до н. э., заключенный с целью примирения с Секстом Помпеем, был расторгнут в день рождения его единственной дочери Юлии. Причиной был назван ее неприязненный нрав; но, помимо изменения политической ситуации, была и другая причина, более личного характера. Мизенумский мир позволил многим сторонникам Брута, Кассия или Луция Антония, бежавшим к Сексту Помпею, вернуться в Рим. Среди них был и Тиберий Нерон^[191] со своей молодой женой Ливией Друзиллой. Если только статуи и монеты не являются более чем обычно ложными, она обладала редкой красотой. В 38 г. до н. э. ей было двадцать лет, у нее был один сын (будущий император Тиберий), которому шел четвертый год, и через три месяца должен был родиться второй сын Друз. Даже при существовавших тогда мягких представлениях о разводах и повторных браках это казалось несколько скандальным. Считалось, что год - это необходимый промежуток времени для женщины между одним браком и другим. Но целью этой конвенции было предотвратить двусмысленность в вопросе отцовства детей; и когда Цезарь посоветовался с понтификами, они сказали ему, что, если нет сомнений в отцовстве

ребенка, которым была беременна Ливия, брак может быть законно заключен сразу же. Судя по всему, муж Ливии, который был не менее чем на двадцать лет старше ее, не стал возражать. [192] Он поступил как отец, отдав ее новому мужу, и устроил пир для новобрачных. Брак был настолько стремительным, что любимый паж Ливии, увидев, как она занимает место на том же обеденном диване, что и Сезар, шепнул своей госпоже, что она ошиблась, поскольку ее муж сидит на другом диване. При рождении Друза Сезар отправил младенца к отцу, выполнив тем самым условия понтификов. То, что эти двое были в хороших отношениях, не кажется невероятным, учитывая преобладающие настроения по поводу развода. Например, Цицерон с восторгом писал Долабелле почти сразу после того, как тот вынудил свою дочь развестись с ним за грубый проступок, есть и другие примеры. Во всяком случае, Тиберий Нерон, умирая в 33 году до н. э., оставил опеку над своими сыновьями Цезарю; и, несмотря на такое начало, брак оказался навсегда счастливым. Сезар был предан Ливии до самой смерти; последним его осознанным действием было целование ее губ [193].

Почести, оказанные Сезару.

Победа на Сицилии оставила за ним главенство на Западе, и он сразу же посвятил себя восстановлению порядка и процветания. Облегчение для Италии и Рима было огромным; ведь с Помпеем, хозяином моря, городу постоянно угрожал голод, а италийскому побережью - опустошение. Это чувство облегчения нашло свое выражение в заседаниях сената, который теперь начал те голосования за особые почести и полномочия Сезара, которые в течение следующих десяти или двенадцати лет постепенно облекли его всеми атрибутами верховенства в государстве. По возвращении из Сицилии ему была назначена орация, как после Филиппа, [194], а также статуи и триумфальная арка. В день победы над Помпеем (2 сентября) должны были проводиться вечные *фери* и *молебны*; он с женой и семьей должен был пировать на Капитолии; он должен был иметь вечное право носить лавровый венок победы. Он отказался от должности Pontifex Maximus, пока был жив Лепид, но принял привилегии трибуна - личную неприкосновенность, которая налагала проклятие на любого, кто его обижал или домогался, и право заседать вместе с трибунами в сенате. Это, похоже, давало ему практически полную *власть* в городе. Но это была новая мера, и ее последствия, возможно, не были предвиденными. [195] До этого он дважды хотел быть избранным трибуном, но его "патрициат" стоял на его пути. Это был своего рода компромисс, и он стал лейтмотивом его последующих планов по поглощению полномочий республиканских должностей.

Меры по примирению и восстановлению.

Войны за безопасность границ.

Главные трудности Сезара теперь были связаны с большими военными силами, которыми он обладал либо по собственному призыву, либо по призыву различных побежденных вождей. Распустить их было небезопасно ввиду возможных осложнений с Антонием и невозможно без поиска крупных денежных сумм или больших участков незанятой земли, которыми можно было бы наградить людей; в то время как его задачей было положить конец конфискациям, штрафам и необычным поборам, а также вернуть доверие и безопасность. Подавив не один зарождающийся мятеж, он сумел обеспечить достаточным количеством земли тех, кто отслужил положенный срок, частично купив ее в Капуе, где еще оставалось много незанятой земли. Он оплатил колонии, предоставив ей доходы от земель в Кноссе на Крите, которые стали *государственными* после поражения пиратов и на некоторых из которых вскоре после этого была основана римская колония. [196] Некоторых людей, которые были наиболее шумными и мятежными, он отправил в Галлию в качестве

дополнения к уже существующим колониям или для основания новых колоний[197]. Таким образом, он смог добиться освобождения от налогов, а также погашения задолженности по спискам конфискации, опубликованным триумвирами. Его враги говорили, что его целью было сбросить с Антония и Лепида одиозность их первоначального навязывания; или же сделать заслугой необходимость, поскольку в большинстве случаев собрать деньги было бы невозможно. Возможно, эти мотивы сыграли свою роль в его политике, но, несомненно, он также хотел восстановить доверие и заставить забыть о страданиях гражданских войн. Для оставшихся солдат были найдены другие занятия. О слабости центрального правительства давно свидетельствовало существование разбойничьих банд в разных частях Италии. Гражданские войны усугубили это зло, так что путешествовать стало опасно почти везде, и даже на улицах Рима было небезопасно. Цезарь организовал полицию из солдат под командованием Сабина Котты для патрулирования города и Италии, и в течение нескольких месяцев зло было значительно уменьшено.[198] Кроме того, Статилий Тавр был послан с армией для восстановления порядка в двух африканских провинциях - Проконсуле и Нумидии.[199] Еще одна экспедиция была направлена против саласси, населяющих современную Валь-д'Аосту, которые в течение двух лет сопротивлялись Антистию Ветусу. Он загнал их в их горные крепости; но когда он покинул район, они снова спустились и изгнали римские гарнизоны. Война была поручена Валерию Мессалле, который привел их хотя бы к временному подчинению (35-34 гг. до н. э.).[200] Другая похожая война была против иапидов, живших на территории нынешней Хорватии, которые в своих мародерских походах доходили до Аквилеи и грабили римские колонии. На эту войну Сезар отправился лично. Он разрушил их столицу Метулум на реке Колапис (мод. Колпа) после отчаянного сопротивления, в ходе которого он получил несколько серьезных повреждений в результате падения моста. Остальная часть страны покорилаься.[201] Иапиды, несомненно, спровоцировали нападение. Но это, похоже, не относится к паннонцам, которых Сезар продолжил захватывать. Это было смешанное иллирийское и кельтское племя, обитавшее в лесах и отдельных деревнях без больших городов, и, похоже, жившее мирно. Но Сезар решил взять их единственный важный город, Сиссию, расположенный в месте слияния Колпы и Саве, отчасти как удобный магазин в войнах с даками, а отчасти просто для того, чтобы его армия была занята и получала жалование за счет завоеванной страны. Осада города продолжалась тридцать дней, и после его падения он вернулся в Рим, оставив Фуфия Гемина продолжать кампанию. Весной 34 г. до н. э. Агриппа снова был послан против далматинцев, а когда позже к нему присоединился лично Цезарь, их главные города были взяты и сожжены; и этот народ, который после поражения Габиния в 44-43 гг. до н. э. был практически независим, снова должен был подчиниться и платить дань с десятилетней задолженностью и восстановить штандарты, отнятые у Габиния. За ними последовали и другие племена, и к середине 33 года до н. э. весь Иллирикум был возвращен к повиновению.

Такие успехи делали человека популярным в Риме, ведь они не требовали больших затрат крови и сокровищ, а также затрагивали интересы большого числа купцов и деловых людей. Но и это было еще не все. Один из его легатов, Статилий Тавр, был настолько успешен в Африке, а другой, К. Норбанус, в Испании, что в 34 году до н. э. обоим были объявлены триумфы, и в том же году Мавритания стала римской провинцией. После Паннонской войны Сезар отказался от триумфа, но принял почести для Октавии и Ливии, которые были освобождены от опеки, которой подлежали все женщины; и в течение этих двух лет его имя стало ассоциироваться с успехом, расширением империи и торговли.

Улучшения в городе.

Это сопровождалось реставрацией и улучшениями в городе, чтобы еще сильнее поразить народное воображение. В 33 г. до н. э. Агриппа в качестве эдила реформировал водоснабжение Рима, построив 700 бассейнов, 500 фонтанов и отремонтировав акведуки. [202] Он также очистил клоаки, украсил цирк, бесплатно раздавал масло и соль, открывал бани безвозмездно в течение всего года своего правления, а также разбрасывал среди зрителей в театре *тессеры* (билеты), дававшие право на ценные подарки. Сам Сезар, который был консулом в течение нескольких месяцев в начале 33 г. до н. э., возвел *Porticus Octaviæ*, названный в честь его сестры, на трофеи иллирийской и паннонской войн [203] и начал строительство храма Аполлона и двух библиотек на месте, купленном для дома на Палатине до н. э. 36 г. до н. э., когда сенат пожаловал ему дом Гортензия [204], а сам он все еще жил в доме Кальвуса возле Форума.

Контраст карьеры Антония.

Парфяне.

Эти успехи в западных провинциях в сочетании со столь дорогостоящими улучшениями в городе внушили (как и предполагалось) жителям Рима чувство, что имя Сезара - лучшая гарантия эры мира и процветания, которая, казалось, наконец-то сменит разруху и ужасы гражданской войны. Сильным контрастом, который тщательно подчеркивали Сезар и его друзья, были военные экспедиции на Востоке и экстравагантность увлечения Антония Клеопатрой в Египте. В 40 году до н. э. он был выведен из опьянения любовью и весельем в Александрии и обнаружил, что Сирия находится в руках парфянина Пакора, сына Ородеса, и Лабиена, сына старого легата Юлия, который присоединился к врагу после битвы при Филиппах. Они разгромили и убили его легата Децидия Сакса и завладели провинцией. Правда, в следующем, 39 году до н. э., П. Вентидий прогнал Лабиена, а в 38 году до н. э. разбил парфян и убил Пакора. Но Антоний приревновал его к Вентидию, отстранил от командования и лично отправился осаждать остатки парфянской армии в Самосате, где их принял Антиох, царь Коммагены. Ему не удалось взять город, и хотя в своей депеше он приписывал себе все предыдущие успехи, правда была хорошо известна в Риме. После неудачи в Самосате он заключил с Антиохом бесславные условия и, отправившись на встречу с Цезарем в Тарентум, оставил К. Сосия во главе Сирии. Сосий подавил восстание в Иудее и поставил царем Ирода (38-7 гг. до н. э.). Но в 36 г. до н. э. Антоний потерпел тяжелые поражения в экспедиции против Фраатеса, который только что сменил своего отца Орода на посту царя Парфии. Однако один успех в ходе бесславной кампании позволил ему отправить домой лавровые депеши, о реальной ценности которых позаботились Сезар и его друзья. В 35 году до н. э. он начал выкраивать царство для своего старшего сына от Клеопатры и готовиться к экспедиции против царя Армении, которого он обвинял в том, что тот не выполнил свой долг по поддержке его в предыдущем году. Заключив сначала договор о дружбе с царем Мидии, в 34 г. до н. э. он вторгся в Армению и, завладев личностью царя путем предательства, которое шокировало римские чувства - не очень щепетильные в таких вопросах, - привез его в серебряных цепях в Александрию.

Клеопатра.

Таким образом, карьера Антония как администратора и защитника империи справедливо или ошибочно рассматривалась как неблагоприятная по сравнению с карьерой Сезара. Но еще более шокирующим для римских чувств было его положение при дворе Клеопатры. Хотя моральные нормы в Риме были далеко не высоки, они были строги в отношении некоторых деталей. Как действительный брак мог быть заключен только с женщиной, которая была *civis*, так и для мужчины, занимающего высокое положение, открыто жить с иностранной

любовницей, какого бы высокого ранга она ни была, было особенно скандально. Любимый император Тит, сто лет спустя, вынужден был уступить этим чувствам и уволить свою идумейскую любовницу. Но чтобы римский император не только имел такую связь с "варварской" царицей, но и выступал в качестве ее офицера и придворного; чтобы у нее была телохранительница из римских солдат; чтобы она давала им слово как своему суверену; и даже нанимала их для решения вопросов, которые в том или ином смысле были римской территорией - это казалось возмутительным в худшем смысле. В стихотворении, написанном, кажется, в то время, когда кампания при Актиуме еще не была решена, но когда слухи о поражении Антония уже достигли Рима, Гораций хорошо выражает отвращение, с которым относились к положению, уступленному Клеопатре по любви Антония:

Неправда, неправда, что внуки наши скажут.

Что римляне женщине клялись в верности;

что римляне женщине клятву верности давали, пики поднимали, оружие подавали и делали.

Все, что ее морщинистые евнухи велели:

Или что среди наших римских флагов были видны

И среди наших римских флагов, и среди занавесок ее паланкина"[205].

Сам Антоний не скрывал, что царица связана с армией. После его катастрофической экспедиции 36-5 гг. до н. э. Клеопатра снабжала его деньгами, и он говорил своим людям, когда платил им, что они получают их от нее. Эта связь также привела к разрыву отношений с Сезаром. Их дружба, всегда сомнительная, время от времени скреплялась официальными примирениями: в 43 г. до н. э. после Мутины, в 40 г. до н. э. в Брундизиуме и в 37 г. до н. э. в Тарентуме. Некоторое время Антоний находил большое удовольствие в обществе Октавии, с которой он некоторое время жил в Афинах. Но после встречи в Тарентуме он оставил Октавию с ее братом, вернувшись на Восток, и вскоре снова попал под чары Клеопатры, которая, хотя и не была красавицей, очаровала его своим искусством и бесконечным разнообразием. Когда в 35 г. до н. э. Октавия, пытаясь добиться очередного примирения, отправилась в Афины, взяв у брата деньги и солдат для него, Антоний принял подарки, но послал ей весточку, что она должна вернуться в Рим. Сезар хотел, чтобы она сразу же отреклась от него, но она, похоже, была искренне привязана к нему и не желала, чтобы оскорбление, нанесенное ей, стало поводом для гражданской войны. Она продолжала жить в его городском доме и щедро воспитывать не только своих детей от него, но и детей Антония от Фульвии.

Окончательный разрыв между Сезаром и Антонием.

Но после возвращения из армянской экспедиции (34 г. до н. э.) Антоний еще больше увлекся Клеопатрой. Он публично присвоил ей титул "царицы цариц", а ее старшему сыну - имя Сезарион и "царь царей"; двум своим сыновьям и дочери от Клеопатры он выделил царства в Сирии, Армении, Ливии и Киринее. Ему хватило уверенности написать в сенат с просьбой подтвердить эти акты. Когда два его друга, К. Сосий и Кн. Домиций Агенобарб, вступив в должность консула (1 января 32 г. до н. э.), решили пресечь эту депешу, несмотря на желание Цезаря; но они передали сенату его сообщение, что второй период триумvirата истек (в последний день 33 г. до н. э.), и он не желает его возобновления. Однако он не отрекся от своего *imperium*, и целью этой декларации было втянуть Сезара в борьбу с сенатом, если он захочет сохранить свои чрезвычайные полномочия. Агенобарб, действительно, уже достаточно натерпелся от гражданской войны и не хотел предпринимать

никаких шагов, которые могли бы ее вызвать. Но Сосий произнес длинную речь, восхваляя Антония и нападая на Цезаря или, по крайней мере, обесценивая его, и только вмешательство одного из трибунов помешало ему внести предложение в пользу Антония. Через несколько дней после этого Цезарь (которого не было 1 января) созвал сенат и произнес с консульской скамьи речь, которая, хотя и была старательно умеренной в отношении его самого, была очень откровенной в отношении Сосия и Антония. Никто не решился ответить, и сенат был распущен с заверением, что Цезарь представит доказательства того, что он сказал об Антонии. Оба консула, не предпринимая никаких дальнейших действий, покинули Рим и присоединились к Антонию в Александрии. За ними последовало значительное число сенаторов, причем Цезарь заявил, что они отправились с его полного согласия, и объявил, что другие могут ехать, если пожелают.

Недовольство обеих сторон.

Объявление войны против Клеопатры, 32 г. до н. э.

Это был раскол в правящем органе, подобный тому, что произошел в 49-8 гг. до н. э., и было очевидно, что гражданская война неизбежна. Настроения в Риме отнюдь не были на одной стороне, о чем свидетельствует количество членов сената, перешедших на сторону Антония. Партийные чувства, по сути, были настолько острыми, что мальчишки на улицах делились на цезарианцев и антонианцев;^[206] и оба лидера демонстрировали огромное желание аргументами и заявлениями выставить себя в выгодном свете. Антоний выдвигал против Цезаря следующие претензии: (1) что он лишил Лепида Африки, не посоветовавшись с ним; (2) что он не разделил с ним страны, ранее принадлежавшие Сексту Помпею; (3) что он зачислил солдат в Италию, не прислав ему контингент, причитающийся по их соглашению. Против Антония Цезарь выдвинул следующие аргументы: тот без разрешения занял Египет (не римскую провинцию); казнил Секста Помпея, которого он (Цезарь) хотел пощадить; опозорил римское имя своим поведением с царем Армении, связью с Клеопатрой и дарованием царств своим детям от нее; и, наконец, причинил ему зло, признав Цезариона сыном Юлия Цезаря. В течение нескольких месяцев шел обмен письмами и посланиями по этим и другим вопросам, и оба пытались оправдаться. Антоний, по крайней мере, в одном письме, сохраненном Суэтонием, в самых грубых выражениях высмеивает то, что он считает лицемерными или ханжескими возражениями Цезаря против его связи с царицей. Но в конце концов Цезарь нашел способ дискредитировать Антония в глазах сенаторов и убедить их, что они должны предотвратить вторжение в Италию объявлением войны против Клеопатры, которая будет воспринята как война против Антония. Для этого он использовал двух офицеров Антония, которые поссорились с ним и вернулись в Рим - М. Тиция и Л. Муната. Тиция и Л. Мунатия Планка. Последний, корреспондент Цицерона, наместник Кельтской Галлии в 44 г. до н. э. и консул в 42 г. до н. э., присоединился к Антонию в Александрии в качестве *легата* и пользовался его доверием. Современные авторы презирают его как чудовище непостоянства и закоренелого предателя, а его отказ от Антония вызывал презрение даже у кесарийцев. Однако история, которую он и его спутник должны были рассказать, послужила на пользу Цезарю. Они рассказали, что, услышав его речь в сенате, Антоний публично развелся с Октавией в присутствии сенаторов и объявил, что намерен начать против него войну. Они также рассказали, как Антоний назвал Клеопатру своей царицей и государыней, дал ей телохранителей из римских солдат с ее именем на щитах; как он проводил ее на форум и сел рядом с ней на судебное кресло; как, когда она ехала в своем кресле, он шел пешком рядом с ней среди евнухов; Как он называл покои генерала или претория "дворцом", носил египетский скимитар и халат, расшитый золотом, и сидел на позолоченном стуле; и как разыгрывались религиозные представления, в которых

он играл роль Осириса, она - Луны и Исиды. Римский мир считал, что Антоний был околдован Клеопатрой, и серьезные последствия, которые могли последовать за этим, стали еще более очевидными благодаря его завещанию, копию которого Август получил от Планка или изложил его содержание, а также публично зачитал его в Ростре. В нем Антоний подтверждал законность Сезариона, давал огромные наследства своим детям от Клеопатры и приказывал похоронить свое тело вместе с телом царицы в царском мавзолее. В общем, люди начали верить сообщениям о том, что он намеревается передать империю, даже сам Рим, Клеопатре, а резиденцию правительства перенести в Александрию. Произошла одна из тех вспышек чувств, которые увлекают за собой всех. Даже те, кто был нейтрален или склонен относиться к Сезарю с подозрением, яростно ополчились против Антония. Он был смещен с поста консула 31 г. до н. э., на который был избран, и объявлен лишенным *impegium*. Представляется вероятным, что сначала он не был объявлен *hostis*,^[207] но против Клеопатры была объявлена война. Его врагам было достаточно того, что он вместе с египтянами сражается против Рима, и голосование, как хорошо понимали, распространялось и на него. Сезар был назначен объявить войну со всеми *фециалами*, а сенат взял на себя *сагум*^[208].

Обе стороны теперь всерьез готовились к войне. Сезар мог привлечь силы из Италии, Галлии, Испании, Иллирика, Сардинии, Сицилии и других островов. Антоний опирался на Азию, Фракию, Грецию и Македонию, Египет, Кирию и острова Эгейского моря, а также на большое число царей-клиентов, которые были обязаны ему своим положением.^[209] Собравшись на Самосе, он заставил их усомниться, указав, что формально они не будут находиться в состоянии войны с Римом, и пообещав, что в течение двух месяцев после победы он сложит с себя *impegium* и передаст всю власть сенату и народу. Он также не ограничивал свои усилия Востоком. В города Италии были отправлены агенты с деньгами, хотя Сезар, который был хорошо информирован, в основном препятствовал этим попыткам.

Антоний приближается к Италии.

С Самоса Антоний перевез свой штаб в Афины, откуда зимой 32 года до н. э. начал вторжение в Италию. Но на Корсире он получил сведения о передовой эскадре флота Цезаря у Акроцераунского мыса и, полагая, что Цезарь находится там в полном составе, решил отложить военные действия до весны, ожидая, что к этому времени к нему присоединятся войска царей-клиентов. Сам он зимовал в Патре, распределив свои силы так, чтобы охранять различные пункты Греции. Он с презрением отверг предложение Сезара о встрече, сославшись на то, что некому будет решать, если кто-то из них нарушит условия, на которых они могли бы договориться. Вероятно, это предложение не имело серьезных намерений. Это был лишь еще один способ поставить Антония в невыгодное положение.

31 г. до н. э., Кон., К. Октавий Цезарь, Вал. Мессала. Начало военных действий.

До конца года, однако, ничего не удалось сделать: буря сорвала попытку Цезаря застать врасплох некоторые корабли противника у Корсиры. Ранней весной первый ход был сделан Агриппой, который напал на Метону в Мессении, убил Боговаса, покойного царя Мавретании, и преследовал берега Греции другими нападениями, чтобы отвлечь внимание Антония, который сейчас находился со своим главным флотом в Амбракийском заливе, защитив узкий вход в него башнями с обеих сторон, а корабли расположив между ними. Его лагерь находился недалеко от храма Аполлона, на южной стороне пролива. Успехи Агриппы побудили Цезаря действовать. Он высадил войска в Цераунии, устроив свой штаб в "Сладкой гавани", в устье Коцита, и отправил отряд по суше вокруг Амбракийского моря,

чтобы угрожать лагерю Антония. Не сумев выманить флот из Амбракийского залива или склонить людей покинуть Антония, он захватил возвышенность, выходящую к проливу, и напротив Актиума, где и укрепился, на земле, на которой впоследствии построил Никополь. Однако летние месяцы тянулись, не принося ни одной из сторон решительного удара, и задержка была неприятна для обоих. В Риме кипело восстание, вызванное бедственным положением и высокими налогами, и недовольство нашло свое выражение в заговоре Лепида, сына бывшего триумвира. Заговор был быстро подавлен, и Лепида отправили к Цезарю для осуждения; но, тем не менее, Мекенас, возглавлявший Рим, обнаружил, что у него нет синекуры. Для Антония промедление означало недовольство среди его восточных сторонников, ослабление верности и возможный отказ. Кроме того, Клеопатра находилась в крайне нервном состоянии и настаивала на возвращении в Египет. Наконец 31 августа, когда кавалерия выступила против Антония, она закричала, и после долгих раздумий Антоний решил последовать ее совету. Он приказал подготовить свои корабли к бою, но с тайным намерением избежать сражения и отплыть в Александрию[210].

Битва при Актиуме, 3 сентября 31 г. до н.э.

Сезарю сообщили об этом, и он решил помешать этому. Его идея заключалась в том, чтобы позволить флоту антонианцев выйти и начать свой курс, а затем обрушиться на их тыл. Но Агриппа решил, что превосходство антоновского флота в мореходных качествах сделает это невозможным, и призвал атаковать, как только корабли выйдут из пролива. Четыре дня стояла бурная погода, но 3 сентября наступило затишье,[211] или только некоторый прибой от предшествующих бурь; и когда труба возвестила о старте, огромные корабли Антония, снабженные башнями и наполненные вооруженными людьми, начали выходить из пролива. Поначалу они не подавали никаких признаков выхода в море. Корабли заняли тесный строй и ждали нападения. Со стороны Сезара возникла небольшая пауза. Он или Агриппа не решались напасть на эти огромные галеоны с их маленькими суденышками. Но вскоре был отдан приказ судам, находившимся на оконечности флота Цезаря, приложить все силы к гребле, чтобы обойти два крыла Антония. Чтобы избежать этой опасности, Антоний был вынужден против своей воли отдать приказ об атаке.

Битва продолжалась всю вторую половину дня без решительных результатов, хотя малочисленность кораблей Сезара во многих моментах оказалась решающим преимуществом. Их можно было подплыть вплотную к большим кораблям и отплыть подальше, когда на врага обрушивался шквал копьев. Люди Антония отвечали на залпы и использовали увесистые захваты. Если они зацепляли один из небольших кораблей, то, несомненно, были очень эффективны; но если они промахивались, то либо серьезно повреждали свой корабль, либо вызывали такое замешательство и задержку, что у противника появлялась возможность обрушить на него новые залпы дротиков. В конце концов Клеопатра, чьи корабли находились на южном фланге флота, не выдержала напряжения. Она дала сигнал к отступлению, и при благоприятном ветре египетские корабли вскоре скрылись из виду. Антоний, решив, что это результат паники и что день потерян, поспешил за удаляющейся эскадрой. Примеру своего предводителя последовали многие из экипажей, которые облегчили свои корабли, выбросив за борт деревянные башни и боевые снасти, и бежали с полностью расправленными парусами. Но другие продолжали борьбу, и только когда люди Сезара начали бросать зажженные марки на корабли противника, разгром стал всеобщим. Но и тогда работа не была закончена, так как Цезарь провел всю ночь на борту, пытаясь спасти людей с горящих кораблей[212].

Финал гражданской войны в Египте, 31-30 гг. до н. э.

Антонию удалось оторваться от преследования, но его лагерь на суше был легко взят, а армия перехвачена при попытке отступить в Македонию. Большая часть мужчин поступила на службу в легионы Цезаря, а ветераны были распущены без пенсий. Однако за Антонием в Египет последовали многие его приверженцы по званию, и он все еще считал себя достаточно сильным, чтобы заключить соглашение с Цезарем. Но он уже не мог надеяться на помощь царей-клиентов. Все они поспешили заключить мир с Цезарем, либо были схвачены и наказаны. Даже Клеопатра втайне была готова предать его.

За исключением одного семидневного визита в Брундизий, чтобы подавить мятеж нескольких недовольных ветеранов, Цезар провел зиму на Самосе и в Афинах, собирая армию и флот, предназначенные для того, чтобы окончательно лишить Египет независимости. Клеопатра действительно пыталась отважиться на это. Она вернулась в Александрию с украшенными цветами носами и волынщиками, играющими триумфальную мелодию. Народ вряд ли был обманут, но никаких признаков восстания не было. Она смогла захватить имущество тех, в чьей верности подозревала, и даже предала смерти пленного царя Армении, чтобы угодить своему союзнику - царю Мидии. Царям, которые были в союзе с Антонием, были отправлены послания, а также гладиаторы, которых он тренировал на Трапезус. Гладиаторы отправились в путь, но были перехвачены, а помощи от царей-клиентов не последовало. Еще худшее разочарование ждало его в Киринее, куда он поставил Л. Пинария Скарпа с четырьмя легионами. Когда, оставив Клеопатру в Парэтонии, он отправился принять эти легионы, Пинарий отказался принять его и даже предал смерти его посланцев, а вскоре после этого передал свою провинцию и армию легату Цезаря, Корнелию Галлу. Это был недвусмысленный знак того, что день влияния Антония закончился. Клеопатра вернулась в Александрию и занялась тайными приготовлениями к отступлению в Азию, при необходимости вплоть до Иберии (*Грузии*), но при этом не теряла видимости и посылала во все стороны просьбы о помощи. Сын Клеопатры Цезарион и сын Антония от Фульвии (Антилл) были признаны мужского пола и способными к управлению, и Цезарю были отправлены послания с предложением, чтобы Антоний удалился в Афины в качестве *privatus*, а Клеопатра отреклась от престола в пользу Цезариона. Царица также, без ведома Антония, послала Цезарю золотой скипетр и корону. Он ничего не ответил Антонию, но ответил Клеопатре в угрожающих выражениях, послав своего вольноотпущенника Тирса передать ей наедине обнадеживающее послание. Антоний догадался о цели миссии Тирса и в последнем порыве своего прежнего развязного юмора велел выпороть его и отправить обратно с сообщением, что если Цезарь почувствует себя ущемленным, то в отместку может подвергнуть пыткам своего вольноотпущенника Гиппарха (присоединившегося к Цезарю). Но дела его шли все хуже и хуже. Пришло известие, что гладиаторы были конфискованы, что его собственный легат в Сирии (К. Дидий) приказал арабам сжечь корабли, которые он приготовил для своего бегства в Красном море, и что единственные два царя-клиента, которые, казалось, были склонны поддержать его - цари Киликии и Галатии, - отпали. Поэтому он снова попытался установить связь с Цезарем. Он отправил к нему в качестве пленника одного из убийц Юлия, которого он защищал и нанимал, П. Туруллия, и значительную сумму денег, переданную его сыном Антиллом. Цезарь предал Туруллия смерти и забрал деньги, но ничего не ответил Антонию, хотя снова отправил личное послание Клеопатре. Вскоре Антонию сообщили, что Галл прибыл в Парэтоний с четырьмя легионами, захваченными у Пинария; полагая, что даже теперь его личного влияния достаточно, чтобы вернуть людей, он поспешил туда, сопровождаемый остатками своего флота, приплывшего для его охраны. Но это привело лишь к еще большей беде. Солдаты отказались его слушать, а когда его корабли вошли в гавань, в устье загремели цепи, и они

оказались в ловушке. На суше он оказался между двумя враждебными силами: Сезар при попустительстве Клеопатры высадился в Пелузии и шел на Александрию, а Галл атаковал его из Парэтония. Он снова совершил одно из тех стремительных движений, которыми славился. Поспешив обратно в Александрию, он бросил свою конницу на авангард Цезаря, когда тот устал от марша. Но успех этого движения побудил его предпринять общую атаку, в которой он потерпел решительное поражение. Последний ресурс - корабли, все еще остававшиеся в гавани Александрии, - подвел его. Действуя по приказу Клеопатры, капитаны отказались принять его. Царица, как говорят, закрылась в усыпальнице или Птолемее, надеясь довести Антония до отчаяния и самоубийства, как единственного выхода из затруднительного положения. Если это действительно было ее мотивом, то она и преуспела, и раскаялась. Антоний ударил себя ножом и попросил отнести его в усыпальницу, где и умер на ее руках.

Смерть Клеопатры.

Теперь Сезар стремился обезопасить лицо Клеопатры. Он послал к ней Галлуса с успокаивающими посланиями, которые тот передал ей на крыльце. Но пока он разговаривал с ней, в окно вошел К. Прокулей, схватил царицу и препроводил ее во дворец, где ей были предоставлены ее обычные сопровождающие и все атрибуты царской власти. Из двух рассказов о встрече Цезаря с ней более живописный приводит обычно прозаичный Дио. Он нашел ее очаровательной в своем трауре, окруженной всевозможными изображениями великого Юлия, а в груди ее платья лежала пачка полученных от него писем. При его появлении она встала, покраснев, и приветствовала его как своего господина и повелителя. Она рассказала, что Юлий всегда оказывал ей честь и признавал ее королевой. Она читала ласковые отрывки из его писем, которые страстно целовала со слезами на глазах, стараясь в то же время вложить в свой взгляд и тон голоса почтительное восхищение и привязанность к самому Сезару. Сезар вполне оценил драму, разыгрывавшуюся в его интересах, но притворился бессознательным, не отрывая глаз от земли и не произнося ничего, кроме: "Мужайтесь, мадам! Не бойтесь, с вами ничего не случится". Однако он ни словом не обмолвился о том, что она сохраняет королевскую власть, и в его голосе не было ни малейшей нежности. В агонии разочарования она бросилась к его ногам и стала умолять его памятью об отце позволить ей умереть и разделить могилу Антония. Сезар ничего не ответил, лишь еще раз попросил ее не беспокоиться, но приказал, чтобы за ней пристально следили, хотя и позволил ей иметь обычных сопровождающих. Клеопатра прекрасно понимала, что ее собираются отвезти в Рим, чтобы она украсила триумф победителя. Но чтобы добиться большей свободы, она притворилась покорной и занялась сбором подарков для Ливии. Усыпив таким образом бдительность Эпафродита и других своих охранников, она через несколько дней после этого устроила парад и написала письмо Сезару, которое уговорила Эпафродита передать. Однако когда он вернулся, то обнаружил, что царица, облаченная в царские одежды, лежит мертвая, а рядом с ней мертвы или умирают две из ожидавших ее женщин. "Никто точно не знает, - говорит Дио, - как она умерла. Одни говорят, что ядовитая змея была доставлена к ней в сосуде с водой или в цветах. Другие говорят, что в длинной заколке, которой она скрепляла волосы, было ядовитое острие, которым она уколола руку". Плутарх, с таким же выражением сомнения, говорит, что змея была доставлена в корзине с фидами; и что, получив письмо, привезенное Эпафродитом, Цезарь понял ее замысел и поспешил во дворец, чтобы предотвратить его, и даже вызвал нескольких таинственных Псилли - заклинателей и лекарей змей, чтобы они высосали яд.^[213] Но, несмотря на свое разочарование, он восхищался ее духом и устроил ей царские похороны. Возможно, в конце концов он почувствовал облегчение. По словам Плутарха, она показала ему, что ею нелегко управлять. По его словам, в конце разговора с Сезаром она вручила ему расписание царских сокровищ. Но когда один из ее управителей или казначеев заметил, что она утаивает

некоторые суммы, разгневанная царица вскочила, вцепилась ему в волосы и стала бить его кулаками по лицу. Когда Сезар улыбнулся и попытался ее успокоить, она воскликнула: "Как мило, Сезар, что ты навещаешь меня и обращаешься ко мне с почестями в моем падшем состоянии, и что одна из моих собственных рабынь оскорбляет меня! Если я и отложила некоторые женские украшения, то не для себя, а для Октавии и Ливии, чтобы они смягчили твое сердце по отношению ко мне".

Было бы приятнее, если бы смерть Клеопатры и конфискация ее казны стали концом этой истории. Но казни двух несчастных мальчиков, Сезариона и Антиллы, были актами хладнокровной жестокости. Первый, которому было не больше шестнадцати лет, был отправлен матерью с большим запасом денег в Эфиопию, но был предан своим *лажом*, схвачен солдатами Цезаря и предан смерти. Юный Антоний (или Антилл), упорно вымаливая свою жизнь, бежал в поисках безопасности в *херувим* божественного Юлия, построенный Клеопатрой, но был утащен и убит. Ему было не более четырнадцати лет, и в детстве он был обручен с малолетней дочерью Цезаря, Юлией. Возможно, претензии Сезариона на отцовство Сезаря и признание его наследником египетского престола сделали его смерть неизбежной; но крайняя молодость Антиллы и его беспомощность могли бы послужить ему оправданием. Остальные дети Антония находились под защитой Октавии и воспитывались в соответствии со своим положением.

Невозможно не сочувствовать Антонию, который ради женской любви отказался от славы и жизни. Но, несомненно, для мира было счастьем, что руководство делами перешло к осторожному Августу, а не к нему. У него были привлекательные качества, но не было добродетелей. Безграничное самообольщение правителя с лихвой перевешивает добродушие и либеральность. Оно приносит подданным больше страданий, чем может компенсировать случайное удовлетворение, вызванное последними качествами. Его план по созданию ряда полунезависимых королевств на Востоке почти наверняка стал бы причиной бесконечных бед. На момент смерти ему было не более пятидесяти трех лет, но налицо были признаки большого упадка энергии и активности. Люди думали о нем.

"Как о принце, чья мужественность угасла,

И расплавился в простом бесчинстве".

И, несомненно, если бы вместо того, чтобы провести зиму на Самосе в роскоши и разгуле и часть другой зимы в Афинах в том же духе, он начал свое нападение на Сезара годом раньше, результат мог бы быть иным. Но он упустил случай и обнаружил, как и другие, что голова Времени лысая сзади.

Obv.: Head of Augustus. Rev.: The Sphinx.

Obv.: Heads of Augustus and Agrippa. Rev.: Crocodile and Palm,
Colonia Nemausa (Nismes).

Obv.: Head of Augustus. Rev.: Triumphal Arch, celebrating the re-construction of the roads.

Obv.: Head of Drusus. Rev.: Trophy of Arms taken from the Germans.

Obv.: Head of Livia. Rev.: Head of Julia.

Аверс: голова Августа. Рев: Сфинкс.

Обв.: Головы Августа и Агриппы. Рев: Крокодил и пальма. *Колония Немауси (Нисмес).*

Обв.: голова Августа. Рев: Триумфальная арка в честь восстановления дорог.

Аверс: голова Друза. Рев: Трофей оружия, отнятый у германцев.

Аверс: голова Ливии. Рев.: голова Юлии.

Лицевая сторона страницы 130.

ГЛАВА VIII

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ, 30-23 ГГ. ДО Н.Э.

Hic ames dici pater atque princeps.

Новая конституция.

Семь лет, последовавших за смертью Антония и Клеопатры, стали свидетелями утверждения новой конституции в ее важнейших пунктах. Она была названа *диархией*, двумя сторонами которой были император и сенат. Однако они не были равны по силе. Насколько это было возможно, Август опирался на те же функции, что и республиканские магистраты, и относился к сенату со старательным уважением. Но вопреки всем заявлениям, вопреки даже самому себе, он стал монархом, чья воля была ограничена лишь теми силами обстоятельств и чувств, перед которыми порой вынуждены были склоняться самые самодержавные государи. Важными эпохами в этой реконструкции являются 29, 27, 23 годы до н. э.; но иногда придется предвосхищать ход событий и сразу говорить о том, на что зачастую уходили долгие годы.

Сокращение армии.

Сокращение огромных вооружений, которые были вызваны различными фазами гражданской войны, стало возможным благодаря богатству, которое досталось в руки Сезара благодаря владению Египтом. Хотя Египет стал римской провинцией, он с самого начала находился в особом положении: им управлял "префект", назначенный императором, который взял в свою частную собственность как сокровища и земли Птолемеев, так и остаток доходов от расходов. Это составило ядро того, что впоследствии было названо *фиском*,^[214] императорским доходом в отличие от *aerarium* или государственной казны. Таким образом, он мог распустить сразу много легионов, не вызывая опасного недовольства ветеранов и не раздражая их новыми конфискациями. Это было крайне необходимо, если он хотел избежать опасностей, которые так часто угрожали государству от лидеров разросшихся военных сил. Число легионов под оружием за предыдущие десять лет было поистине огромным. В 36 г. до н. э., когда Сезар взял на себя командование легионами Лепида и Секста Помпея, под его началом было сорок четыре или сорок пять легионов.^[215] За период между этим временем и войной с Антонием он сократил их число до восемнадцати. Но после победы при Актиуме и смерти Антония легионы, доставшиеся от него, вместе с вновь набранными для войны, снова составили пятьдесят. Таким образом, Сезару дважды пришлось иметь дело с войском численностью около 250 000 человек. Сам он говорит, что во время его войн полмиллиона граждан принесли ему военную присягу. Богатства Египта пошли на покупку земель или компенсацию городов за тех, кто был взят в ветераны. От первого до последнего более 300 000 человек были обеспечены таким образом.^[216] Важной целью этой меры было также повторное заселение Италии и обновление многих городов, которые во время гражданских войн или по другим причинам пришли в упадок. Республиканскому прецеденту последовали, вспомнив древнюю практику поселения "колоний" в итальянских городах, но с той разницей,

что новые колонисты обычно рассматривались как *дополнение* к уже существующей колонии, а земли для них покупались у частных владельцев или у общин. Август утверждает, что таких итальянских колоний было двадцать восемь, из которых тринадцать, как известно, были в прошлом "римскими" или "латинскими" колониями. Другие города, помимо денежного вознаграждения, были вознаграждены повышением статуса колонии, как правило, с добавлением "Iulia" или "Augusta" к их названию. Эта система была распространена за пределы Италии - в Африку, Испанию, Сицилию, Иллирикум, Македонию, Ахайю, Галлию Нарбонскую, Азию, Сирию и Писидию. Все поселения в этих странах были колониями ветеранов, за исключением Диррахия, который был заполнен лишенными собственности итальянцами. Это не было новшеством: ведь внеиталийские колонии уже были основаны в Цизальпинской и Трансальпийской Галлии, в Карфагене и Коринфе. Считается, что Юлий Цезарь поселил таким образом 80 000 граждан за пределами Италии. Внеиталийские колонии Августа, однако, отличались от этих последних по статусу. Они имели так называемое *Latinitas*, то есть гражданство без права голоса или занятия должности в Риме. В силу этого гражданства они подчинялись римскому праву и входили в состав собрания (*conventus*) провинциальных правителей. Некоторые из них также обладали особыми привилегиями, которые были объединены общим термином "италийское право" (*ius Italicum*) и включали свободу от юрисдикции провинциального губернатора (*libertas*) и освобождение от дани (*immunitas*). Общая цель, по-видимому, заключалась в том, чтобы поставить внеиталийские колонии, насколько это возможно, в то же положение, что и колонии в Италии. Как правило, и ветераны, поселенные в колонии, были призваны на службу в провинции и, следовательно, уже имели местные связи. Август заботился о развитии и украшении этих городов, как в Италии, так и в провинциях, и с гордостью отмечает, что многие из них стали густонаселенными городами еще при его жизни. Во многих случаях их последующее значение свидетельствует о том, что они были хорошо выбраны. Так, Карфаген имел большую средневековую историю; Дураццо и Филиппы долгое время были известными местами; Сарагосса, Мерида, Кордова, Экс, Патрас, Бейрут - все они обязаны своим процветанием колонизации Августа[217].

Улучшения в Риме.

В то же время он не забывал поощрять реставрацию в Риме, которой он уже придал мощный импульс. Ничто так не повредило Антонию в глазах римлян, как сообщение о его намерении перенести резиденцию империи в Александрию. Аналогичное сообщение о создании на Востоке имперского города в Илиуме вызвало через несколько лет такое же беспокойство, которое нашло выражение в одной из самых энергичных од Горация.[218] Цезарь благоразумно показал, что он не только твердо держится за императорское положение Рима, но и желает сделать его внешне достойным столицы мира. Как и во всех других его проектах, никто не сотрудничал с ним более преданно, чем Агриппа. Но и другие были привлечены к службе; особенно те, кто заслужил триумф, были поощрены использовать хотя бы часть своих трофеев на общественные работы. В следующие несколько лет произошел большой всплеск реставрации храмов,[219] и среди ближайших друзей и последователей Августа вошло в моду ознаменовывать свое пребывание на посту или военный успех возведением какого-нибудь важного здания. Гораций снова отразил тот взгляд на подобные вещи, которого ожидали от официальных лиц и, возможно, в определенной степени придерживались. Страдания римлян в революционный период, несомненно, были велики. Разрушенное состояние храмов, несомненно, было связано с беспокойным временем - причиной или следствием, кто может точно сказать? Неестественно предположить, что среди прочих *delicta maiorum* это тоже вызвало гнев богов. Во всяком случае, моральная распушенность шла бок о бок со скептицизмом и пренебрежением к религиозным обрядам.

Не стоит считать ни поэта, ни императора чудовищем лицемерия, поддерживающим такую доктрину. Привычки и традиции сильнее философии. После всех наших рассуждений всегда остается Неисчислимое; и многие сегодня сожалеют об упадке религиозных чувств как об общественном несчастье, но при этом глубоко не уверены в том, во что они сами верят на самом деле.

Почести, воздаваемые Сезару, 30-27 гг. до н. э.

По возвращении из Азии и Греции, где он провел зиму и весну 30-29 гг. до н. э., Сезар был принят с энтузиазмом всеми слоями населения. Консул принес торжественные жертвы от имени народа, и все почести, которые мог оказать сенат, ожидали его принятия. Почести, назначенные после Актиума, были щедро увеличены в сентябре 30 г. до н. э., когда стало известно о смерти Антония и взятии Александрии. Две триумфальные арки должны были быть воздвигнуты - одна в Риме, другая в Брундизии; [220] храм божественного Юлия должен был быть украшен носами захваченных кораблей; его собственный день рождения, день победы при Актиуме и день вступления в Александрию должны были быть навечно священными; Девы-весталки и весь народ должны были встречать его по возвращении торжественной процессией; он должен был занимать главное место на всех празднествах и праздновать три триумфа: один - за победу над далматинцами и соседними племенами, второй - за Актиум и третий - за Египет. Пожизненная *tribunicia potestas* снова была передана ему с правом осуществлять ее в радиусе мили за пределами стен. Он должен был иметь право рассматривать все дела в апелляционном порядке и иметь решающий голос во всех судах. Его имя должно было упоминаться в публичных молитвах за государство. 1 января 29 года до н. э. все его акты были подтверждены, а когда стало известно, что парфяне передали спорный вопрос о престолонаследии на его рассмотрение, были придуманы новые почести. Катастрофы при Крассе и Антонии сделали римлян особенно чувствительными к парфянам; и это очевидное признание ими превосходства Августа, пусть и неопределенного, было представлено придворной партией и придворными поэтами не только как настоящий триумф над парфянами, но и как шаг в карьере восточных завоеваний почти неограниченного масштаба. [221] Соответственно, его имя теперь должно было соединяться с именами богов в гимнах; в его честь было названо племя *Iulia*; он должен был носить чашу победы на всех собраниях; и назначать столько членов, сколько он выберет, во все священные коллегии. Сезар принял большинство из этих почестей, но попросил освободить его от участия в процессии по возвращении. Этой чести он всегда избегал, если мог, предпочитая тихо входить в город ночью. Несомненно, это было тяжелое испытание в конце долгого пути, и, возможно, он, как и Кромвель, чувствовал, что еще большая толпа собралась бы посмотреть на его повешение. Три триумфа, однако, теперь праздновались с величайшей пышностью, особенно третий - над Египтом, где фигура мертвой царицы, лежащей на кушетке, с сыном и дочерью рядом, была выдающимся элементом.

Увеличение патрициата и перепись населения.

Теперь у Сезара были широкие полномочия для любых целей управления. *Трибунат* сам по себе давал ему законодательную инициативу и контроль над другими ведомствами. Впоследствии она стала считаться самой важной из его полномочий. Но в своих первых реформах он использовал скорее свои полномочия консула. Консульство должно было стать действительно, как оно всегда оставалось номинально, главной государственной должностью, объединяющей все прерогативы, которые когда-то были сосредоточены в руках *рекса*. Так, при проведении переписи 28 г. до н. э. он выступал в качестве консула вместе со своим коллегой Агриппой, осуществляя фактически *censoria potestas*, хотя и не формально дарованную, а присущую консулам. [222] Он завершил ее торжественным

lustrum, который не проводился уже сорок два года: последним цензорам (50 г. до н. э.), очевидно, помешала провести эту торжественную церемонию начавшаяся гражданская война. Перепись стала поводом для реформы *ординариев* и особенно сената. Прежде всего, он пополнил уменьшающееся число патрицианских *родов*, возведя некоторые плебейские семьи в патриции, как его собственная семья была возведена Юлием в 45 г. до н. э. на основании *lex Cassia*. Такую же власть ему предоставил закон, предложенный Л. Сеннием, который был консулом в последние два месяца 30 г. до н.э. Цель, по-видимому, заключалась в сохранении своего рода аристократии, которая в то же время должна была иметь определенные политические ограничения. Патриции, правда, по-прежнему имели исключительное право назначаться на некоторые религиозные должности, но, с другой стороны, они были лишены права занимать трибунские и плебейские должности,[223] те две должности, на которых человек законодательными предложениями или щедрыми расходами мог привлечь к себе политическое внимание.

Lectioes Senatus.

Аналогичное желание восстановить древний порядок в государстве побудило его реформировать сенат. Полномочия этого органа всегда были велики именно потому, что они не были определены законом; объединив его с собой, он получил бы все преимущества этой неопределенности и престижа, но при этом сохранил бы полный контроль над ним. Юлий Цезарь совершил ошибку, отнесясь к нему с подчеркнутым пренебрежением, и его главные враги находились в его стенах. Триумвиры, хотя на самом деле были деспотами, обращались к нему, чтобы придать своим *действиям* внешнюю законность. Так, по требованию Октавиана он осудил за измену К. Галлия в 43 г. до н. э. и Сальвидиена в 40 г. до н. э. Он утвердил триумвиральные *акты*, поручив Антонию руководство парфянской войной и заранее одобрив его действия на Востоке. Он присуждал триумфы и другие почести триумвирам и их доверенным лицам. Именно сенат в 41 г. до н. э. провозгласил Л. Антония *hostis*, в 32 г. до н. э. объявил войну Клеопатре, отстранил Антония от консульства и *imperium*, а в 31-30 гг. до н. э. провозгласил различные почести и полномочия победоносному Цезарю. Поздние гражданские войны в какой-то мере повысили значимость сената. К Антонию в Александрии присоединилось так много сенаторов, что он, подобно Серторию в Испании и Помпею в Эпире, утверждал, что сенат с ним. Победа при Акциуме уколола этот пузырь, и сенат в Риме остался единственным сенатом империи. Сезар поступил мудро, поставив себя под эгиду этого древнего и до сих пор уважаемого органа. Но необходимо было обеспечить его достоинство и эффективность, которые в разной степени пострадали в период революции. Среди прочего, его численность была раздута, и часто за счет людей низшего социального положения. Юлий Цезарь заполнил его своими креатурами - провинциалами из Галлии и Испании, сыновьями вольноотпущенников, центурионами, солдатами и перебранными, так что некто остроумно объявил пасквинад, что "никто не должен показывать новому сенатору дорогу в сенатский дом". "После смерти Цезаря была введена еще одна партия сенаторов, в основном Антонием, на основании реальных или вымышленных записей, найденных в бумагах Цезаря, которых народ прозвал "посмертными сенаторами" (*Senatores orcini*),[225] а иногда и по собственной инициативе без каких-либо формальностей, кроме принятия латиклавы и senatorской обуви.[226] Многие сенаторы, несомненно, погибли во время проскрипций, в последующих битвах при Филиппах и Перузии, а также в состязаниях с Секстом Помпеем, но триумвиры, похоже, щедро набирали новых членов без учета состояния, происхождения или официального положения; и они были настолько беспечны в этом вопросе, что известны случаи, когда бесправные рабы получали должности и места в сенате, а затем признавались и требовались своими хозяевами.[В результате к моменту битвы при Акциуме в сенате насчитывалось более тысячи

сенаторов. 228 Это было слишком много для практической работы, если не принимать во внимание неполноценность характера. Несомненно, многие из тех, кто был на стороне Антония, исчезли различными путями; но теперь, проводя официальную лекцию, Цезарь решил еще больше сократить их число. Шестьдесят человек добровольно ушли в отставку и получили возможность сохранить пурпур и некоторые социальные отличия, но сто сорок человек были просто исключены из нового списка. Таким образом, список сократился примерно до шестисот человек, и это число сохранялось в последующих лекциях.

Чтобы обеспечить их присутствие и предотвратить вмешательство в дела провинций, было введено правило, запрещавшее любому сенатору покидать Италию (за исключением Сицилии или Галлии Нарбоненсис), если он не имел *imperium* или не был в легате, [229] то есть, практически, если он не служил государству каким-либо образом по назначению Сезара. В следующем *lectio* (19 г. до н. э.) Август попробовал сложную систему кооптации, назначив тридцать человек из существующего списка, каждый из которых должен был назвать пятерых, которые должны были тянуть жребий для зачисления, и так далее, пока число не было доведено до конца. Но обнаружив, что это не работает справедливо, он прекратил это и составил список сам. Такая система сохранялась и в дальнейшем, но со временем возникла трудность не столько в том, чтобы исключить недостойных людей, сколько в том, чтобы побудить достаточное количество подходящих людей служить. Членство становилось все менее привлекательным по мере развития императорской власти, и занятие доходных должностей зависело от воли императора, который не был обязан выбирать из сената. Кроме того, теперь требовался имущественный ценз. При республике его не было, хотя определенное состояние считалось практически необходимым; а поскольку сенат набирался из *ordo equester*, в последний век республики минимум был обеспечен автоматически. Сезар установил 800 000 сестерций, а позже миллион сестерций в качестве состояния сенатора, хотя в случаях особой пригодности он выдавал гранты, чтобы люди могли сохранить свое положение. Однако почетное членство не компенсировало его недостатков - трудностей с выездом за границу и запрета на занятие торговлей. В 13 г. до н. э. Август был вынужден заставить служить мужчин, обладавших имущественным цензом. Но и тогда посещаемость была настолько низкой, что в 11 г. до н. э. старый кворум в четыреста человек был сокращен. В 9 г. до н. э. были введены различные правила для облегчения ведения дел, такие как публикация порядка дня (*ἀγορεύματα*), фиксированные дни заседаний, изменение кворума, необходимого для разных видов дел, шкала штрафов за непосещение, выбор по жребию тридцати пяти сенаторов для участия в заседаниях в течение сентября и октября, а также расширение полномочий преторов по вынесению дел на рассмотрение палаты. Под конец жизни Августа, когда его возраст стал слишком тяжелым испытанием для встречи с полным составом сената, по жребию был выбран комитет из шестнадцати сенаторов для совещания с ним в его собственном доме. Неизбежным следствием этого было то, что этот небольшой комитет практически решал большинство вопросов, которые только формально выносились на рассмотрение всего органа, чья административная функция была еще более ослаблена из-за уменьшения значения *aerarium* по сравнению с императорской казной или *фиском*. Наконец, он утратил право чеканить серебро, сохранив лишь бронзу. В целом, таким образом, наметилась тенденция к ограничению функций сената и снижению привлекательности членства в нем. Но, похоже, это не было изначальным замыслом Августа. Он всегда обращался к нему с уважением, все свои полномочия утверждал и брал его в свои руки для решения императорских дел. Он возродил древнее звание *princeps Senatus*, отмененное после смерти Цицерона, и сам занимал его всю свою жизнь. Некоторые провинции по-прежнему оставались под его управлением, а дела о *величествах* передавались на его рассмотрение. Публикация сенатских актов началась при Юлии Цезаре (59 г. до н. э.), который вряд ли сделал что-то для повышения его престижа.

Запрет на публикацию, наложенный Августом, возможно, был призван отчасти защитить заседания от критики, отчасти подчеркнуть тот факт, что сенат делился с ним интимными секретами управления, которые не должны были стать достоянием общественности. Однако эффект был не очень хорошим; то, что не могло быть точно установлено из официальных источников, часто искажалось безответственными слухами, и одной из первых мер Тиберия было отменить этот порядок[230].

Конец анархии.

С сенатом, очищенным его первой *лекцией*, Цезарь почувствовал, что конституция может быть восстановлена, во всяком случае, по форме. Но сначала нужно было отметить конец революционного периода. 11 января 29 года до н. э. храм Януса был закрыт, впервые с 235 года до н. э., в третий раз за всю римскую историю. Он все еще оставался закрытым, когда Сезар вернулся из Азии, а 1 января 28 года до н. э. был принят *augurium salutis*. Эта церемония - определение с помощью авгура, следует ли возносить молитвы за народ к Салусу, - могла проводиться только в период полного мира. В то же время одним эдиктом были отменены все *акты* триумвиров, которые не имели силы с его шестого консульства (28 г. до н. э.).[231] Конституционное значение этого лучше всего понять, вспомнив некоторые факты о триумвирах. Независимо от того, хороши или плохи были его *действия*, триумвират сам по себе являлся приостановкой действия конституции. Учрежденный *lex*'ом 27 ноября 43 г. до н. э., чтобы занимать должность до 31 декабря 38 г. до н. э., его полномочия были возобновлены в течение 37 г. до н. э. до 31 декабря 33 г. до н. э., будь то другим *lex*'ом или по воле самих триумвиров - вопрос спорный.[232] Но, как бы их ни назначали, триумвиры были подобны диктаторам, оттесняя всех других магистратов, и были более могущественны, чем диктаторы, из-за продолжительности их пребывания в должности и потому, что условия их назначения (*reipublicæ constituendæ causa*) давали им абсолютные законодательные полномочия. Они могли отменять, изменять или предоставлять послабления к существующим законам. Их эдикты имели силу законов, а те законы, которые принимались в обычном порядке во время их правления, либо подтверждали их полномочия, либо принимались по их желанию, чтобы придать формальное постоянство их эдиктам. Они полностью контролировали выборы и договаривались между собой о назначении магистратов, часто на несколько лет вперед. Они контролировали казну, домениальные земли, повышение или отмену налогов в Риме и Италии. Они делили между собой командование военными силами и управление провинциями. Каждый из них лично или через легата осуществлял императорские полномочия в отведенных ему провинциях; ставил или низлагал королей-клиентов; предоставлял иммунитеты или свободу городам или упразднял их; даровал или лишал гражданства отдельных лиц; вел войны с соседними народами; повышал или отменял налоги. В Риме они также пользовались правом созывать сенат, совещаться с ним и председательствовать в нем, накладывать вето на ходатайства других сенаторов, но сами не были подвержены трибунскому вето. Отмена *acta* такого деспотического органа с полным основанием может рассматриваться как значительный шаг к восстановлению конституции. Даже если бы некоторые из его собственных *актов* были таким образом отменены, Сезару не составило бы труда вновь ввести их в действие, если бы это было необходимо. Суть заключалась в том, чтобы уничтожить память о периоде неконституционного правления, не допустить, чтобы его постановления остались в качестве прецедентов или оснований для претензий граждан или подданных, и оставить поле открытым для нового соглашения, которое Сезар хотел, чтобы люди рассматривали как восстановление республики. Ведь он уже задумал план, согласно которому народ, магистраты и сенат должны были вернуться к своим прежним функциям, а сам он должен был стать практически коллегой высших магистратов, наделенным их полномочиями, хотя и не

обязательно должностными, и тем самым практически руководить политикой государства. Ключ к этой политике - как он хотел, чтобы ее рассматривали - содержится в его собственном комментарии: "После этого времени (1 января 27 года) я был выше всех по рангу, но власти у меня было не больше, чем у моих коллег в нескольких офисах".^[233] Некоторые из его полномочий было трудно примирить с этой теорией восстановленной конституции; но он был осторожен, чтобы не полагаться на голоса народа или Сената, принимать их только на определенные периоды или заявлять, что разделяет их со своими коллегами.^[234]

Инаугурация новой конституции, 1 января 27 г. до н. э.

Новая конституция была представлена в характерной сцене, призванной, очевидно, дать понять, что Сезар не стремился к власти, а принял ее под давлением. На заседании сената, в начале своего седьмого консульства, он произнес тщательно подготовленную речь, в которой передал сенату все полномочия, которые тот ему даровал, а также те, которые он приобрел каким-либо другим путем - командование войсками, законодательные полномочия, управление провинциями. В основу своего решения он положил справедливость, неотъемлемое право народа управлять своими делами, а также свое право советоваться о своей личной безопасности, здоровье и спокойствии. В то же время он рассказал о своих государственных заслугах и заслугах своего приемного отца, о трудах, которые они оба перенесли, об опасностях, которым оба подвергались, и оправдал осуществление до сих пор своих различных полномочий. В заключение он призвал их воздерживаться от нововведений, искренне повиноваться законам, избирать лучших людей на гражданские и военные должности без предрассудков и фаворитизма, честно распоряжаться государственными деньгами, справедливо обращаться с союзниками и подданными, не искать войн, но быть готовыми к любым, и следить за тем, чтобы у него не было причин сожалеть об отказе от власти. Речь была встречена громкими возражениями, некоторые из которых были искренними, а некоторые, возможно, осторожными и рассчитанными на время, но настолько общими, что ему пришлось с настоящей или притворной неохотой согласиться на возвращение своих самодержавных полномочий. Играл ли он просто роль, или у него было реальное желание уйти из общественной жизни? Как и в большинстве случаев, в его душе, вероятно, царил разделенный мир. Он был слаб здоровьем, а за несколько месяцев до этого перенес еще одну болезнь. В течение восемнадцати лет - всего лишь половины своей жизни - он был непрерывно занят утомительными обязанностями, войнами, к которым у него не было гения, и гражданским управлением, которое, хотя и гораздо лучше соответствовало его вкусу и способностям, осуществлялось в условиях постоянного противодействия и трудностей. Одна сторона его сознания вполне могла жаждать отдыха. Но, с другой стороны, ни один человек, вкусивший власти и почувствовавший, что может ею распоряжаться, не отказывается от нее без боли. Он не находил удовольствия ни во внешних атрибутах государства, ни в личных побрякушках, которые дают ему возможность, но он был честолобив в самом лучшем смысле этого слова. Он любил свою страну и хотел, чтобы его помнили как восстановителя ее процветания и счастья, как благодетеля империи и гаранта ее мира и хорошего правления. Двадцать четыре года спустя, когда Валерий Мессалла, выступая от имени народа и сената, приветствовал его ласковым титулом "Отец своей страны", он разрыдался и мог только прошептать, что ему больше не о чем молиться, кроме как о том, чтобы сохранить их расположение до конца своей жизни. Но какое бы тайное желание он ни питал к покою, он должен был знать, что это невозможно. Элементы беспорядка и угнетения не были уничтожены. Если убрать сдерживающую руку, они вспыхнут с новой силой. Да и небезопасно было бы после долгих лет неустанной работы во имя этой цели, в ходе которой он должен был задеть бесчисленные интересы, доверять себя новому поколению государственных деятелей, не имевших того

опыта в управлении свободным государством, которым обладали их предки, и обладавших теми же страстями и амбициями. На самом деле, схема была разработана совместно с его верными друзьями и министрами, Агриппой и Мекенасом. Дио представляет первого как человека, призывающего Цезаря отказаться от власти и откровенно восстановить республику. Свой совет он обосновывал финансовыми и политическими трудностями, с которыми ему придется столкнуться, неуверенностью в собственном здоровье, невозможностью отступить в будущем и злой судьбой всех тех, кто в предыдущие века пытался получить абсолютную власть. Мекенас же не только убеждал его сохранить власть, но и подробно описывал, какие меры необходимо будет принять. Он не отрицал риска, но утверждал, что слава того стоит, а отказ от власти небезопасен ни для него самого, ни для народа. Неясно, насколько мы можем считать эти две речи, а также речь Августа в сенате, отражающими то, что было сказано на самом деле. Возможно, поскольку все они были письменными документами, они сохранились на сайте, и Дио переводит с них; но в любом случае они достаточно хорошо отражают две стороны вопроса, который Август, должно быть, рассматривал с осторожностью и тревогой[235].

Разделение провинций, 27 г. до н. э.

Принятое соглашение носило характер компромисса. Провинции были разделены, как раньше между Антонием и Цезарем, так и теперь между Цезарем и сенатом. Те из них, которые требовали значительных военных сил, должны были находиться под властью Цезаря, управляться его заместителями в ранге преторов (*legati pro prætore*), назначаемыми его единоличной властью и занимающими должность по его желанию. Остальные должны были по-прежнему управляться проконсулами, которые, как и прежде, выбирались голосованием под руководством сената из бывших преторов или бывших консулов, подчинялись существующим законам о сроке пребывания в должности и обязанности предоставлять отчетность и вместе со своими подчиненными подлежали преследованию *de rebus repetundis* в обычных судах. Однако "главенство" императора в этом партнерстве с сенатом было не менее очевидным, чем в партнерстве с коллегами по должности. При распределении сенатских провинций он сохранял за собой право назначать точное число необходимых кандидатов, так что никто из тех, кого он не одобрял, не мог получить провинцию. В обоих классах провинций он назначал прокуратора, имевшего власть над финансами независимо от проконсула или легата.[236] В обоих случаях наместник получал жалованье, установленное им самим, и должен был соблюдать некоторые общие принципы, установленные им самим. Во всех случаях он обладал *majus imperium*, который вскоре, если не вначале, был определен как *proconsulare imperium*[237].

В остальном он сохранил право ежегодно избираться консулом, трибунскую власть, членство в священных коллегиях, командование армией. Но свобода выборов была якобы возвращена народу, а сенат по-прежнему оставался источником почестей и контролировал *aerarium*. Но последний управлялся уже не двумя выборными квесторами, а двумя людьми преторианского ранга, назначенными императором. Кроме того, теперь он имел второстепенное значение, поскольку *фиск* (если использовать более поздний термин) был полностью в руках Цезаря, и в него поступали доходы имперских провинций и, прежде всего, Египта. Суть положения заключалась в том, что, хотя старые республиканские магистраты все еще существовали, Цезарь в различных отношениях был их коллегой и, конечно, доминирующим партнером. Сенат, однако, принял его точку зрения на дело, выраженную впоследствии в *Monumentum*, согласно которой он "передал республику от своей власти к власти сената и народа Рима". В знак доверия к нему сенаторы выделили ему телохранителей (люди получали двойное жалованье) и подтвердили его власть в

провинциях. Последнее, которое делало его *принцепсом* всей империи, как он уже был в Риме, он отказался принять более чем на десять лет. Но впоследствии его всегда продлевали на пять или десять лет; и когда в 23 году до н. э. было объявлено, что *proconsulare imperium* действует как внутри, так и за пределами *romægium*, он фактически получил верховный контроль, военный и финансовый, во всех частях империи. Чтобы отметить его исключительное положение, не оскорбляя при этом предубеждения против королевской власти, было решено дать ему особый почетный титул. Он сам хотел "Ромул", как второй основатель государства. Но ему возразили, что это напоминает одиозную должность *rex*, и в итоге он согласился на титул Августа - слово, связанное с религией и наукой предсказаний, и тем самым указывающее на те чувства, которые он хотел, чтобы связывали с его личностью и гением. Это решение было принято сенатом в январские иды (13 января) 27 года до н. э. и подтверждено плебисцитом 16 числа. Теперь он был "первым" или *princeps* везде, будь то в сенате, или среди своих коллег по должности, или среди проконсулов в провинциях. ^{238]} Поэтому на обычном языке о нем говорили как о *princeps*, и это слово постепенно превратилось в титул. Оно в точности соответствовало тому взгляду, который он сам хотел, чтобы сложился о его политическом положении, как дающем первенство среди коллег с равными *юридическими* полномочиями; хотя, конечно, это первенство, подкрепленное властью кошелька и меча, делало его господином, маскируясь под коллегу. Однако он принял это слово как правильно выражающее его положение без ненужной обиды, и его преемники приняли его как нечто само собой разумеющееся, хотя оно встречается в надписях реже, чем другие их титулы^[239].

С присвоением титула Августа было тесно связано еще одно решение сената, согласно которому фасад его дома должен быть украшен не только лаврами, свидетельствующими о победе над врагами, но и дубовой или "гражданской" короной, рассказывающей о сохраненных жизнях граждан. Она снова и снова появляется на его монетах с легендой -*ob cives servatos*: и она упоминается самим Августом в конце его послужного списка, как будто, вместе с более поздним титулом *Pater Patriæ*, она указывает на главную славу его карьеры.

ГЛАВА IX ПЕРВЫЙ ПРИНЦИПАТ, 27-23 ГГ. ДО Н.Э.

Serves iturum Cæsarem in ultimos

orbis Britannos et invenum recens

examen Eois timendum

partibus Oceanoque rubro.

Галлия и Британия.

Урегулирование его официального статуса в Риме оставило Августу возможность заняться другими частями империи. Большую часть двух лет после победы при Актиуме он потратил на организацию Востока. Теперь его лицо было обращено на север и запад. Весной 27 г. до н. э. он отправился в Галлию, чтобы реорганизовать провинции, завоеванные Юлием в 58-49 гг. до н. э. и закрепленные за ним в результате операций Агриппы в 37 г. до н. э. и Месаллы в 29

г. до н. э. Было понятно, что он намеревается также отправиться в Британию, и придворные поэты покорно рассказывают об опасностях, которым он подвергнется, и пророчески уверены в победах, которые он одержит. Британская экспедиция уже несколько лет витала в умах римлян. Правда, Юлий Цезарь вторгся на остров и обложил некоторые племена данью. Но дань, похоже, так и не была выплачена. Бритт все еще оставался *нетронутым* и вместе с парфянами представлял опасность для границ империи.[240] В Риме о нем знали главным образом по наличию нескольких выносливых рабов и по решимости не пускать к себе авантюрных римских купцов.[241] Но, в конце концов, Август нашел достаточно дел в Галлии и видел веские причины воздержаться от столь опасной авантюры. Бритты, хотя и пренебрегали *трибутом*, все же платили пошлину за экспорт и импорт в Галлию и из нее, главным образом за украшения из слоновой кости, а также за лучшие сорта стекла и керамики; при этом указывалось, что опасность вторжения британцев в Галлию невелика, что военная оккупация острова обойдется дороже, чем принесет дань, и что *портократия* скорее уменьшится, чем увеличится от этого.[242] Август, во всяком случае, признался, что доволен посланниками, присланными к нему из Британии. Они посвятили несколько подношений на Капитолии и получили для своих соотечественников титул "Друзья Рима!"[243].

Август в Галлии, 27-6 гг. до н. э.

Август провел лето и зиму 27-6 гг. до н. э. в Нарбо, найдя достаточно дел для проведения переписи остальной Галлии с целью налогообложения и регулярной организации страны, присоединенной Юлием к этой древней провинции, которая была римской задолго до его времени. Были созданы четыре провинции с отдельными легатами. Первоначальная "провинция" теперь называлась Gallia Narbonensis; юго-западный округ, простиравшийся от Пиреней до Луары, сохранил свое старое название Аквитания; центральная или "кельтская" Галлия называлась Lugdunensis, от ее столицы Лугдунума, ставшего *колонией* в 43 году до н. э.; северная страна до Рейна стала Belgica, включая округа на левом берегу Рейна, в которых Агриппа поселил некоторые германские племена, переправившиеся через реку. Август не довольствовался только политической организацией. Он основал школы, чтобы распространить латинский язык, и повсеместно внедрил принципы римского права. Особые усилия он приложил к украшению и развитию городов в Нарбоненсисе, где до сих пор можно увидеть следы его построек. Результатом его работы, сделанной сейчас и десять лет спустя, стало то, что Галлия быстро романизовалась как в речи, так и в манерах, а по уровню образованности и цивилизованности она вскоре соперничала с самой Италией.

Это была работа, полностью отвечающая интересам Августа, в которой он проявил свои способности. Но теперь ему снова пришлось участвовать в войне, для которой его гений отнюдь не был так хорошо приспособлен. Янус Квириин снова был открыт. Окрестные варвары снова угрожали Македонии; саласси из *Валь-д'Аосты* снова совершали набеги, а в Северной Испании надвигалась неминуемая опасность. Правитель Македонии М. Красс (внук триумвира) так успешно справлялся с фракийцами и гетами, что в июле 27 г. до н. э. ему был устроен триумф, но, похоже, несмотря на эти победы, их набеги не прекращались.[244] Война с салассами была поручена Терентию Варро Мурене, который, одержав несколько побед на поле боя, продал в рабство многие тысячи их мужчин военного возраста и основал колонию из 3000 ветеранов для их усмирения, называемую Августа Прэтория, современная Аоста[245].

Август в Испании, 26-25 гг. до н. э.

Аравийская экспедиция.

Из Нарбо Август отправился в Испанию в начале 26 г. до н. э. и провел остаток года в мирных реформах и организации провинции. Но в 25 г. до н. э. он был вынужден начать кампанию против кантабров и астуриков, воинственных племен на северо-западе, которые, номинально входя в состав верхней провинции, постоянно притесняли более послушные народы и демонстрировали свое неприятие римского господства. [246] Война была мучительной и трудной. Выносливые горцы знали каждый лес, каждую гору и долину, а римские солдаты не могли ни уберечься от внезапных нападений, ни достать врага в его укрытиях. От усталости и беспокойства Август заболел и был вынужден удалиться в Таррако, оставив ведение кампании Гаю Антистию Вету, который смог выиграть несколько сражений, так как после отставки Августа туземцы стали чаще появляться на открытом пространстве. Другой его легат, Тит Каризий, взял Ланс (*Салланко*); наконец, Август основал колонию ветеранов среди лузитанов, названную Августом Эмерита (*Мерида*), и еще одну, названную Сесара-Августа (*Сарагосса*), среди эдитанов, на месте древней Салдубы, от которой ответвляются все большие дороги на Пиренеи. Кантабры не были разгромлены, но на время затихли. Ианус был закрыт, и Август вернулся в начале 24 г. до н. э.; придворный Гораций снова призван отпраздновать успех и приветствовать возвращение императора домой как победителя. [247] Сенат присудил ему триумф, частично за испанскую кампанию, частично за успехи его легата М. Виниция в Галлии, который заставил своих солдат провозгласить Августа императором в восьмой раз. Август отказался от триумфа, но принял провозглашение императором, полагая, что, как глава армии, все, что было сделано, было, по техническому выражению, сделано "под его эгидой" и должно было быть отнесено к его заслугам. Он также оказал почести своему юному племяннику Марцеллу и пасынку Тиберию. Первый был принят в сенат в звании претора и с десятилетним стажем работы, в силу чего сразу же был избран эдилом, хотя и только на двадцатом году жизни; второму был предоставлен пятилетний стаж, и он сразу же был избран квестором на девятнадцатом году жизни. В честь Августа в Альпийском регионе также была возведена триумфальная арка. [248] Однако храм Януса недолго оставался закрытым. Вскоре после отъезда Августа из Испании вновь восстали кантабры и астуры, а в 24 г. до н. э. состоялась непродуманная и неудачная экспедиция Юлия Галла в Аравию. За шестимесячным походом, в котором от жары и болезней погибло большое количество людей, а в реальных боях участвовало всего семь человек, последовало отступление, продолжавшееся шестьдесят дней. Галлус был введен в заблуждение и обманут сатрапом набатеев, и все надежды на великолепную добычу были разрушены. Экспедиция была одобрена, если не предложена, Августом, отчасти под предлогом предотвращения вторжений в Египет; но больше, похоже, потому, что Аравия считалась Эльдorado, где можно было найти огромные сокровища золота и драгоценностей, накопленные от экспорта богатых специй страны, которые, как считалось, жители ревностно хранят в стране, до сих пор ни разу не разграбленной захватчиками. Как обычно, придворные поэты вторят народным заблуждениям и превозносят несомненный успех императора; Гораций рассказывает о богатых "сокровищах аравийцев", их "хорошо набитых домах", их "девственных хранилищах". Римское оружие должно наводить ужас на Восток и Красное море, и наконец-то оно применяется против своего естественного врага. [249] Август, говорит другой поэт, теперь наводит ужас на "усадыбы еще не разграбленной Аравии". [250] К счастью, это был почти единственный случай таких диких замыслов, вызванных жадностью и поддерживаемых невежеством и заблуждением. Август убедился, что границы его великой империи дают достаточно работы для его военных ресурсов; но только ближе к концу его долгой жизни большая военная катастрофа резко напомнила ему о неразумности выходить за их пределы.

Новые здания в Риме.

В эти годы процесс украшения Рима великолепными зданиями или реставрации старых шел непрерывно. За наибольшее их количество отвечал сам Август. В 28 году до н. э. был посвящен храм Аполлона на Палатине с колоннадами и библиотеками. В том же году по его инициативе и, очевидно, за его счет была начата реставрация 82 храмов. Возводился новый храм Марса Ультора, обетный в Филиппах, с окружающим его форумом Августум, а также храм Юпитера Тонанса на Капитолии, обетный во время Кантабрийской экспедиции в память о том, что он едва не погиб от удара молнии. Он также завершил форум и базилику, частично возведенные Юлием, начал или спроектировал *портик Ливия и Октавия* и возвел внушительную ротонду, предназначенную для морга Юлиева рода: в то время как Статилий Тавр построил первый амфитеатр, Планк - большой храм Сатурна, а Корнелий Бальбус собирался начать строительство нового театра. Но самыми великолепными из всех были благодеяния Агриппы. Бани, мосты, колоннады, сады, акведуки - все это он посвятил общественному пользованию. Прежде всего, к 25 г. до н. э. он завершил строительство великолепного Пантеона, который и сейчас, в период упадка, является одним из самых ярких зданий в мире. Он был посвящен Марсу и Венере, мифическим предкам иулианского рода, но его название может быть получено либо от многочисленных статуй богов, либо от предполагаемого сходства его купола с небом. Его назначение - помимо комплимента Августу - до сих пор остается предметом споров. Мы также не имеем никаких сведений о его использовании, кроме как в качестве места встреч братьев Арваль[251].

Болезнь и выздоровление Августа, 23 г. до н. э.

Таким образом, уже многое было сделано для того, чтобы оправдать хвастовство Августа, что он нашел Рим кирпичным, а оставил его мраморным. Ведь эти здания были облицованы или вымощены всеми видами драгоценного мрамора и камня. Но в год, последовавший за его возвращением из Испании, в его жизни, как и в политическом положении, наступил кризис. В течение всего 24 года до н. э. он, по-видимому, находился в слабом состоянии здоровья, что, вероятно, было следствием его усталости и тревог в Испании. Но вскоре после вступления в одиннадцатый консулат в 23 г. до н. э. ему стало настолько хуже, что он считал себя умирающим. Поэтому возникла необходимость принять меры для продолжения правления. Август не имел наследственного поста и не мог передавать свою власть. Предполагалось, что он готовит своего племянника и зятя Марцелла или пасынка Тиберия в качестве своего преемника. Первый был курульным эдилом и, похоже, задумывался о том, чтобы стать преемником своего дяди. Но, подумав о приближении смерти, Август не назначил ни одного из этих молодых людей. Он передал свою печать Агриппе, а официальные отчеты об армии и доходах - Кн. Кальпурнию Пизону, своему коллеге по консульству. Он до последнего играл свою роль конституционного магистрата. Рассуждать о том, что могло бы быть, не слишком выгодно. Агриппа посоветовал восстановить республику в 30 году до нашей эры. Но с каждым годом это становилось все труднее; и если бы он захотел это сделать, то, вероятно, счел бы это столь же невозможным, как и его господин, и ему пришлось бы выбирать между поддержкой Марцелла и, взявшим управление делами в свои руки. Однако трудности не возникло, так как благодаря либо доброте своей конституции, либо мастерству своего врача Антония Мусы Август выздоровел.

Новое конституционное урегулирование, 23 г. до н. э.

Когда он снова встретился с Сенатом, то предложил зачитать свое завещание, чтобы доказать, что он был верен своим конституционным обязательствам и не назвал преемника, а оставил решение в руках Сената и народа. Сенаторы, однако, отказались выслушать его,

но настаивали на том, чтобы полномочия, которыми он пользовался, были более четко определены и получили более четкое юридическое обоснование. Поэтому был составлен *Senatus-consultum*, который затем был представлен центуриатному собранию, наделив его различными полномочиями и создав прецедент, которому следовали последующие императоры. Он начинался с подтверждения пожизненной и неограниченной по месту *трибунской власти* с правом вносить любые дела в сенат (*ius relationis*). Далее он получил *ius proconsulare*, как внутри, так и вне *romærium*, с правом *maius imperium* во всех провинциях. Далее, он получал право заключать договоры; право созывать, советоваться и увольнять сенат (*ius consulare*); подтверждать все свои *acta*, "что он сочтет нужным для блага и чести республики в вещах божественных и человеческих, как общественных, так и частных"; наконец, освобождаться от положений некоторых законов и *плебисцита*. Впоследствии, очевидно, обнаружились некоторые юридические трудности, связанные с правом предлагать законы центуриатному собранию, которые были устранены в 19 г. до н. э. путем получения им пожизненной консульской власти в полном объеме, с правом иметь *ликторов* и заседать в консульской коллегии. Похоже, это была уступка юридическим пуристам. Несомненно, он и раньше пользовался всеми консульскими полномочиями; но некоторые проводили различие между *ius consulare* и *imperium consulare*, и все сомнения, которые могли возникнуть, теперь были устранены.

Императорские полномочия.

Поскольку императорские полномочия теперь можно считать полностью развитыми, а их дальнейшее расширение - лишь логическим следствием установленной конституции, здесь будет удобно раз и навсегда указать на их природу и объем. Их можно разделить на две категории: (1) *imperium*; (2) *potestas tribunicia*.

Первая категория - *imperium* - включает в себя все те полномочия, которые Август получил как представитель курульных магистратов или на основании специального закона и сенатских указов. Как император, он обладал верховной властью над всеми сухопутными и морскими войсками. Военная присяга теперь приносилась от его имени, а не от имени отдельных офицеров, воспитывающих легионы. Только он имел право набирать солдат; он назначал офицеров; его прокураторы платили людям от его имени; от него исходили все награды. Сенат, правда, все еще присуждал триумфы и *triumphalia ornamenta*, но это было сделано по его предложению, и тенденция заключалась в том, чтобы ограничить право на триумф самим императором.

Тем же *imperium* он решал вопросы мира или войны, распределения *ager publicus*, выделения земель ветеранам и *coloni* в целом.

Наконец, он имел право давать гражданство, полное или частичное, и определять статус всех колоний и *муниципий*, а также толковать законы посредством *constitutio principis*, выраженной в эдикте или декрете, что фактически было равносильно законодательной власти.

Вторая власть - *potestas tribunicia* - превосходила обычные полномочия трибунов, поскольку с ее помощью он мог наложить вето на их заседания, в то время как они не могли наложить вето на его. "Она давала ему, - говоря словами Дио, - возможность абсолютно пресекать любые действия, которые он не одобрял; она делала его личность неприкосновенной, так что малейшее насилие, оказанное ему словом или делом, приводило к тому, что человек подлежал смерти без суда и следствия как находящийся под проклятием". Из древней

конституции этой должности также следовало, что он был президентом *трибунной комиссии* (представлявшей собой старую *плебейскую консилию*), имел право вмешиваться во все решения магистратов или сената, затрагивающие личности или гражданское состояние граждан (*auxilii latio*), и принуждать к повиновению путем заключения в тюрьму или другими способами, как в республике трибуны поступали даже с консулами в крайних случаях (*coercitio*). Хотя эта власть была дана императору пожизненно, она была в некотором смысле ежегодной; и в действительности она была настолько самой важной из всех его полномочий, и в то же время по своему происхождению и предполагаемому объекту настолько самой популярной, что отныне вошло в обычай датировать все документы, надписи и тому подобное годом трибунской власти, начиная с 27 июня этого года (23 г. до н. э.). *Империи* обновлялся с интервалом в десять или пять лет, трибунская власть Августа продолжалась из года в год без перерыва. Теперь уже не было необходимости занимать должность консула, так как *imperium*, который он получал другими способами, покрывал все и даже больше, чем все, что могло дать консульство. Его было удобно использовать для награждения других, так как он сохранял все внешние признаки достоинства и по-прежнему теоретически делал своего обладателя главой государства, хотя в действительности его обязанности стали почти полностью церемониальными. Поэтому он отказался от консульства, которое вновь занял только в 5 г. до н. э., когда захотел придать *торжественности deductio in forum* своего внука.

Процитированный выше пункт *lex* также давал Августу верховный контроль над всеми религиозными вопросами и позволял ему, помимо прочего, назначать большинство членов священных коллегий. Он не становился Pontifex Maximus до смерти Лепида (13 г. до н. э.). После этого он стал официальным, а также реальным главой римской религии.

Затем последовали некоторые другие меры в отношении самого Рима, все в направлении централизации. Так, Август председательствовал на смотре эквитов, который раньше проводили цензоры. Общественные работы были в основном поручены назначенным им *кураторам*; для снабжения кукурузой он назначил *praefectus annonae*, а для полиции - *praefectus urbi*, под началом которого находились *cohortes urbanae*, ночной дозор и пожарная команда (*nocturni vigiles*). У каждого из этих органов были свои должностные лица или *praefecti*; но Август время от времени назначал кого-то одного в качестве *praefectus urbi*, которому подчинялись все в равной степени. Однако такой чиновник не всегда носил это имя, и фактически, как и теоретически, высшей инстанцией был сам Август, который впоследствии, разделив Рим на *области* и *вики*, тщательно разработал меры для эффективной охраны порядка в городе.

Преемственность.

Август мог представлять себя как конституционный магистрат, пожизненно занимающий свой пост без права передачи его наследнику. Такая точка зрения была строго законной, но было очевидно, что такая власть не может быть оставлена ее обладателем без какого-либо понимания относительно преемника. Дело действительно было в руках сената и народа; но в умах возможных наследников, равно как и самих сената и народа, стало казаться естественным и необходимым, чтобы было заключено какое-нибудь соглашение подобного рода. Во всей истории известны многочисленные случаи, когда правители, новые или наследственные, желали основать или продолжить династию, или думали предотвратить путаницу и опасность после собственной смерти, назвав преемника или взяв его в настоящее партнерство. Такая схема еще не была до конца разработана, хотя и предполагалась. Но Марцелл, усыновленный Августом после женитьбы на Юлии, предал свои надежды, протестуя против предпочтения, оказанного явно умирающим императором

Агриппе; и Август уступил настолько, что отправил Агриппу из Рима в качестве наместника Сирии.

Смерть Марцелла.

Однако внезапная катастрофа положила конец любым намерениям, которые могли возникнуть в отношении Марцелла. Летом 23 года до н. э. на него напала лихорадка, и Антоний Муса, который успешно лечил Августа холодными ваннами, попробовал аналогичное лечение на молодом человеке с летальным исходом. Его смерть стала большим горем для Августа и столь сильным ударом для Октавии, что она жила после этого в полном затворничестве. Она произвела в Риме такую сенсацию, какую не раз наблюдали в нашей стране при смерти наследника престола, и была увековечена знаменитым отрывком, вставленным Вергилием в шестую книгу "*Энеиды*", произведения, в котором Август был особенно заинтересован, как освящение величия Рима и наследственного достоинства *рода* Юлиев. Она умело помещена в конец каталога римских героев, чьи души Анхиз пересматривает в Елисейских кущах, где они ждут своего часа, чтобы войти в тела людей, которым суждено творить римскую историю. Марцелл времен Пунической войны, естественно, представляет более молодую тень, чей краткий жизненный путь предвещает облако, нависшее над его челом. Когда Вергилий прочел эти строки императору и его скорбящей сестре, Октавия упала в обморок от волнения, а Август назначил поэту великолепную награду. Возможно, нам будет легче представить себе эту сцену, если мы еще раз прочтем знакомые строки. Эней замечает загадочную и меланхоличную тень и с нетерпением расспрашивает отца: - "Что это за юноша?"

"Что это за юноша славной наружности

Благороднейший и лучший между ними,

Ликует под эхо? Видишь, облако

(Темнеющая тень савана)

Нависает над ним и сейчас,

И черная ночь нависла над его челом.

Неужели он отпрыск рода,

Предназначенный нашему могучему роду?

Так говорил сын, отец вздыхал,

И с подступающими слезами ответил:

"Не ищи, сын мой, познать горе,

Твое потомство обречено знать.

Судьба покажет, а потом отпустит.

Дар, который люди любили, но не видели.

Слишком могущественны вы, боги, ибо так вы считали,

Что с таким принцем Рим стал родом!

Какие рыдания пронзят марсианскую равнину!

Ах, Тибр, какой мрачный погребальный поезд

Твои волны увидят, когда мимо кургана
новопостроенный, ты пронесешься по своим водам!

Ни один отпрыск илийского рода

Не подаст таких надежд, таких надежд насмешек.

Ах, Ромул, земля твоя увидит

Ни один сын не воспламенит твою гордость, как он.

О верность! О вера незапятнанная!

О сильная правая рука, чтобы уступить необученному!

Пеший ли он схватил меч,

иль рябиной забил фланг конника,

Ни один враг не столкнулся бы с его сталью.

И не узнал, что чувствует побежденный.

О дитя многих слез, если судьба

Не помешает тебе жить до сих пор,

Ты - Марцелл! Лилии прекрасные

Рассыпьте горстями на его теле!

О, позвольте мне украсить его тело

Цветами яркими с пурпурным оттенком.

Тщетный дар! Но пусть он все же будет оплачен

Чтоб украсить тень моего далекого внука".

Смерть Марцелла произошла в нездоровый период, когда многие разделяли одну и ту же участь. Однако нашлись люди, которые приписали ее ревности Ливии к своему сыну Тиберию и гневу на предпочтение, оказанное племяннику императора. Едва ли какая-нибудь смерть в императорской семье не давала повода для досужих и злобных сплетен. Но вскоре у императора появился повод пожалеть об отсутствии Агриппы, который жил на Лесбосе и управлял Сирией через своего легата. Следующий год был годом болезней и скудости в Риме, а также не раз сопровождался вспышками политических волнений: один из немногих заговоров против жизни Августа был раскрыт и наказан. Мы не знаем, почему Мурена и Фанний Цепион замыслили убить Августа, если они действительно это сделали. Возможно, изменения, произошедшие в принципате в 23 г. до н. э., показались им слишком сильными в сторону автократии, или же консульство без Августа в качестве коллеги наводило на мысль о том, что его прежнее главенство может быть восстановлено. Ожесточенная борьба партий, которая произошла позже на выборах 21 г. до н. э., возможно, была связана с тем же чувством. Мурена сделал успешную карьеру, был вознагражден авгурством и консульством в

23 г. до н. э., и нет ничего, что объясняло бы его поведение. Возможно, его проступок заключался главным образом в несдержанности языка. Дио говорит, что у него был острый язык, который не щадил никого, и Гораций, возможно, хотел намекнуть ему на это в адресованной ему оде. Веллеус говорит нам, что, в отличие от своего товарища по заговору Фанния Цепиона, он был человеком с высоким характером. 252] Во всяком случае, их казнь - говорят, что оба были преданы смерти - является одним из немногих случаев проявления суровости со стороны Августа после гражданской войны. За этой неприятностью последовали другие - новая вспышка в Испании, беспорядки на выборах и холодность между ним и его преданным другом и министром Мекенасом, вызванная, как говорят, тем, что он якобы сообщил своей жене Теренции, сестре Мурены, некую тайну, касающуюся раскрытия заговора. Все это должно было вызвать у Августа сильное беспокойство. Летом 22 года до н. э. он отправился из Рима на Сицилию, намереваясь оттуда начать очередной поход по восточным провинциям. Оттуда ему приходили срочные послания с требованием вернуться и положить конец беспорядкам. Он не хотел отказываться от своего восточного путешествия и в то же время не решался покинуть город без определенного контроля. Его мысли, естественно, обратились к поддержке, которая никогда его не подводила, - к Агриппе. Его вызвали на родину прежде всего для того, чтобы он принял на себя управление Римом; но он вернулся на должность, которая казалась ему наивысшей из возможных после должности императора, и которая сулила еще более высокую должность в будущем. Август настоял на том, чтобы он развелся с Марцеллой (дочерью Октавия) и женился на своей собственной дочери Юлии, оставленной Марцеллом вдовой. Как обычно, Агриппа хорошо и тщательно выполнил все, что ему было поручено (21-20 гг. до н. э.). Восстановив порядок в городе, он отправился в Галлию Нарбонскую, где не только прекратил опасные беспорядки, но и начал большие общественные работы по строительству дорог и акведуков. Перейдя в Испанию, он окончательно разгромил кантабров и астуриев, которые снова взялись за оружие. Похоже, что в этой войне он, как и его господин, терпел поражения, но в конце концов привел их к покорности. Все это доброе дело было сделано, пока Август находился на Востоке (21-19 гг. до н. э.), и за это он отказался от триумфа, предложенного ему сенатом по наущению императора. Но его преемственность, если он переживет императора, теперь была обеспечена тем, что он был связан с ним в *tribunicia potestas* и других прерогативах в течение пяти лет при первом возобновлении его полномочий в 17 г. до н.э. Теперь у Агриппы было два сына от Юлии: Гай родился в 20 г. до н. э., Луций - в 17 г. до н. э.; Август усыновил их обоих по древней процедуре фиктивной покупки. Теперь у него были законные наследники, и в течение нескольких лет о престолонаследии больше ничего не говорилось. Агриппа умер в марте 12 г. до н. э., как раз когда истек срок его трибунской власти. Но в эти годы два сына Ливии, Тиберий и Друз, начали свою деятельность на германской границе, среди ретов и других могущественных племен, которая доказала их энергичность и способности. Эти службы были возобновлены после нескольких месяцев затишья в 13 г. до н. э. и в последующие годы. В связи с этим Август, похоже, задумал поставить Тиберия в такое же положение, какое занимал Агриппа. В 11 году до н. э. он заставил его развестись со своей женой Випсанией (дочерью Агриппы) и жениться на вдове Агриппы Юлии, единственной дочери императора. Он думал еще дальше, чтобы обеспечить себе линию потомков, которые при необходимости смогут унаследовать его власть. Но он совершил ошибку, пренебрегая чувствами. Тиберий был преданно привязан к Випсании, от которой у него был сын, и не мог испытывать ни привязанности, ни уважения к Юлии, которая считала, что унизила себя, выйдя за него замуж. Единственное, что могло компенсировать ему такой брак, - это шанс на престолонаследие, а он был перекрыт существованием Гая и Луция Сезаров. Его единственный сын от Юлии умер, а ее легкомыслие и распутство вызывали у него отвращение, поэтому, хотя в 7 г. до н. э. он пять лет был связан с трибунской властью, в

следующем году он попросил и получил разрешение удалиться на Родос, где пробыл семь лет в уединении.

Гай и Луций Цезарь.

Тем временем мальчики воспитывались в расчете на свое великолепное будущее под присмотром Августа, когда он был дома, и часто под его личным руководством, сопровождали его по мере взросления в путешествиях, в повозке, предшествующей его собственной, или ехали рядом с ним, и вообще относились к нему как к настоящему и очень любимому сыну. В год, когда они надели *toga virilis* (5 и 2 гг. до н. э.), Август снова вступил в должность консула, чтобы *deductio in forum* была как можно более блестящей и достойной. Сенат не остался в стороне; со дня принятия *togae virilis* он постановил, что они должны быть способны принимать участие в государственных делах, и каждый из них по очереди был назначен консулом, причем Гай вступил в должность в тот раз на пять лет. Кроме того, было придумано новое достоинство: каждый по очереди был назван *equites princeps inventutis*. Поскольку Август был как *princeps senatus*, так и *princeps civitatis*, каждый из этих молодых людей должен был стать главой следующего *ordo*, первоначальным условием принадлежности к которому было то, что человек должен быть *iuvenis*. Оба они были членами Коллегии авгуров. По сути, с ними обращались так, как мы ожидаем обращения с принцами крови и законными наследниками.^[253] Но каковы бы ни были намерения Августа или ожидания народа, судьба вмешалась безжалостно. Младший Луций умер первым, 20 августа 2 г. н. э., в Марселе, не успев вступить в должность консула, на которую он был назначен; старший Гай был отправлен в Азию в 1 г. до н. э., где вступил в должность консула 1 г. н. э. Целью его миссии было заставить Фраатеса IV, царя парфян, покинуть Армению, в которую он вторгся. Этого удалось добиться без боя и путем личных переговоров с парфянским царем; но когда он вошел в Армению, чтобы овладеть ею и договориться о ее восстановлении под властью признанного царя, он был ранен в результате акта измены под стенами Артагера. Ослабленный этой раной и в других отношениях находясь в слабом состоянии здоровья и духа, он получил от Августа разрешение сложить с себя командование. Он отправился в обратный путь, но по дороге умер в Лимире в Ликии 23 февраля 4 г. н.э.

Тиберий окончательно утвердился в качестве преемника.

Преемственность снова стала неопределенной. Члены императорской семьи в это время были немногочисленны. Из детей Агриппы и Юлии Агриппе Постуму едва исполнилось шестнадцать, а двум его сестрам, младшей Юлии и Агриппине, было на несколько лет больше. Друз, младший брат Тиберия, женился на Антонии, дочери Марка Антония и Октавии, и оставил троих детей: Германика (род. 15 г. до н. э.), Ливию (род. 12 г. до н. э.) и Клавдия (впоследствии императора) (род. 10 г. до н. э.). Август намеревался создать новую линию потомков, женив Агриппину на Германике, но это произошло лишь около 5 г. н.э. Тем временем, вероятно, по предложению Ливии, он обратил свои мысли к пасынку Тиберию, который развелся с Юлией и имел сына (Друза) от своей бывшей жены Випсании, которая была замужем за его двоюродным братом Ливием. Нет веских доказательств того, что Август питал к Тиберию какие-либо, кроме теплых, чувства, и у него, несомненно, были веские причины уважать его военные способности и энергию. Похоже, он был уязвлен его длительным пребыванием на Родосе и считал это признаком того, что Тиберий не заботится о нем и его семье. Поэтому за два года до этого он препятствовал его возвращению, хотя и предоставил ему должность легата как благовидный предлог для пребывания за границей без потери достоинства. Однако после смерти Луция он, похоже, пожелал, чтобы тот вернулся в Рим. Тиберий так и поступил, отчасти по наущению матери, а отчасти, возможно,

потому, что имел основания ожидать враждебности Гая, но по визиту последнего к нему на пути в Сирию решил, что тот не может быть грозным соперником; ведь он был одновременно несколько высокомерен и слаб, а также окружен неразумными и нечестными советниками. По возвращении он некоторое время жил в отшельничестве и воздерживался от государственных дел. Но когда стало известно о смерти Гая (4 г. н. э.), Август усыновил Тиберия и Агриппу Постума, предварительно договорившись, чтобы Тиберий усыновил своего племянника Германика. Вскоре после этого усыновление Агриппы Постума было отменено, а сам он был сослан на остров под надзор[254].

Таким образом, теперь существовала регулярная линия престолонаследия. В жилах Тиберия, правда, не было ни капли иулианской крови, но усыновление, согласно римскому праву и чувствам, ставило его в то же положение, что и естественно рожденного сына, а женитьба сына на Антонии, усыновление Германика и брак последнего с Агриппиной, казалось, гарантировали, что после него должен прийти кто-то, кто по прямой или косвенной линии происходил от Августа. В том же году (4 г. н. э.) Тиберий вновь соединился с Августом в трибунской власти на десять лет. 255] Больше не могло быть никаких сомнений в том, кто станет преемником. После смерти Августа, если бы Тиберий выжил, он уже обладал бы самыми важными из его функций; а в последний год жизни императора его положение еще более укрепилось благодаря тому, что он был связан с ним также в *imperium proconsulare*. Это давало ему власть в провинциях и командование всеми военными силами, и мы видим, как после смерти Августа он сразу же передает дозорную гвардию преторианцам.

Таким образом, Август несет ответственность за княжество Тиберия, хотя некоторые из его полномочий должны были быть официально дарованы декретом сената. Плохо или хорошо он справился с этой задачей? Вряд ли какой-нибудь император оставил после себя такую дурную славу, как Тиберий. Его похоронная процессия была встречена криками "Тиберия в Тибр", сенат не воздал ему обычных божественных почестей, а Тацит приложил все свое умение, чтобы сделать его имя печально известным. Мистер Тарвер предпринял галантную попытку выступить за пересмотр дела и доказать, что Тиберий был чист в личной жизни и восхитителен как правитель. Я согласен с ним в том, что он отвергает как недоказанную клевету и часто как физически невозможные обвинения в чудовищной безнравственности, выдвинутые Тацитом и Суэтонием, часто, несомненно, на почве чревоугодных сплетен Рима, которые никогда не были превзойдены по нечистоплотности. Такое же резкое отрицание, я думаю, не может быть применено к грозному списку его жестокостей. Но они в основном обрушивались на членов императорской семьи и их приверженцев; они не затрагивали империю в целом. Август не мог предвидеть эти семейные и династические трагедии; но он решил, и, видимо, правильно, что оставляет после себя преемника, чье благоразумие и проницательность, несмотря на кажущуюся угрюмую замкнутость, обеспечат мир и процветание империи в целом. Ничто не доказывает, что Август относился к нему иначе, чем с симпатией. Если он оказался чудовищем, каким его представляли враги, Август, несомненно, совершил серьезную ошибку. Нелепое предположение, что он намеренно назначил его своим преемником, чтобы люди могли пожалеть о себе. Подобные рекогносцировочные ловушки для посмертной славы больше похожи на хитрость безумца, чем на побуждения разумного существа. Суэтоний, который сообщает об этом предложении, говорит, что после зрелых размышлений он убежден, что такой осторожный и благоразумный человек, как Август, должен был действовать из лучших побуждений; он должен был взвесить достоинства и недостатки Тиберия и решить, что первые преобладают. На самом деле выбор у Августа был невелик. Агриппа Постум был невозможен; Германик мог

бы служить, но он никогда не смог бы сместить своего дядю без борьбы. На момент усыновления Тиберию было всего девятнадцать лет, и Август не мог рассчитывать еще на десять лет жизни, которые фактически ему оставались. Несомненно, в эти последние годы своей жизни Август пришел к выводу, что для предотвращения гражданской войны при любой вакансии необходим какой-то наследственный принцип. В 23 году до н. э. он полностью пренебрег этим принципом и, насколько мог, не назвав наследника, поставил Агриппу на путь престолонаследия. Но Агриппа был мертв уже почти шестнадцать лет, и с тех пор у Августа не было ни одного столь способного и столь верного министра. Подобно Кромвелю в его последние часы, он был вынужден признать удобство наследственного принципа; и хотя практическое назначение Тиберия было, очевидно, его нарушением, однако с помощью усыновлений и браков, которые он организовал, он наилучшим образом подготовился к его сохранению в будущем. Это был один из тех политических компромиссов, которые характеризовали всю его политику. Кроме того, он наилучшим образом обеспечил положение и безопасность любимой Ливии; и он создал прецедент, которому часто с пользой следовали в последующие времена, когда военное высокомерие и насилие не брали верх над всеми остальными соображениями: естественный наследник императора должен быть его преемником или, во всяком случае, кем-то, кто тесно связан с ним; и что в случае неудачи или полной недостойности такого наследника благоразумный император должен обеспечить преемственность путем усыновления.

ГЛАВА X ИМПЕРСКАЯ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА

Tu regere imperio populos,

Romane, memento.

Расширение империи при Августе.

В конце своей жизни Август оставил, помимо прочих мемуаров, свиток, содержащий некоторые государственные максимы, которые он считал важным соблюдать своим преемникам. Среди них было предписание не стремиться к увеличению империи, так как трудно будет охранять расширенную границу. Его собственная политика в целом строилась на этом принципе. Те дополнения, которые были сделаны в его время, в основном были неизбежны из-за необходимости обеспечить безопасность уже существующих границ. Когда его генералы выходили за эти рамки, они сталкивались с трудностями, а иногда и с катастрофой.^[256] На самом деле дополнения были сделаны (1) в Африке: Египет стал провинцией в 30 г. до н. э., сначала почти как частное владение императора, хотя в 10 г. до н. э. он был номинально, во всяком случае, поставлен на одну ступень с другими провинциями. Мавритания же, хотя и стала провинцией в 33 г. до н. э., была восстановлена в независимости при царе Иубе в 25 г. до н. э. (2) В Азии в 25 г. до н. э. была образована новая провинция Галатия со столицей в Анцире, которая охватывала несколько областей, таких как Ликаония, Исаврия, Памфилия и часть Фригии. (3) На западе, примерно до 6 г. н.э., Мисия, соответствующая современным Сербии и Болгарии, была превращена в провинцию в качестве барьера империи на Дунае. Также Иллирикум, в 9-8 гг. до н.э., был расширен до Дуная за счет присоединения Паннонии; Норикум, также на Дунае, был подчинен, если не полностью организован как провинция, после 16 г. до н.э.; а Ретия (современная Бавария)

была поставлена под управление римского прокуратора после 15 г. до н.э. Все эти дополнения, очевидно, были необходимы для защиты линии Дуная как границы империи. Наконец, при реорганизации Галлии в четыре провинции (16-14 гг. до н. э.) два района вдоль левого берега нижнего Рейна, называемые *Germania Superior* и *Germania Inferior*, также были заняты и частично организованы, а некоторые незначительные альпийские районы, *Alpes Maritimæ* (Савойя и Ницца), *Alpes Cottiae* (Сузы и район), *Alpes Penninæ* (кантон дю Валуа), были захвачены и управлялись иногда самостоятельно, а иногда как часть других провинций. В этих случаях расширение территории было лишь следствием, неизбежным результатом наличия длинной границы, которую нужно было защищать от вторжения племен. 257] Рейн и Дунай стали границами империи. У нас будет возможность сразу же увидеть, какие опасности подстерегали попытки выйти за их пределы.

Восток.

Август дважды проводил на Востоке периоды от двух до трех лет, занимаясь обустройством границ и реорганизацией римских провинций.

После победы при Актиуме (31 г. до н.э.) он оставался на Востоке до 29 г. до н.э. Изменения, которые он тогда произвел, заключались главным образом в том, что Антоний нарушил большинство договоренностей, заключенных с различными царями-клиентами, в пользу детей Клеопатры. Так, Кипр, возвращенный Клеопатре, был отделен от Египта и превращен в провинцию; прибрежные города Сирии и Палестины были присоединены к провинции Сирия; некоторые города Крита и Киринеи, Иудеи и Итурреи, а также Киликии, которые Антоний передал сыну Клеопатры, Цезариону, были либо возвращены в состав провинций, либо объявлены свободными, как и другие области и города, переданные Антонием своему сыну от Клеопатры. Некоторым царям-клиентам, однако, было позволено сохранить свою территорию и достоинство, например, Ироду в Иудее, Аминту в Галатии, Архелаю в Каппадокии. Но вечным вопросом на Востоке был вопрос парфян. Они не только стремились сохранить Евфрат как предел, за который римская власть не должна была переходить, но и часто совершали набеги на Сирию, а также постоянно пытались захватить Армению, которая была римским протекторатом, и промежуточное царство Медия. Из этих фактов проистекали и катастрофа Красса в Месопотамии, и неоднозначные действия Антония. Когда Август прибыл в Азию, положение дел в результате операций Антония было таково: Артакс (чей отец, Артавасдес, был вероломно захвачен Антонием и затем предан смерти Клеопатрой) был царем Армении, напал на Медию и захватил ее царя Артавасдеса; Фраатес вернул себе Парфянское царство. У Августа было два или три преимущества в решении этих проблем. Он нашел братьев армянского Артаксеса все еще пленниками в Александрии и отправил их в Рим в качестве заложников. Опять же захваченному в плен царю Медию удалось бежать, и он обратился к нему за помощью; и, наконец, Фраатес Парфянский только что вернул себе трон, с которого его изгнало восстание во главе с Тиридатом; последний бежал в Сирию и послал просить помощи у Августа, а легаты от Фраатеса также прибыли с просьбой о поддержке. Август умело воспользовался этими осложнениями, чтобы занять позицию верховного повелителя и арбитра. Он позволил Тиридату остаться в безопасности в Сирии, но дружелюбно отнесся к легатам Фраата и сердечно пригласил сына этого царя сопровождать его в Рим, где, однако, его держали в качестве заложника. Артавасдес был поставлен в Малой Армении, чтобы сдерживать Артакса. Эти дипломатические успехи рассматривались в Риме, как мы видели, как настоящие триумфы над опасными парфянами - единственным известным там именов. Отмена договоренностей Антония, которые привели к сокращению Римской империи, была зафиксирована на монетах, выпущенных в 29 году до н. э., с головой Августа на аверсе, а на реверсе - фигурой победы, стоящей на мистической цисте, с

легендой *Asia recepta*. Но именно с его вторым восточным прогрессом (22-19 гг. до н.э.), вероятно, начались полезные общественные работы, такие как дороги и здания, следы которых все еще находят.

Передвижения на Востоке между 24 и 22 гг. до н.э.

Между этими двумя визитами было только два движения, имевших серьезное значение: бесполезная и почти катастрофическая экспедиция Юлия Галла в Аравию (24-3 гг. до н. э.) и вторжение в Южный Египет при Элефантине Кандаки, царицы Эфиопии, поощренное сокращением римских сил в Египте во время аравийской экспедиции. Эфиопы одержали несколько незначительных успехов над тремя римскими когортами, размещенными у границы, но в конце концов были отбиты префектом Гаем Петронием, который преследовал их до их столицы Набата, которую он взял и разграбил[258].

Второе восточное продвижение, 22-19 гг. до н. э.

Второе продвижение Августа на восток началось с нескольких месяцев пребывания в Сицилии. Там он занялся основанием колоний, из которых названы семь. Главным городом Сицилии по-прежнему оставались Сиракузы, но они, похоже, пострадали во времена Секста Помпея, и Август поселил в них две тысячи поселенцев, вероятно, ветеранов. Целью таких колоний было обеспечить ветеранов и бедных италийцев, а также полностью романизировать страны и создать промышленный класс. Сицилия нуждалась прежде всего в свободных земледельцах. Ее торговля кукурузой страдала от конкуренции со стороны Африки, Сардинии и Египта, а ее пастбищные фермы в основном принадлежали римским капиталистам, которые не проживали в них, а использовали рабский труд, управляемый судебными приставами или *виллисами*. [259] Поэтому одной из целей этих мер Августа было, по крайней мере, привлечь в страну класс мелких землевладельцев, проживающих на своей территории. Там, где не было *ager publicus*, для них находили землю путем покупки.

Август в Греции до н. э. 21.

Из Сицилии Август отправился в Грецию и перезимовал на Самосе. Ахайя была сенатской провинцией, но император, заметим, пользовался там полной властью. Он уже основал две колонии - в Актиуме и Патре, и, похоже, посвятил большую часть своего внимания продвижению их интересов. Он заставил жителей нескольких поселений по соседству с обоими городами переселиться в новые колонии и настоял на том, чтобы колония в Актиуме была принята в Амфикионийскую лигу. Эти места были удачно выбраны для военно-морских целей, но элемент принуждения в его политике по отношению к ним был неудачным. Похоже, что он не сделал много для Греции в целом. Она находилась в плачевном упадке, население сокращалось, а старые города исчезали. Почти единственным исключением была колония иулиев в Коринфе. Изменения, которые Август произвел во время этого визита, скорее подчеркивали такое положение вещей и, конечно, ничего не сделали для его облегчения. Афины, не сохранившие ничего от своего величия, кроме прошлого и все еще сохранившейся репутации университетского города (хотя Марсель сильно уступал им даже в этом), опозорились в его глазах проявлением симпатий, сначала к помпеянкам против Юлиев, затем к Бруту и Кассию против триумвиров и, наконец, к Антонию против него самого. Город, всегда оказывающийся на стороне проигравших, не может рассчитывать на благосклонность. Его лишили нескольких оставшихся внеаттических владений, Эгины и Эретрии, и запретили пользоваться почти единственным оставшимся источником дохода - платой, которую некоторые люди все еще готовы были платить за честь быть зачисленными в число его граждан. Спарта, правда, была вознаграждена восстановлением Китеры, как говорят, в обмен на гостеприимство, оказанное Ливии во время ее изгнания с бывшим

мужем; но, с другой стороны, она была лишена контроля над своим портовым городом Гифием. Но хотя и Юлий, и Август благоволили к Спарте, в отличие от Афин, о чем свидетельствуют храм Юлию и алтарь Августу, она оставалась совершенно незначительной.

Совсем другой была его политика в Азии. Там Август поставил перед собой задачу восстановить процветание городов с помощью денежных грантов, освобождения от дани или ее корректировки, а также поощрения полезных общественных работ. Не остались без внимания и детали местного управления и внутренних реформ. Сохранились эдикты, которые касаются таких вопросов, как возраст местных магистратов или наследование имущества завещателей в Вифинии, что показывает, с какой тщательностью он изучал местные интересы и проблемы. Вероятно, именно сейчас были разработаны планы по открытию дорог в стране, которые впоследствии были реализованы его легатами. Сейчас вдоль *via Sebaste*, соединяющей шесть писидийских колоний, обнаружены вехи, датированные восемнадцатым годом его трибунской власти (6 г. до н. э.), а в Анцире (*Ангоре*) до сих пор стоит мраморный храм Августа, свидетельствующий о благодарности этих азиатских городов. В то же время беспорядки и незаконное поведение сурово наказывались. Кизик был лишен *свободы* за то, что выпорол и предал смерти нескольких римских граждан, такое же наказание за внутренние беспорядки понесли Тир и Сидон, чьи древние свободы были гарантированы им Антонием, когда он передал страну Клеопатре.

Возвращение штандартов парфянами.

Но из всех его достижений за это время ничто не произвело такого фурора в римском мире и не было так воспето поэтами того времени, как тот факт, что он вернул парфянскому царю римских орлов и штандарты, потерянные Крассом в 53 году до н. э., легатом Антония Децидием Саксом в 40 году до н. э. и самим Антонием в 36 году до н. э. в битве с парфянами и медянами. Те, кого захватили медяне, были возвращены ему, но не те, кого захватили парфяне. В 23 г. до н. э. Тиридат, которому в 30 г. до н. э. было позволено укрыться в Сирии, прибыл в Рим, и Фраат, чтобы противодействовать его призыву, также отправил туда послов. Посоветовавшись с сенатом, Август отказался отдать Тиридата, но отправил обратно к Фраату сына, которого он держал в Риме последние шесть лет, при условии, что царь восстановит штандарты. Хотя на него давило недовольство подданных, Фраатес так и не выполнил свою сделку. Возможно, к 20 г. до н. э. это недовольство усилилось, или же его встревожила быстрота, с которой Август утвердил римское господство в Армении. Артакс правил плохо и был непокорным. Август, по-видимому, замыслил экспедицию против него, но его подданные предвосхитили трудности, убив его. Август говорит, что мог бы сделать Армению провинцией, но предпочел оставить древнее царство. По его приказу Тиберий отправился в Армению и собственной рукой возложил диадему на голову Тиграна, брата покойного царя, который жил в изгнании в Риме. Таким образом, верховенство Августа было признано в Армении, а ее царь стал править с его разрешения. Монета, выпущенная в 19 г. до н. э., представляет собой реальный захват Армении, на реверсе которой написано *Cæsar Div. F. Armen. capt. Imp. viiii*. Парфянский царь счел нужным выполнить свою сделку, и Тиберию снова было поручено получить захваченные штандарты в Сирии. Вместе со штандартами были и пленные; были и такие, кто за тридцать три года, прошедшие после падения Красса, мирно поселился в парфянской земле, женился на женах и теперь отказался возвращаться.^[260] Такой довольный отказ от родной земли казался шокирующим для ортодоксального римлянина, не способного представить себе достойную жизнь среди варваров для того, кто когда-то был гражданином Вечного города. Военнопленные никогда особо не ценились в Риме. Традиционно считалось, что государство никогда не платило выкуп, хотя частные друзья могли и платили, и ода Горация, возможно, призвана поддержать

отказ императора от некоторого требования Фраатеса выкупить пленных для сопровождения штандартов. Эта сделка, однако, стала венцом деятельности императора на Востоке. Она отмечена на монетах 19 г. до н. э. с триумфальной аркой, на аверсе которой изображен Август, принимающий штандарты, а на реверсе - легенда *civibus et signis militaribus a Parthis receptis*. Не отставали с комплиментами и поэты. Вергилий, который был в Греции в этот последний год своей жизни, кажется, вставил три строки в свое описание открытия дверей Беллоны, чтобы привести аллюзию на нее.^[261] Гораций, который на время отказался от лирической поэзии, все же придумал комплимент в одном из своих посланий;^[262] и, вернувшись к лирической поэзии в В. 13-12 гг. до н. э., осторожно включает ее в число великих заслуг Августа; а Проперций, после пророческих предположений о том, что будет сделано, наконец разражается триумфальным хвалебным гимном о достижениях этих лет и, прежде всего, о Немезиде, которая пришла за убитым Крассом.^[263] Много лет спустя Овидий, описывая храм Марса Ультора, в котором Август хранил найденные штандарты, воспользуется случаем, чтобы прославить его за то, что он стер старое и позорное пятно с римского оружия.^[264] Было заключено множество других соглашений с царями-клиентами Азии, все они сопровождалось строгим условием, что впредь они должны были ограничиться отведенными им территориями и не вести агрессивных войн. Везде должен был строго соблюдаться *pax augusta*.

Август возвращается с Востока, 19 г. до н. э.

Все это было сделано без единой капли крови, пролитой в войне, и Август смог посвятить зиму 20-19 гг. до н. э. на Самосе отдыху и развлечениям, принимая многочисленные посольства со всех концов света, вплоть до Индии. Индийские посланники привезли ему в подарок тигров, невиданных ранее в Греции и Италии, и удивительного безрукого карлика, который мог натягивать лук и метать копья ногами. В следующем году он вернулся в Афины, где был посвящен в Элевсинские мистерии и где встретился с Вергилием. Поэт присоединился к поезду императора, посетил с ним Мегару и вернулся с ним в Италию, но заболел в Брундизиуме и умер (22 сентября).

Смута на Западе. Поражение Лоллия, 16 г. до н. э.

Хотя Август вернулся в Рим под громкие поздравления, западная часть империи еще не была спокойна, и на самом деле было много угрожающих признаков будущих неприятностей. Агриппа, правда, в тот же год, когда император вернулся с Востока, подавил восставших кантабров и астулов, не без жестоких боев; но хотя Август теперь мог оставаться дома, принимать законы, проводить светские игры и укреплять свою семью, усыновляя детей Агриппы, империя не была в мире, *Ianus Quirinus* все еще оставался открытым. На самом деле было несколько "малых войн", в основном пограничных набегов. Так, в 17-16 гг. до н. э. П. Силий Нерва воевал с различными альпийскими племенами и отражал набег паннонцев. Примерно в это же время происходили кратковременные вспышки в Испании и Далмации, а также вторжения варварских племен (*Dentheletæ* и *Scordisci*) в Македонию. Во Фракии опекуну сыновей Котиса пришлось оказать помощь в борьбе с бессами, а савроматов оттеснить за Дунай. Это были сравнительно неважные дела, но более серьезную опасность представляли воинственные германские племена - сугамбры, усипеты и тенктеры, перешедшие Рейн и вторгшиеся в Галлию Белгику. Они разбили часть римской конницы и, преследуя их, столкнулись с Лоллием и его основной армией, которую они снова разбили, захватив орла Пятого легиона. Суетоний говорит, что это дело было скорее позорным, чем действительно катастрофическим. Но Августу оно показалось достаточно серьезным. Агриппа был на Востоке, присматривая за Сирией и Азией, и вернулся только в 13 г. до н. э.; он решил сам отправиться в Галлию, взяв с собой Тиберия и оставив Друза исполнять

обязанности претора последнего. Германцы, однако, не желали сражаться с регулярной императорской армией, поэтому они отступили за Рейн, заключили соглашение и дали заложников.

Управление Галлией, 16-14 гг. до н.э.

Тем не менее Август и без боевых действий находил себе занятие по улучшению и реформам. В Немаусе до сих пор сохранились старые ворота городской стены с надписью его имени, датированные седьмым годом его трибунской власти (16 г. до н.э.); кроме того, ему пришлось выслушать длинные рассказы о жалобах, вызванных поборам Лициния, прокуратора Лугдунума. Карьера этого человека была ранним примером карьеры богатых вольноотпущенников более поздних времен. Привезенный в качестве пленника из Галлии Юлием Цезарем и, видимо, освобожденный Октавианом в соответствии с завещанием своего дяди, он каким-то образом сколотил огромное состояние и сохранил расположение Августа, делая крупные взносы на общественные работы, время от времени поощряемые императором. Миллионер, склонный к подобной либеральности, всегда желанен для государя, склонного к дорогостоящим реформам. Будучи галлом по происхождению, Август, по-видимому, предполагал, что он будет сочувствующим офицером. Но он оказался более римлянином, чем римляне, требуя последний фартинг. Мы вспоминаем "вилку Мортон" и Эмпсона и Дадли, когда нам рассказывают, что он настаивал на том, чтобы определенные ежемесячные платежи производились четырнадцать раз в году, на том основании, что ноябрь и декабрь означают девятый и десятый месяцы, поэтому необходимо учесть еще два! Однако жалобы были настолько серьезными, что Лициний счел необходимым предложить Августу отдать все свое имущество, как будто он собирал его только для государственной службы, с намеренной целью ослабить нелояльных туземцев. Нам не известно, был ли он оставлен у власти, но, во всяком случае, он избежал наказания и пережил Августа. Вероятно, его отозвали в Рим, где он попытался утихомирить общественное негодование крупными пожертвованиями на восстановление Курии Юлии, которая была заново отстроена в честь внуков императора около 12 г. н.э.

Кампании Тиберия и Друза, 15 г. до н. э.

Но теперь предстояло столкнуться с другой, более серьезной проблемой. Рети, населявшие современные Гризон, Тироль и часть Ломбардии, совершали набеги на Галлию и Италию, сжигая, убивая и грабя. С ними были связаны винделичи (населяющие современные Баден, Вюртенбург и С. Баварию) и другие альпийские племена.^[265] Кампания против этих племен была поручена Тиберию, который разработал мастерский план, увенчавшийся блестящим успехом. Друз был вызван из Рима для охраны проходов в Ломбардию, и в долинах Тридентинских Альп у входа в Бреннерский перевал, близ озера Бенакус (Лаго-ди-Гарда), он одержал над ними блестящую победу и взял многие из их горных крепостей. Отрезанные таким образом от Италии, они повернули свои войска в сторону Гельветической Галлии, но были встречены Тиберием и снова разбиты между Балем и Боденским озером. Эти два поражения, похоже, практически уничтожили эти племена, и они больше не доставляли хлопот. После этого был присоединен Норикум, завоеваны Ретия и Винделиция, которые впоследствии были объединены в провинцию Ретия.

В конце 14 г. до н. э. Август возвращается в Рим.

13 Г. ДО Н.Э.

Августу пришлось задержаться в Галлии еще на год. Нужно было подавить восстания среди лигурийцев в Приморских Альпах и в Паннонии, а Агриппа, вернувшийся из Палестины в

сопровождении Ирода, отправился в Синопу на Понте, чтобы подавить беспорядки, возникшие из-за спорных претензий на корону Киммерийского Боспора, которую захватил узурпатор по имени Скрибоний. В конце 14 или в начале 13 года до н. э. Август вернулся в Рим вместе с Тиберием, который тогда вступил в свой первый консульский срок, и там к ним присоединился Агриппа. Был ли храм Януса закрыт в третий раз, точно не известно. Но есть несколько веских причин предположить, что это так. В двух отрывках Гораций, писавший в 13 г. до н. э., говорит об этом так, как будто это произошло недавно; Дио, рассказывая о возвращении Августа, говорит, что он вернулся после того, как "уладил все дела галлов, германцев и испанцев"; в Германии, где командовал Друз, определенно было затишье; и, наконец, надпись о расширении большой дороги до Гадеса в Южной Испании датирована этим годом и содержит запись о закрытии Януса в честь Августа. Ни одно из этих свидетельств само по себе не является абсолютным доказательством, но в совокупности они составляют сильное предположение[266]. Во всяком случае, Август вернулся в Рим с чувством, что обеспечил мир. Хотя он, как обычно, избежал встречи с процессией комплиментариев, войдя в город после наступления темноты, он все же приехал с лавровыми фасками. На следующее утро, поприветствовав толпу народа на Капитолии, он велел снять лавры и торжественно возложить их на колени Юпитера, а первым делом в сенате он занялся урегулированием претензий своих солдат. Но мир продлился недолго. Следующие три года Август провел в Италии, занимаясь переписью населения, *lectio senatus*, законотворчеством и различными церемониями. Лепид умер в начале этого года, и он сразу же был провозглашен Pontifex Maximus, хотя *инаугурация* состоялась только в феврале следующего года.

Смерть Агриппы, 12 г. до н. э.

Однако не успел год закончиться, как пришло известие о волнениях в Паннонии, и Агриппа, вновь связанный с трибунской властью, был отправлен туда. Ему не пришлось сражаться, так как восстание было прекращено при его приближении. Это было его последнее путешествие. Следующей весной он заболел на одной из своих кампанских вилл. Август отбросил все дела и поспешил к нему, но прибыл слишком поздно. Никогда у правителя не было более верного и умелого друга и слуги. Во все кризисные моменты его жизни Агриппа был рядом с ним, и везде, где грозила опасность, он занимал трудную и почетную позицию. Если на службе у своего господина он приобретал богатство, то всегда был готов потратить его на поддержку целей своего повелителя. В интересах династии он топил все личные желания и амбиции. О Агриппе страсть к нескромным скандалам, характерная для эпохи и народа, на время умолкла, и не сохранилось ни одной реплики или намека, чтобы опорочить его личную или общественную жизнь. Август проявил и уважение, и глубокие чувства. Он сопровождал тело в Рим, сам произнес погребальную речь и поместил прах в новый мавзолей, который возвел для своей семьи.

Тиберий в Паннонии.

Известие о смерти Агриппы, похоже, вновь подтолкнуло паннонцев к борьбе за свободу. Тиберий, соответственно, был назначен его преемником на посту командующего. Он опустошил большую часть их страны, причинил жителям много страданий и, похоже, быстро привел их к повиновению, хотя и лишь на время.

Друз в Германии 12-9 гг. до н.э.

Тем временем Друз не бездействовал. Сугамбры и их союзники перешли Рейн в район Нижней Германии, часть Бельгии (ныне Северный Брабант), где они нашли почти союзные себе племена, готовые сбросить римское иго. Друз был занят освящением алтаря Августу в Лугдунуме, куда он пригласил ведущих галлов из всех этих провинций. Он поспешил вернуться к Рейну и вытеснил захватчиков за реку, а затем, перебросив через нее мост (где-то ниже Кельна), напал на усипитов на правом берегу Лупии, а затем двинулся вверх по Рейну, чтобы атаковать Сугамбры. Но на Рейне его поддерживал целый флот кораблей. Он прорубил канал от реки до озера Флево (Зюйдер-Зее), чтобы этот флот мог плыть вдоль побережья к устьям трех рек - Амизии, Визургиса и Альбиса (*Эмс, Везер, Эльба*). Он предложил сделать Эльбу границей Римской империи вместо Рейна, но в этот первый год сократил побережье только до Визургиса. На следующий год (11 г. до н. э.) он продвинулся по суше до той же реки, только дальше вглубь страны, и занял страну херусков (Вестфалию), и хотя по пути домой его люди едва не попали в засаду, они благополучно вернулись на берега Лупии, а в разных частях страны было основано несколько крепостей. В следующем году (10 г. до н. э.) он воевал с чатти (гессенцами), которые пытались вернуть территории, с которых он изгнал их в предыдущем году.^[267] В 9 г. до н. э., будучи уже консулом, он продвинулся до Эльбы, где воздвиг трофей, чтобы отметить крайний предел римского продвижения, через земли чатти и тревии. Но на обратном пути он упал и сломал ногу, и, поскольку в армии не было ни одного опытного врача, он умер после тридцати дней страданий. Кроме этих походов в Германию, за время своего правления он основал линию крепостей на нижнем Рейне, в количестве пятидесяти, вплоть до Аргенторатума (Страссбурга).

Тиберий в Германии 8-7 гг. до н.э.

Услышав о несчастье с братом, Тиберий, находившийся в Тицинуме, поспешил к нему, был рядом с ним, когда тот умер, и пешком сопровождал труп в Рим, где произнес погребальную речь, а Август, вернувшийся в это время из Лугдунума, - другую. Прах был помещен в мавзолей Августа. Тиберий был назначен его преемником на Рейне и в 8 г. до н. э. перешел реку, чтобы напасть на сугамбров. Но так как другие племена покорились, Сугамбры были вынуждены послать некоторых из своих лидеров для переговоров. Тогда Август предпринял шаг, который, во всяком случае, требует некоторого объяснения. Он схватил этих легатов и держал их в заключении в различных городах в качестве заложников. Однако это сразу же заставило сугамбров замолчать, большое их количество поселилось на левом берегу Рейна, и Тиберий смог вернуться домой для своего триумфа в 7 г. до н. э., с которым также связано имя Друза.

В течение почти девяти лет мир в империи не нарушался никакими войнами. В 6 г. до н. э. Тиберий удалился на Родос, и перед его преемниками, командовавшими армией на Рейне, стояла задача сохранить и укрепить завоевания Друза. Два округа на левом берегу реки, *Germania Inferior* и *Superior*, хотя для некоторых целей и входили в состав *Gallia Belgica*, все же как военные округа были самостоятельными, и в их состав входили некоторые крепости на правом берегу Рейна. Страна между Рейном и Эльбой находилась в двусмысленном положении. Она не была провинцией, и все же полководцы на Рейне занимали ее столько, сколько могли время от времени удерживать.

Тиберий снова в Германии и Иллирике, 4-7 гг. н.э.

Но в 4 г. н. э. Тиберий, вернувшийся с Родоса и приемный сын Августа, принял командование на Рейне и сразу же начал большое движение вперед, как и его брат Друз. Он тоже продвинулся до Везера и смял восставших херусков, а после похода к Липпе снова

продвинулся до Эльбы (5 г. н.э.), смял чауциев и лонгобардов, на этот раз при поддержке флота, вошедшего в устье Эльбы. Некоторые другие сочли более безопасным отправить посланников и заключить с Римом договор о дружбе. В следующем году (6 г. н.э.) он должен был напасть на маркоманнов под предводительством могущественного вождя по имени Маробудус. Нападение должно было быть предпринято с двух сторон. К. Секстий Сатурнин, способный и опытный офицер, должен был вести одну армию от Рейна, через территорию Чатти (около Кельна), а сам Тиберий - другую из Норикума через Дунай. Они должны были сойтись в районе, который сейчас занимают маркоманны и который относится к современной Богемии. Тиберий сопровождал наместник Паннонии Валерий Мессалин и большая часть расквартированных там войск. Но экспедиции помешало внезапное восстание в Паннонии и Далмации. Жители этих стран еще не примирились с римским правлением, они чувствовали бремя дани, и возможность, предоставленная выводом столь большого количества войск, была с радостью использована. Тиберий был вынужден предложить Маробуду условия, которые тот принял и поспешил вернуться в Паннонию, а Сатурнин вернулся на Рейн, опасаясь вспышки восстания там. Восстание в Паннонии и Далмации было с трудом подавлено после изнурительной борьбы, длившейся от трех до четырех лет. Пришлось привлечь в страну множество легионов из других провинций, а также большие вспомогательные силы. Германик был призван на помощь с новой армией, а сам Август прибыл в Ариминум, чтобы быть под рукой. Суетоний утверждает, что это была самая серьезная борьба, в которую римляне были вовлечены со времен Пунических войн. В 9 г. до н. э. Тиберий действительно вернулся в Рим, чтобы заявить о своем триумфе, но был вынужден вернуться, чтобы поставить последнюю точку в войне.

Падение Вара, 9 г. н.э.

Тем временем Рейнская армия находилась под командованием П. Квинтилия Вара. Веллеус отзывается о нем неблагоприятно. Он был больше придворным, чем солдатом, а в управлении Сирией показал себя жадным до денег. "В богатую провинцию он входил бедняком, а из бедной провинции выходил богачом". С момента своего вступления в должность командующего в 7 г. до н. э. он, по-видимому, рассматривал страну между Рейном и Эльбой как полностью сведенную к форме римской провинции и стал взимать дань с той же строгостью, с какой привык это делать в Сирии. Но германские племена не считали себя римскими подданными. Римляне были хозяевами лишь в той мере, в какой могли управлять их лагерями. Пока Вар жил в мнимой безопасности в своем летнем лагере на Везере, занятый лишь обычным правовым управлением провинциального губернатора, четыре великих германских народа - херуски, чатти, марсы и бруктры - тайно объединились под предводительством вождя херусков Арминия, чтобы нанести удар за свободу. Осенью 9 г. н. э. Вар готовился к возвращению в обычные зимние кварталы на Рейне (Castra Vetera). Арминий, служивший в римской армии и получивший в награду гражданство и звание экватора, сблизился с Варом и был полностью в курсе его планов, и хотя Вара предупреждали о его предательстве, он, похоже, не прислушался. Чтобы провести его через труднопроходимую местность, где его должна была ждать засада, было запланировано выступление одного из племен в стороне от прямой дороги к Нижнему Рейну. Он попал в ловушку и, повернув в сторону, чтобы наказать мятежное племя, был застигнут на труднопроходимом перевале, где-то между истоками Липпе и Эмса, и погиб вместе почти со всей своей армией. Три дня армия пробиралась через густой и почти бездорожный лес, обремененная тяжелым багажом и многочисленными женщинами и детьми, на которых почти на каждом шагу нападали и убивали немцы, скрывавшиеся в лесу и постоянно спускавшиеся на них. Жалкий остаток был спасен благодаря усилиям Л. Аспренаса, легата Вара, который пришел на помощь. Вар и некоторые из его главных офицеров, похоже,

покончили жизнь самоубийством. Потеря трех легионов и большого количества вспомогательных войск сильно подействовала на императора, которому сейчас было уже более семидесяти лет. В течение многих месяцев он носил знаки траура, и нам рассказывают, что временами в беспокойстве он бился головой о дверь, взывая: "Вар, верни мне мои легионы!" Возможно, это живописная фантазия анекдотчиков. Хотя он был встревожен возможными последствиями как дома, так и в провинциях, он действовал с духом и энергией. Он приказал тщательно расставить городские пикеты, приостановил все изменения в провинциальных правительствах и провел сбор гражданских солдат, принуждая угрозами и наказаниями к обязанности называть имена. В течение некоторого времени служба в армии считалась достаточно привлекательной профессией, чтобы привлекать добровольцев, не прибегая к законному праву призыва. Но в условиях внезапной чрезвычайной ситуации, подобной этой, мужчины, по-видимому, оказались апатичными или нерасположенными к службе, и ему пришлось прибегнуть к старым методам. Он считал необходимым на время избавиться от галлов или германцев, служивших в городских когортах или проживавших в Риме. Тиберий, получив известие о катастрофе, поспешил из своих паннонских покоев в Рим и был назначен командующим на Рейн, куда и отправился в начале 10 г. н.э. Больше всего следовало опасаться, что победоносные германцы сразу же перейдут Рейн. Но этого удалось избежать отчасти потому, что маркоманны отказались присоединиться к восстанию, даже когда Арминий послал голову Вара их вождю Маробуду, а отчасти потому, что сами мятежные германцы не тратили времени на блокаду Алисо, крепости, возведенной Друзом на Липпе, которую упорно защищал гарнизон под командованием Луция Цедиция. Он оказался Ладисмитом германской войны, поскольку немцы, опасаясь оставить его у себя в тылу, упустили возможность атаковать лагеря на Рейне до того, как они могли получить подкрепление. Отважный гарнизон, когда его провизия была исчерпана, бежал темной ночью и благополучно добрался до Кастра-Ветера. Тем не менее, результатом восстания стало освобождение Германии за Рейном. Когда в 10 г. н. э. Тиберий прибыл для принятия командования, первый год он потратил на укрепление крепостей вдоль этой реки; и хотя в 11 г. н. э. он перенес свой летний лагерь за ее пределы, он никогда не уходил далеко и, очевидно, не участвовал ни в каких военных операциях ни тогда, ни в 12 г. н. э. В следующем году он вернулся в Рим, и его сменил на посту командующего его племянник Германик. Дальнейшие действия этого молодого принца относятся к следующему царствованию, но Тиберий, несомненно, узнал сейчас то, что несколько лет спустя побудило его отозвать Германика и довольствоваться границами Рейна.

Административные реформы. Пост.

Жизнь Августа близилась к концу, и больше не осталось военных предприятий. Со времен Кантабрийской войны 25 г. до н. э. он ни разу не командовал в поле; но он принимал участие в самых важных войнах, перемещаясь на такое расстояние от места военных действий, чтобы быстро узнавать новости и руководить отправкой провианта и подкреплений. Вероятно, такой способ был более полезен, и он мог лично наблюдать за нуждами провинций и наилучшими методами устранения злоупотреблений и содействия процветанию. Говорят, что за время своего правления он посетил все провинции, кроме Сардинии и Африки, и вряд ли какая-нибудь из них не оставила следов его деятельности и либеральности в виде дорог, мостов или общественных зданий. Он был озабочен тем, чтобы все, пусть даже отдаленные, чувствовали связь с центральной властью в Риме. Среди прочих средств, способствующих этому, было создание или усовершенствование императорской почты, которая должна была достигать самых отдаленных зависимых территорий.

Мы не должны думать, что это было похоже на современную почту, предназначенную для общего пользования. Она была чисто официальной. Как главной целью больших дорог было облегчить быстрое передвижение армий и чиновников, так и почта была приспособлением для ускорения официальных депеш, для передачи приказов императора в самые отдаленные уголки империи, а также для передачи новостей и предупреждений правительству дома. Вдоль больших дорог в Италии и провинциях издавна существовали почтовые конторы, где можно было получить эстафету лошадей, мулов или карет, но никогда не было того, что мы называем почтовой службой для передачи частных писем. Богачи держали для этой цели рабов (*tabellarii*), у магистратов были официальные гонцы (*statores*), а у публичных компаний - штатные разносчики. Частные лица могли в качестве одолжения время от времени передавать свои письма кому-нибудь из них; в Риме считалось приличным проявлением вежливости, когда, отправляя раба с письмами в дальние края, он обходил своих друзей, чтобы узнать, не желают ли они отправить какое-нибудь письмо через него. Кроме того, правители провинций при республике договаривались с некоторыми писцами в Риме, чтобы те переписывали *письма* и передавали их рабам или платным посыльным. Но для официальных целей Август организовал ряд станций вдоль больших дорог с людьми, лошадьми и повозками, чтобы передавать в Рим и из Рима все новости, которые необходимо было знать правительству, или все приказы, исходящие от императора.^[268] Частные лица не имели права пользоваться этими государственными слугами или транспортом; но, несомненно, организация государственной службы облегчала передачу и частной корреспонденции.

Это фактическое и материальное укрепление связей, соединявших отдаленные части империи с центральным правительством, шло бок о бок с моральным эффектом изменения положения губернаторов. Им больше не позволялось наживаться на чрезмерных поборах или процентах, которые по обычаю, а не по закону, все они получали фиксированное жалованье, как и низшие чиновники; и хотя о вымогательствах все еще иногда приходилось слышать, в провинциях знали, что у них есть быстрый способ обратиться к императору и достаточная уверенность в возмещении ущерба.

Армия под началом одного главнокомандующего.

Еще одно изменение, которое поначалу способствовало единству, хотя впоследствии привело к обратному эффекту, касалось армии. Во времена республики теоретически не существовало единой постоянной армии. Существовало множество армий, каждая из которых приносила военную присягу своим командирам. Теперь же военная присяга приносилась всеми одному человеку - императору. Командиры легионов были его *легатами*. Он регулировал жалованье, годы службы, пенсионное обеспечение для всех одинаково. У каждого республиканского императора была преторианская гвардия, состоявшая, как правило, из вспомогательных войск. Теперь же была одна гвардия, естественно, размещенная в Риме, и, хотя она отличалась от остальных повышенным жалованьем и более легким сроком службы, она, как и *когорты бдительных*, находилась под одним командованием. Это относится и к флоту, который был организован при Августе главным образом для защиты побережья и очистки моря от пиратов: две основные станции находились в Мизенуме на западе и в Равенне на восточном побережье, а третья некоторое время содержалась в Forum Iulii (Фрежюс). Люди, служившие на этих кораблях, занимали такое же положение, как и солдаты-граждане или вспомогательные войска, и, как и они, приносили присягу одному человеку - императору. Но сама полнота организации, как следует заметить, в конечном итоге привела к сбоям. Отдельные легионы стали постоянно прикрепляться к определенным провинциям, а вспомогательные войска, служившие вместе

с ними, как правило, набирались из тех же провинций. Таким образом, несколько родов войск стали ощущать *единство корпуса* и рассматривать себя как отдельную структуру с отдельными интересами и претензиями. Поэтому, когда в последующие времена центральная власть оказывалась под вопросом или менялась, легионы в разных провинциях говорили и думали о себе как об отдельных "армиях", способных проводить независимую линию и иметь определяющий голос в решении вопроса о том, кто должен быть их императором. В те смутные времена провинции, в которых не было военного учреждения или оно было слабым, переставали иметь значение и вынуждены были следовать за самой сильной армией, находившейся рядом с ними.^[269] В настоящее время таких трудностей не предвиделось. Август был строг к дисциплине, и о серьезном неповиновении пока почти не было слышно. А когда оно все же случалось, его быстро наказывали. Он распустил 10-й легион за неподобающее поведение и временами применял всю строгость военных наказаний за дезертирство с постов или более мелкие проступки, и был осторожен в обращении к своим войскам, чтобы не унизить свое достоинство жеманным равенством. Он называл их "солдаты!", а не "товарищи солдаты!". В то же время он сохранил традиционную исключительность легионов и редко использовал вольноотпущенников, разве что в качестве особых констеблей в городе и дважды в тяжелые времена, во время Иллирийской и Германской войн: даже тогда они формировались в отдельные когорты и вооружались не так полно, как легионеры.

Та же консервативная привязанность к древнему превосходству Рима заставляла его с опаской относиться к предоставлению гражданства либо отдельным лицам, либо массам солдат, либо государствам. Это был один из пунктов, в котором его политика была противоположна политике Юлия. Последний своими крупными дарами гражданства солдатам, профессионалам и общинам помог увеличить число граждан с примерно 450 000 в 70 г. до н. э. до 4 063 000 (число, указанное в переписи 28 г. до н. э.). За сорок пять лет, оставшихся до Августа, это число выросло только до 4 937 000 (перепись 13 г. н.э.). Это, вероятно, не больше, чем можно объяснить ростом населения; так что расширение избирательного права должно было быть незначительным. Его идеей была империя, единая в своих военных обязательствах и в подчинении одному верховному главе, но не оторванная от первоначального города-государства. Рим должен был стать имперским городом, резиденцией правительства; *Populus Romanus* - жители Рима, расширенные до пределов Италии. Должна была существовать четкая линия разделения между правящими и управляемыми. Это был один из тех компромиссов, которые лишены элементов постоянства. Тем не менее, он заложил чувства, которые сохранились и являются причиной того, что и по сей день центр духовной жизни значительной части Европы находится на берегах Тибра. В материальном плане расширение гражданства означало постепенное смещение центра власти, и когда в начале третьего века Каракалла в целях налогообложения распространил гражданство на всю империю, хотя римское имя и его исторический престиж сохранились, сам Рим стал лишь одним из нескольких городов в широко раскинувшейся империи, причем политически далеко не самым важным. Такая концепция была далека от ума Августа. Она показалась бы ему более достойной его соперника Антония, который выступал за создание нового Рима в Александрии.

ГЛАВА XI

АВГУСТ И ЕГО ПОКЛОННИКИ

O tutela præsens

Italix dominæque Romæ.

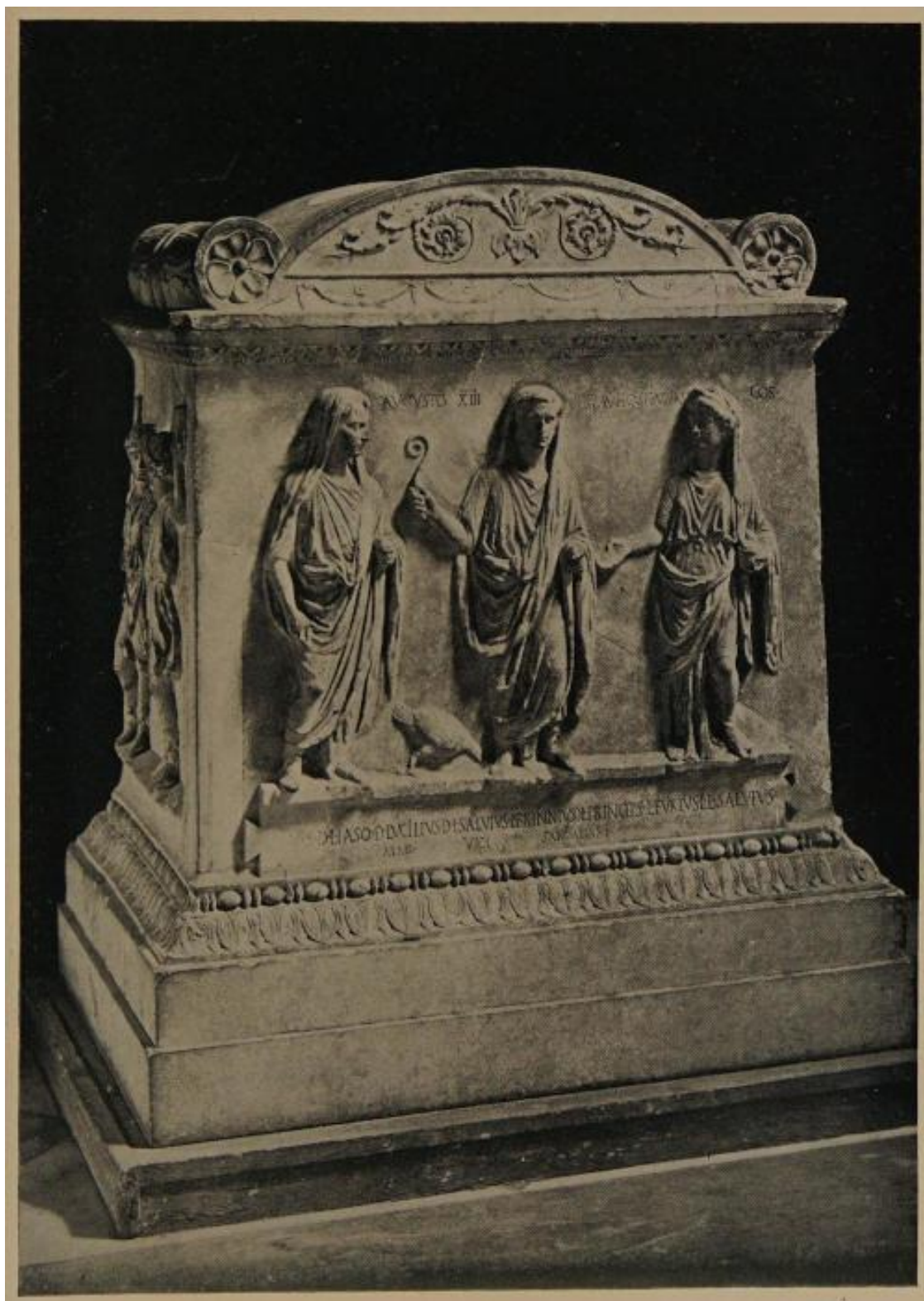
Народные чувства по отношению к Августу.

После принятия конституции в 23 г. до н. э. Август лишь трижды отсутствовал в Италии: с 22 по 19 г. до н. э. на Сицилии и Востоке, с 16 по 13 г. до н. э. в Галлии и Испании и с 9 по 10 г. до н. э. в Галлии. Во время начала Паннонской и Далматинской войн 6-9 гг. н. э. он некоторое время находился в Ариминуме. Остальное время он жил в Риме, совершая обычные поездки в свои загородные дома по суше или на яхте. Его возвращение в город после длительного отсутствия отмечалось со всеми признаками ликования, с жертвоприношениями, музыкой и всеобщим праздником. По возвращении из Галлии в 13 г. до н. э. *Фортуне* был посвящен алтарь. [270] Это не было простым поклонением. Люди стали смотреть на него как на лучшую гарантию мира и безопасности. Беды дней, предшествовавших гражданским войнам, уличные бои и резня, ужасы самой гражданской войны не были забыты: Но его собственное участие в них игнорировалось или прощалось; помнили только, что он положил им конец; что он восстановил разрушенный город в беспримерном великолепии; что именно благодаря его либеральности или друзьям, действующим под его влиянием, в Риме были роскошные бани, много воды, обильная еда, улицы, свободные от грабителей, помощь на случай пожара и веселые праздники, почти всегда продолжающиеся. Благодаря ему дороги в Италии не преграждали разбойники, корабли с кукурузой из Египта заходили в гавань Путеоли, не встречая на своем пути пиратов, [271] не только страшные парфяне, но и принцы со всех концов земли отправляли посольства, желая дружбы Рима. При малейшем признаке прежних беспорядков они требовали его возвращения и умоляли стать диктатором, руководителем торговли кукурузой, вечным блюстителем нравов, всем, чем угодно, убежденные, что под его абсолютным правлением наступит мир, изобилие и безопасность. Гораций точно передает это чувство, когда обращается к Августу во время его отсутствия в Галлии: "О отпрыск милостивых богов, о лучший хранитель рода Ромула... вернись! Твоя страна взывает к тебе с клятвами и молитвами... ибо, когда ты здесь, воли бодро шагают по полям; Церера и щедрые благословения радуют наши фермы; наши моряки быстро мчатся по морям, не знаящим страха перед пиратами; кредит не пострадал; никакие прелюбодеяния не пятнают дом; наказание сурово следует за преступлением..... Кто боится парфян, скифов, германцев или испанцев, когда Сезар в безопасности? Каждый закрывает день мира на родных холмах, подготавливает свои лозы к вдовствующим деревьям, а вернувшись домой, с легким сердцем пьет вино и заканчивает пир благословениями в адрес тебя, как бога" [272].

Поклонение Августу.

Эти чувства нашли свое выражение в форме, которая в наши дни может показаться, в зависимости от нашего темперамента, смешной или профанической. В просторечии это означало отношение к Августу как к божеству, богу на земле. Различные выражения Горация [273], возможно, можно списать на поэтическое преувеличение или условный комплимент, хотя за ними скрывается реальный смысл; но хотя Август отказался разрешить строить себе храмы и алтари в Риме и Италии [274] и даже приказал переплавить некоторые серебряные статуэтки, свидетельства надписей позволяют утверждать, что культ начался при его жизни в нескольких местах, например в Помпеях, Путеолах, Куме в Кампании и в

других частях Италии.[275] В самом Риме, когда Август реорганизовал *vici*, было восстановлено старое поклонение *Ларес Компиталес* на каком-то освященном месте в каждом *викусе* или "приходе", но о них обычно говорили как о *Ларес Августах*, и *Гений Августа* ассоциировался с ними. Именно этот факт в некоторой степени объясняет и делает менее иррациональным то отношение, которое мы склонны отвергать как просто абсурдное. У каждого человека был свой *Гений* - божество, которому он был особенно дорог. Мы говорим о "миссии" человека, подразумевая под этим словом некую внешнюю и направляющую силу, вероятно, божественную. Не так уж долго осталось ждать наступит момент, когда человек и его гений будут идентифицированы, особенно если его миссия, судя по всему, заключается в том, чтобы принести нам мир и процветание. "О Мелибей, это бог создал для нас эту легкость!" - восклицает в Вергилии соотечественник, вернувший себе свои земли. Эта путаница между вдохновителем и вдохновляемым, между миссией и человеком проявлялась повсеместно. Среди статуй в храмах, в священных гимнах и других актах поклонения фигура или имя Августа ассоциировались с именами богов, что, конечно, позволяло провести различие между памятником почти божественному человеку и актом преданности богу, но часто затушевывало это различие для простых людей. Когда мы посвящаем церковь святому или "во славу Божию и в память о таком-то и таком-то", различие, конечно, очевидно, но путаница, которая время от времени возникала, также известна. Так, в половецком календаре священного года, в котором годовщины ярких событий в карьере Августа отмечены для какого-то акта поклонения, иногда *supplicatio* прямо указывается как *Augusto*; иногда в честь какой-то абстрактной идеи, как *imperio Augusti*, *Fortunæ reduci*, *Victoriæ Augustæ*; в других случаях к богам *Iovi sempiterno*, *Vestæ*, *Marti Ultori*, *Veneri*. На самом деле *supplicatio* всегда имела двойную направленность: это был акт молитвы или благодарности богу, но это была и честь для успешного человека. Эти две разные идеи легко объединялись. Супликация в честь Августа, без особого насилия, превратилась в супликацию ему.

Алтарь, посвященный Ларесу Августа, 2 г. до н. э., Магистр Вичи.

Фотография с оригинала в галерее Уффици во Флоренции.

На обороте страницы 196.

Еще более официальный культ, возникший после его смерти с храмом, регулярно посвященным ему Ливией на Палатине, и новой коллегией Августалов для поддержания поклонения во всех частях империи, можно объяснить примерно так. Он был провозглашен сенатом божеством, он был покойным императором блаженной памяти, святой душой,

самим духом или гением вечного Рима. Традиции ранней римской истории о рожденных богами и обожествленных основателях, греческое поклонение героям, завеса, скрывавшая (как скрывает и сейчас) состояние усопших, в сочетании с терпимым духом политеизма сделали для людей того времени принятие нового божества в олимпийскую иерархию почти таким же легким, как для средневековой Европы принятие нового святого в календарь.

У Августа, как мы уже говорили, хватило здравого смысла и скромности, чтобы поставить преграды на пути этого поклонения в Риме и Италии. В провинциях дело обстояло иначе. Божественные или полубожественные почести, воздаваемые ему там, были тесно связаны с преданностью Риму и верой в его вечную миссию. Поэтому он разрешал строить храмы и алтари, но всегда при понимании, что имя Рима должно ассоциироваться с его собственным. Подобный способ выражения преданности Риму и почтения к его магистратам не был неизвестен и в более ранние времена. Во II веке до н. э. колоссальная статуя Рима была установлена родосцами в храме Афины; жители Халкиса воздвигли храм в честь Фламинина; Цицерон предполагает, что в его время это было нередким явлением в азиатских провинциях. В Смирне храм в честь Рима был воздвигнут в 195 году до н. э.;[276] а еще раньше общины Азии и Греции привыкли подобным образом чтить Птолемеев. Поэтому в новом культе не было ничего странного для чувств и привычек того времени. Он начался в самом начале его успешной карьеры - не позднее 36 г. до н. э., после поражения Секста Помпея[277] - и быстро распространился. Мы слышим о храмах "Риму и Августу", или алтарях, в Киме, Анцире, Пергаме, Никомедии, Александрии, Панаэсе, Спарте и других местах на Востоке. С ними были связаны ежегодные фестивали и игры, как в Афинах, Анцире и Киликии.[278] Не только на Востоке это поклонение началось при жизни Августа. Мы слышим о храмах или алтарях в Испании, Мизии, Паннонии, Нарбонне; а алтарь в Лугдунуме (Лионе), освященный Друзом в 12 г. до н. э., был намеренно предназначен для вытеснения друидической религии, которая была национальной и сепаратистской.

Отношение Августа к этому культу.

Для оценки самого Августа очень интересно определить, насколько он заблуждался, насколько действовал в соответствии с продуманной политикой, потворствуя этим вещам. Когда жители Таррако сообщили ему в качестве предзнаменования его победоносной карьеры, что на кургане его алтаря в этом городе выросла пальма, он ответил с полупрезрительной, полуироничной иронией: "Это говорит о том, как часто ты ею пользуешься!"[279] Но в ответе нет нотки неодобрения или отречения. Он принимает это как естественный факт, что такой алтарь должен быть, как современный государь мог бы принять комплимент в виде статуи. Можно ли объяснить это иначе, чем сознательным мошенничеством или ослеплением тщеславием? Я считаю, что можем. Прежде всего мы должны заметить, что Август ревностно относился к апофеозу Юлия, призывал Антония стать его пламенем, построил ему храм в Риме и поощрял строительство храмов и алтарей в других местах. Этот апофеоз и поклонение Юлию начались еще до его смерти,[280] о чем Август прекрасно знал. Но, несмотря на явно партийный дух сената, отдавшего божественные почести Юлию, он не выказал ни малейшего отвращения или недоверия. Напротив, он провозгласил себя наследником не только своего богатства и почестей, но и своих религиозных обязательств и политических целей. Очевидно, что Август верил в богов, то есть в некое бессмертное существо или существ, которые управляют и контролируют мир. Восстановитель сотни храмов, священных писаний и древних религиозных обрядов, благочестивый исполнитель обетов, данных в час опасности или спасения, мог иметь грубые или неопределенные убеждения, придерживаться взглядов философских или суеверных, мудрых или глупых, но вряд ли он мог быть атеистом.

Он был слишком занятым человеком, чтобы сильно беспокоиться о философских сомнениях, и, возможно, - как это ни очевидно, - ответ Наполеона отражал бы его точку зрения: выслушав некоторое время некоторые атеистические аргументы, он сказал, указывая на звездное небо: "Все очень хорошо, господа, но кто все это создал?" Если вы верите в себя и в Провидение, следующий шаг - поверить, что Провидение на нашей стороне, как Кромвель видел руку Бога даже в своих самых сомнительных достижениях. Если перевести это на язык эпохи, привыкшей во всяком случае с одобрением слышать о героических людях, сыновьях богов и предназначенных для зачисления в их мирные ряды, о гении, сопровождавшем каждого человека от колыбели до могилы, о заботе богов о благополучии государства в его самые темные часы, проявлявшейся в знамениях, предупреждениях и даже материальных явлениях: Если мы еще раз подумаем о том, насколько увеличивает силу веры то, что ее разделяют другие, и увидим, что она способствует нравственному благу мира, мы сможем представить себе образ мыслей Августа по этому вопросу, который, учитывая его эпоху и ее настроения, не следует считать ни полностью иррациональным, ни полностью лицемерным. "Римская империя, - мог бы сказать он себе, - это все, что действительно имеет значение в мире. Я божественно назначен восстанавливать и защищать ее. Я фактически обеспечил ее мир и процветание. Если люди называют меня богом, это их способ почтить Гений, который руководит мной, Провидение, избравшее меня своим благодетелем и спасителем. Если они верят в это, они также должны верить в святость и вечную власть Рима и империи. Религия и преданность - это лишь разные слова для обозначения одной и той же добродетели". В его глазах государство было божественным, даже само по себе божественным, и в той мере, в какой он представлял государство, он был божеством для его подданных. Стабильность была его первым требованием. "Моя высшая цель, - говорил он в одном из эдиктов, - называться автором идеально хорошей конституции и унести с собой в могилу надежду, что заложенные мною основы останутся непоколебимыми". Доброта и преданность государству стали для него взаимозаменяемыми понятиями. Однажды, когда он осматривал виллу, ранее принадлежавшую Катону, один из его спутников, решив порадовать его обличием антикезарейца, заговорил об "упрямой неправоте Катона". Но тот серьезно ответил: "Тот, кто выступает против революции, - хороший человек и хороший гражданин". В другой раз он застал одного из своих внуков за чтением книги Цицерона. Мальчик, думая, что находится на запретной территории, попытался спрятать книгу, но Август взял ее в руки, недолго почитал и вернул с замечанием: "Настоящий ученый, мой мальчик, и патриот". Возможно, он с сожалением подумал о своей причастности к смерти великого человека, возможно, о том времени, когда он считал его лживым по отношению к себе, но "патриот" - "любитель своей страны" - все компенсировал[281].

Civilitas Августа.

Опять же ясно, что Августом двигало не личное тщеславие или желание похвалы. Он не любил пышных комплиментов или чрезмерных титулов уважения и смеялся над укоризненным отношением, как, например, когда он сказал о каком-то услужливом просителе, что "тот протягивает свою заготовку, а затем снова выхватывает ее, как человек, дающий грош слону". Он особенно возражал против того, чтобы его называли *dominus* - слово, которое правильно применять к хозяину рабов, и запрещал использовать это слово даже в шутку в своей собственной семье. Он хотел, чтобы его считали гражданином среди граждан. Он старался проявлять интерес (в отличие от Юлия) к играм и представлениям, которые нравились народу, и не одобрял особых знаков уважения, оказываемых его юным внукам, когда народ вставал и ликовал при их появлении в цирке. Даже будучи консулом, он ходил по улицам пешком или ездил с задернутыми занавесками седана, чтобы не показалось, что он избегает взглядов или приближения толпы; он допускал на свои утренние

пиры всех людей без различия званий; запрещал сенаторам вставать, когда он входил или выходил из дома; посещал друзей без штата и был внимателен к семейным праздникам, таким как помолвки. На выборах он ходил со своими кандидатами и агитировал за голоса, выступал за своих клиентов в судах (хотя и старался не допустить, чтобы его присутствие оказало нечестное влияние) и не проявлял раздражения, когда ему задавали перекрестные вопросы и опровергали их. В Сенате он без обиняков предоставлял большую свободу слова. Во время выступлений его прерывали возгласами: "Мы не понимаем", "Я бы возразил вам, если бы это было полезно". Однажды, когда он выходил из дома с некоторыми признаками гнева после утомительных дебатов, его преследовали крики: "Сенаторам должно быть позволено свободно говорить о государственных делах", что напоминало крики "Привилегия", которыми приветствовали Карла I по известному поводу. Когда он мягко возразил Антистию Лабею за выдвижение Лепида (которого он особенно не любил и относился к нему с большим презрением) в сенат, Антистий грубо ответил: "Каждый имеет право на собственное мнение". Он был терпим к подобным высказываниям и написал успокаивающую записку Тиберию, который резко высказался по поводу какого-то события подобного рода: "Мой дорогой Тиберий, не поддавайся юношескому азарту и не возмущайся тем, что кто-то может сказать обо мне плохо. Вполне достаточно, если мы сможем предотвратить *причинение* нам вреда". В более личных или частных вопросах он мог выдержать колкость или грубую отповедь. Проводя смотр эквитов, он выдвинул ряд обвинений против одного эквита, который опроверг их одно за другим и закончил презрительным замечанием: "В следующий раз, господин, когда вы будете наводить справки о уважаемом человеке, лучше доверьте это дело уважаемым людям". Увидев, что другой конник ест в цирке, он послал ему сообщение: "Когда я хочу пообедать, я иду домой". "Да, - был ответ, - но ты не боишься потерять свое место". Другого конника он упрекнул в растрате своего состояния, но тот не сделал ничего другого, кроме замечания: "Ну что ж, у меня сложилось впечатление, что это моя собственная собственность". Однажды он оплатил долги сенатора, но не получил ничего более благодарного, чем записку со словами: "Ни фартинга для себя!" Однажды при дворе был замечен молодой человек, необычайно похожий на него самого. Август приказал представить его и сказал: "Молодой господин, ваша мать когда-нибудь была в Риме?" "Нет, - ответил он, - но мой отец был". В данном случае следует признать, что император вполне заслужил ответную реплику. Однако суть всех этих историй в том, что он был доволен тем, что давал и брал, и был человеком среди людей. Не было бы больше оснований для замечания Поллио, когда Август написал несколько сатирических эпиграмм на это воплощение всех талантов: "Я ничего не говорю. Нелегко писать против человека, который может вписать свое имя в проскрипционный список". Есть и другие анекдоты, которые еще больше иллюстрируют эту человеческую сторону Августа. Один ветеран умолял его выступить за него в суде, и Август назначил одного из своих друзей, который взялся за это дело. Ветеран воскликнул: "Но когда тебе грозила опасность в Актиуме, Сезар, я не стал искать себе замену; я сам сражался за тебя!" Покраснев, Август согласился выступить. Жизненные перипетии и трагедии интересовали его. Услышав об одной из семейных казней Ирода, он заметил: "Лучше бы я был свиньей Ирода, чем его сыном!" А когда после смерти человека, считавшегося богатым, обнаружилось, что он погряз в долгах, он послал купить на аукционе его подушку, которая позволяла ему спать, когда он был должен такие огромные суммы. Он не мог смириться с тем, что смех обернется против него самого. История о человеке с двумя воронами, одного из которых он научил приветствовать себя, а другого - Антония, уже упоминалась (с. 119). Есть и другая подобная история. Один бедный греческий поэт имел привычку подкарауливать его, когда он выходил из дома на форум, с хвалебными эпиграммами, чтобы сунуть ему в руку. Некоторое время Август не обращал на это внимания, но однажды, увидев протянутую неизбежную скрижаль,

взял ее и торопливо нацарапал на ней свою собственную греческую эпиграмму. Поэт по голосу и виду был вне себя от восхищения и, подбегав к императорскому седалищу, протянул ему несколько пенсов, воскликнув: "Клянусь небом тобой, Август, если бы у меня было больше, я бы отдал их тебе!" Все засмеялись, и Август приказал своему управляющему выдать ему солидную сумму денег.

Любопытно, что, хотя Августа не трогали грубые реплики или оскорбительные речи, он проявлял большую чувствительность к нападкам, которые принимали форму пародий и эпиграмм. В некоторых случаях он заходил так далеко, что опровергал их в эдикте. Но он использовал "эдикт" как средство общения с горожанами и провинциалами на самые разные темы, например, чтобы объяснить, с какой целью он установил бюсты выдающихся людей, или чтобы обратить внимание на то, что он считал полезным в древних писателях. При этом он остерегался не только оскорбительных стихов, но и того, чтобы стать объектом поэзии или истории, сочиненной некомпетентными людьми. Прежде всего, он не должен был выглядеть смешным из-за остроумных нападков или неуклюжих похвал. Призовая поэма или декламация были для него отвратительны, и прокураторам было поручено не допускать публичного использования его имени в подобных сочинениях. С этой чувствительной утонченностью вкуса можно связать простоту его манер и образа жизни.

Резиденции Августа.

Дворец Августа, хотя и находился в окружении величественной группы, сам по себе не был масштабом, приближающимся к огромным сооружениям более поздних императоров. Сначала он, по-видимому, занимал скромный дом недалеко от форума, который когда-то принадлежал оратору Лицинию Кальву, умершему в 47 г. до н.э. Затем он купил участок на Палатине, чтобы возвести новый дом; но в 36 г. до н. э., после окончательного поражения Секста Помпея, сенат предоставил ему дом Гортензия. В одной из комнат этого дома он спал летом и зимой до конца своей жизни, хотя иногда, когда ему нездоровилось, он проводил ночь в доме Мекенаса на Эсквилине, который считался более здоровым. Получив этот дом от сената, он посвятил уже купленный участок храму Аполлона и его библиотекам, которые вместе с перистилем были заполнены самыми ценными образцами греческого искусства, и в которых под статуей Аполлона работы Скопаса хранились сивиллины в золоченых шкатулках. В 12 г. до н. э., став понтификом Максимом, он построил между этими зданиями и своим домом небольшой храм Весты, чтобы сохранить традицию проживания понтифика рядом со святилищем Весты на форуме, а официальную резиденцию понтифика он передал самим весталкам. Впоследствии дом Гортензия был частично разрушен пожаром и отстроен с еще большим великолепием, причем в дело пошел соседний дом, некогда принадлежавший Катилине; но даже тогда он был скромнее более поздних дворцов. Тем не менее, вход в него был заметно отмечен лаврами, гражданской короной и позолоченными щитами, которые были установлены здесь по решению сената с 27 года до н.э. Кроме этого города-дома, который и по сей день служит названием для королевской резиденции, у него, конечно, были различные виллы в разных частях Италии. Но они были немногочисленны по сравнению с тем количеством, которое, как мы знаем, принадлежало вельможам в конце республики. Одна из них находилась у девятой вехи Фламинского пути, называвшейся *ad gallinas*, в саду которой росло лавровое дерево, из листьев которого Август делал гирлянду, празднуя свои триумфы; это стало традиционной привычкой последующих императоров. Другие места вблизи Рима были выбраны за их прохладу и здоровое положение - Ланувий в двадцати милях от города на возвышенном отроге Альбанских гор, "холодный Пренесте" в двадцати пяти милях и "покатый Тибур" примерно в двадцати милях от него. Однако это были пригородные резиденции, не дававшие возможности укрыться от общества или бизнеса.

Они были полны римских вилл,[282] а в храме Геркулеса в Тибуре он часто заседал, чтобы вершить правосудие. Когда ему удавалось устроить себе настоящий отпуск, он предпочитал плавание на яхте среди островов Кампанского побережья. Для одного из них (Энария) он взял в обмен у муниципалитета Неаполя прекрасный Капрей, которому суждено было получить большую известность при его преемнике. Он называл его или какой-нибудь небольшой остров в бухте своим "замком безделья"[283] Его виллы были скромного масштаба. Он очень не одобрял огромные загородные дворцы, которые входили в моду, и заставил свою внучку снести один из них, который она строила.[284] В начале жизни его обвиняли в экстравагантности в отношении богатой мебели и антикварных бронзовых изделий. Однако впоследствии он, похоже, избавился от этой слабости. Мебель его вилл была предельно проста, в них не было дорогих картин и статуй, но сады были тщательно разбиты с террасами и кустарниками и обычно украшены различными диковинками, как, например, в Капрее - огромными костями кита.

Его стол был прост, а ужины никогда не были долгими. Он тщательно подбирал компанию, но умел делать изящные уступки в отношении ранга своих гостей, когда того требовал случай. Вина он пил немного, и, как правило, не самых лучших сортов; но он прилагал все усилия, чтобы поддержать разговор и вытянуть молчаливых и застенчивых. Иногда он приходил поздно и уходил рано, не прерывая вечера; иногда разговаривал вместо еды, принимая свою простую пищу до или после трапезы. Прежде всего, он, похоже, не перенял часто упоминаемую Цицероном и особенно характерную для Юлиев привычку читать и отвечать на письма за столом. Обед, как правило, был семейным, и на нем всегда присутствовали его юные внуки. Иногда беседу разнообразили декламаторы, чтецы, актеры или профессора философии. Но во время Сатурналий и других праздников тишина и благопристойность этих трапез уступали место духу времени. Стол был лучше обставлен, император одаривал гостей всевозможными подарками или развлекался тем, что устраивал своеобразный слепой аукцион, выставляя на торги лоты разной стоимости, которые гости выставляли на торги, не зная, что именно они покупают. В таких случаях разрешалось играть в кости, хотя на семейных праздниках император старался не проигрывать и не отдавать выигрыш, а иногда заранее выдавал каждому члену партии сумму денег, на которую можно было сделать ставку. Но азартные игры привлекали его во все времена жизни, и настоящие азартные игры не ограничивались праздничными днями. Он не скрывал этого, и мы не слышим ни о каких крупных проигрышах или выигрышах. Светская жизнь в Риме начиналась рано утром, гости на пир приходили вскоре после рассвета, а магистрату иногда приходилось вставать сразу после полуночи, чтобы снять знамения или совершить какой-нибудь другой религиозный обряд. Но поскольку Август работал до поздней ночи и не любил спать, ранний подъем был для него мучительным и приводил к тому, что он быстро засыпал в своем седалище. Если ночные обязанности становились настоящими, он принимал меры предосторожности и ночевал в какой-нибудь ночлежке неподалеку. Но его обычной привычкой было работать до полудня, а затем после легкого обеда или прандиума, часто состоявшего из хлеба и нескольких виноградин, спать некоторое время, полностью одевшись. Закончив утренние дела и приняв ванну, он ужинал (сена) между 3 и 4 часами, хотя такие занятые люди, как император, часто переносили его на 6 или 7 часов; после ужина он шел в свой кабинет и там заканчивал то, что осталось от дневной работы, свои записи и счета, сидя или откинувшись на кушетке далеко за полночь. О том, сколько труда он уделял своим служебным делам, свидетельствует состояние готовности и полноты, в котором были найдены после его смерти различные таблицы финансов империи и армии, а также книга политических сентенций. В ранней юности он занимался литературой и написал трагедию на греческий манер под названием "Аякс"; но, придя более поздним годам, чтобы оценить ее ценность, он уничтожил ее, а когда какой-то друг или льстец спросил о ней, сказал: "Аякс упал на свою собственную

губку"[285] Он также написал мемуары о своей жизни, но они были прерваны его тяжелой болезнью после Испанской войны (25-3 гг. до н. э.) и никогда не возобновлялись. Они были использованы Суетонием и другими авторами, как и сборники его писем, эдиктов и речей, но не сохранились. Сохранилась лишь одна из его эпиграмм, о которой я расскажу далее. Эти литературные экскурсы, никогда не бывшие очень серьезными, похоже, прекратились с возрастом. В третьей книге своих "Од" (написанных между 30-25 гг. до н. э.) Гораций говорит о Музах, что "они дают отдых высокому Сезару, когда он размещает свои войска в зимних кварталах и ищет отдыха от трудов"[286], но в четвертой книге (13-12 гг. до н. э.) он обращается к государственному деятелю, завоевателю и реформатору, а не к литератору. Послание, адресованное Августу в 12 г. до н. э., хотя и посвящено литературной критике и явно поддерживает известную нелюбовь императора к теме низких писателей, хотя и рассказывает о его многочисленных занятиях и тепло хвалит его за успешные достижения, не содержит ни слова, ни намека на авторство. [Княжение было очень трудоемкой профессией, поглощавшей все его силы и занимавшей все его время, и хотя он мог наслаждаться обществом литературных людей, депеши, указы и государственные бумаги теперь были пределом его литературных амбиций.

Тяжелая работа, связанная с его высоким положением, выполнялась в условиях болезненного состояния здоровья. Помимо по меньшей мере четырех серьезных болезней [288], о которых мы слышали, он был подвержен периодическим недомоганиям, обычно повторявшимся в начале весны и осени. Вскоре после 30 г. до н. э. он отказался от боевых упражнений в Кампусе, затем от менее утомительных игр с мячом и, наконец, ограничился тем, что выходил из своего седалища на короткие пробежки или прогулки. С возрастом его единственными развлечениями на свежем воздухе (за исключением яхтинга), похоже, были рыбалка и игры с маленькими детьми.

В последние годы жизни он отказался от посещения римского общества. В начале своего княжества он свободно ужинал, и не всегда в избранной компании. Похоже, он был склонен к вульгарному миллионеру, возможно, потому, что мог рассчитывать на вклад в общественные дела, которые были ему по сердцу. Он не ожидал пышных развлечений и довольствовался вином, которое ему давали в округе, но при этом не любил, когда с ним обходились без лишних церемоний. Одному человеку, который устроил ему показной обед, он сказал, уходя: "Я и не знал, что являюсь вашим близким другом". Временами ему также доводилось представлять императору некоторых из этих *новых богачей*, как в знаменитом случае с Ведием Поллио. У этого человека был пруд с миногами, которых он кормил мясом. Однажды, когда он развлекал Августа, виночерпий уронил ценный хрустальный кубок, и его хозяин приказал немедленно бросить его к миногам. Август попытался его выпросить, но когда Поллио отказался, он перестал умолять; приняв императорский вид, он приказал принести в комнату и разбить все кубки того же рода в доме, а также все другие, имеющие ценность. Лициний, хваткий прокуратор Галлии, был еще одним из этих богатых вульгарных людей, с которыми Август был несколько слишком близок и ожидал в обмен на эту честь больших пожертвований на свои дела. Однажды он даже позволил себе изменить цифру в векселе, присланном им, чтобы удвоить сумму. Лициний ничего не ответил, но в следующий раз прислал записку следующего содержания: "Я обещаю оплатить расходы на новую работу - все, что пожелает ваше высочество".

Остроумие редко бывает добрым, и некоторые из приписываемых ему реплик не всегда являются исключением из правил. Горбатому адвокату, который умолял его и часто повторял выражение: "Если вы считаете, что я в чем-то не прав, пожалуйста, исправьте меня", он ответил: "Я могу дать вам совет, но я не могу *исправить* вас". Одному офицеру, который

слишком суетился по поводу своих заслуг и постоянно указывал на уродливый шрам на лбу, он сказал: "Когда убегаешь, не стоит оглядываться назад". Более добродушными являются следующие высказывания. Молодому префекту, которого отправляли домой из лагеря за плохое поведение и который восклицал: "Как я могу вернуться домой? Что я скажу отцу?", он ответил: "Скажи ему, что я тебе не понравился". Другому, которого кассировали и который умолял дать ему обычную пенсию за выслугу лет, чтобы люди думали, что он оставил службу обычным образом, он сказал: "Ну что ж, выдайте, что вы получили деньги; я не скажу, что я их не платил".

Хотя он был приветлив со всеми, не был ни недобрым, ни неразумным хозяином для своих рабов, ни покровителем для своих вольноотпущенников, он был в достаточной степени человеком своего возраста, чтобы не колебаться в применении жестоких наказаний за некоторые проступки. Секретарю, взявшему взятку за разглашение конфиденциальной бумаги, он приказал переломать ноги. Любимый вольноотпущенник был вынужден покончить с собой, будучи уличенным в интригах с римскими замужними дамами. Личных слуг своего внука Кая, которые воспользовались его болезнью и смертью, чтобы обогатиться в провинции Сирия, он приказал бросить в море с привязанными к ногам гирями.

После окончания гражданских войн почти не осталось примеров крайней суровости по отношению к тем, кто был его друзьями. Возможно, Мурена умер до суда, хотя его товарищ по заговору был предан смерти. Корнелий Галл, первый префект Египта, покончил с собой, не выдержав обвинений, выдвинутых против него, и явной враждебности сената; но Август не пожелал этого и со слезами на глазах воскликнул, что ему тяжело быть единственным человеком, который может не гневаться на своих друзей без того, чтобы дело не зашло дальше, чем он намеревался. Холодность, возникшая между ним и его министрами Агриппой и Мекенасом, была лишь временной и никогда не была очень серьезной. Он глубоко сожалел об их утрате после смерти. О его отношении к дочери и внучке, а также к их ухажерам мы поговорим в другой главе. Но ни в отношении этих лиц, ни в отношении заговорщиков против его жизни он никогда не поступал так, чтобы современники сочли его жестоким.

Эти анекдоты об Августе не наводят на мысль о его героической фигуре, быстром уме или большой душевной теплоте. Они скорее указывают на то, что я считаю более правдивой картиной: холодный и осторожный характер, не лишенный доброты и чувства юмора, но в то же время такой же неизбежный и не тронутый жалостью или угрызениями совести, как сама природа. Никто не обвиняет его в том, что он пренебрег или поторопился с выполнением какой-либо задачи, которую должен был выполнить. Но ни друг, ни родственник, ни министр никогда не оказывали на него реального влияния. Он отдает приказы, и все они подчиняются инстинктивно, без возражений и, как правило, с успехом. Он для всех них - провидение. Под его рукой все удается. Он не солдат, хотя и узнает его, когда видит, но все народы земли ищут его дружбы. До последнего десятилетия его жизни ни одна серьезная неудача не постигла его армию; дома все противодействие таяло, как исчезают трудности на дороге или курсе перед умелым водителем или рулевым. Он не был богоподобным, но в его облике чувствовался спокойный успех, который поколебал волю людей и пробудил в них благоговение.

ГЛАВА XII РЕФОРМАТОР И ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Quid leges sine moribus

vanæ proficiunt?

Самые ранние реформы в империи.

Деятельность Августа как реформатора в городе и Италии, а в значительной степени и в провинциях, была связана с установлением его конституционного положения в 23 г. до н. э., после чего изменения в нем были, как правило, последовательными и касались деталей. Но началось все задолго до этого. В 36 г. до н. э. он принял эффективные меры по подавлению разбойничьих нападений, которые доходили по своей дерзости почти до самых ворот Рима. В 34-3 гг. до н. э. Агриппа под его влиянием начал улучшать водоснабжение Рима, восстановив Аква Марция; очистил и расширил клоаки, отремонтировал улицы и начал многие важные постройки. В 31 г. до н. э. мы имеем свидетельства того, что Август обратил свое внимание на детали управления в провинциях,^[289] а в следующем году, при переселении в Азию, он вернул Самосу, Эфесу, Пергаму и Троаде произведения искусства, которые Антоний забрал у них, чтобы подарить Клеопатре.^[290] В 28 г. до н. э. были приняты меры по облегчению положения государственных должников и установлен срок, по истечении которого имущество, находившееся в фактическом владении, не могло быть потревожено судебным разбирательством.

Август в роли сенатора.

Фотография со статуи в галерее Уффици, Флоренция.

Лицевая сторона страницы 212.

Дороги и полицейские патрули, 27 г. до н. э.

Первой потребностью страны была безопасность. О том, как трудно было ее обеспечить и как плохо сенаторское правительство в конце Республики справлялось с этим злом, говорит тот факт, что остатки банд Спартака и Катилина в 61 г. до н. э. все еще продолжали нападать на округ Турий. Несмотря на репрессивные меры 36 г. до н. э., которые, по-видимому, были успешными в непосредственной близости от Рима, в конце гражданской войны вооруженные банды все еще открыто появлялись в различных частях Италии, захватывали и уводили путешественников, заключали их в рабские бараки, или *эргастулы*, или отдавали их на выкуп. Изначально *эргастулы* были тюрьмами для рабов, в которых содержались непримиримые рабы, которые днем работали в цепях, а на ночь закрывались в отдельных камерах, часто под землей или освещались только окнами, расположенными высоко и недоступными для заключенных. В некоторых частях Италии, в основном на севере, они не были известны, и закованные в цепи рабы не использовались; но в других частях они были многочисленны и представляли собой удобные укрытия. Главное злоупотребление, связанное с ними, заключалось в том, что свободные люди могли быть унесены и спрятаны в них, как рабы, в то время как они предоставляли вождю восстания удобные источники для привлечения рекрутов; несчастные заключенные были слишком готовы присоединиться к любому, кто давал им надежду на свободу и освобождение из этих ужасных нор. Поэтому о пересмотре *эргастулов* можно было слышать постоянно, пока они не были окончательно упразднены Адрианом. Среди мер по пресечению разбойничества, принятых сейчас, было посещение этих мест. Это делалось не из милосердия к рабам. Август, хотя и относился к собственным рабам с добротой, придерживался самых суровых римских взглядов на абсолютную власть хозяина и хвастался тем, что после войны с Секстом Помпеем передал 30 000 рабов, служивших врагу, их хозяевам "для наказания"[291]. Когда мы вспоминаем, что означало "наказание" римского раба, трудно без ужаса думать о сумме человеческих страданий, которую это подразумевало.

Великие дороги Италии обеспечены.

Однако более эффективной и постоянной мерой было обеспечение безопасности дорог и их приспособление к быстрым военным передвижениям. В 27 г. до н. э. была создана система дорожных комиссий (*curæ viarum*), в рамках которой комиссары (*curatores*) назначались для надзора за каждой из больших дорог, ведущих из Рима в различные части Италии. Сначала эта обязанность обычно возлагалась на людей, добившихся триумфа, и сам Август, после своего тройного триумфа, взял на себя *via Flaminia*, великую северную дорогу из Рима в Ариминум на Адриатике, от которой ответвлялись другие дороги через долину По и к альпийским перевалам. Дорога была заново вымощена, мосты отремонтированы, а завершение работ было ознаменовано сохранившейся аркой в Римини с частично уцелевшей надписью.[292] Для большей безопасности в удобных местах вдоль дорог были расставлены военные пикеты, что положило конец разбойничьим нападениям.

В тесной связи с дорогами находились двадцать восемь военных колоний, основанных Августом в Италии. Семь из них располагались вдоль линии Фламиния или рядом с ней; одна из них (Бонония) находилась в месте схождения главных дорог на Рим. Другие охраняли входы в альпийские перевалы или дорогу через Венецию в Истрию, которую Август включил в состав Италии, а еще одна группа защищала главные дороги через Кампанию. Таким образом, эти колонии были не только центрами лояльности к империи, но и служили для поддержания открытых великих путей. Целью разделения Италии на одиннадцать областей, точная дата которого неизвестна, было, вероятно, проведение переписи населения и связанное с ней налогообложение, но также и другие административные цели, например,

регулирование военной службы молодых людей в каждой из них.[Регионы следовали естественному делению страны и национальностей, но о важности дорог в связи с ними говорит тот факт, что вскоре они стали известны во многих случаях по названию главной дороги, которая их пересекала, как, например, Эмилия, Фламиния и другие. То, что Август делал для Италии, его легаты под его руководством делали для самых важных провинций. Великие дороги - *viæ Augustæ* - прокладывались повсюду. О них свидетельствуют таблички с надписями в Далмации, Писидии и Киликии, Бетике, Северной Испании, Нарбонской Галлии и других местах.[294] Эти работы продолжались на протяжении всего его правления, но в 20 г. до н. э. он отметил свое официальное назначение главным комиссаром всех дорог, установив на форуме возле храма Сатурна столб, покрытый позолоченной бронзой, с указанием расстояния всех главных мест вдоль больших дорог от одних из тридцати семи городских ворот, от которых эти дороги ответвлялись. Основание этого *milliarium aureum* до сих пор находится на своем месте.

Коллегии.

Еще одним источником бед были *коллегии*, или гильдии. Прикрываясь интересами определенных профессий, эти гильдии использовались или считалось, что используются, для всевозможных незаконных целей. Некоторые из них были очень древними, но их так часто использовать для политического терроризма (особенно *collegia opificum*), что Сенат подавил многие из них в 63 году до нашей эры. Но вскоре после этого Клодий добился принятия закона, разрешающего их собрания, и свободно использовал их для содействия своим бунтарским действиям. Юлий Цезарь распустил все собрания, кроме самых древних и уважаемых, но во время гражданских войн они, похоже, возродились. По закону, принятому в 22 г. до н. э., Август провел их обследование. Некоторые из них были распущены, другие реформированы, а для их собраний отныне требовалась лицензия сената и императора.

Кормление города.

В самом городе первой необходимостью была еда. Он в значительной степени зависел от привозной кукурузы. Снова и снова мы слышим о голоде и голодных ценах в Риме. Народ, часто, несомненно, справедливо, полагал, что дороговизна провизии вызвана искусственными причинами. Когда Секст Помпей и его союзники рыскали по морям и набрасывались на корабли с кукурузой, причина была достаточно очевидна, и благодарность Августу за то, что он его сокрушил, была вполне естественной. Но даже когда не было такой явной опасности, внезапный рост цен часто приводил к большим бедам. В такие времена всегда было принято назначать какого-нибудь могущественного человека *præfectus annonæ* с военно-морскими силами, чтобы он мог обеспечить кукурузным флотам свободный проход в Италию, выгружать грузы без затруднений и продавать их по умеренным ценам. Известным примером этого было назначение Помпея в 57 году до нашей эры. Но в менее беспокойные времена назначался отдельный комиссар для наблюдения за несколькими местами экспорта кукурузы - Сицилией, Сардинией и Африкой. Это были не очень достойные должности, и Брут и Кассий в 44 г. до н. э. рассматривали свое назначение на них как оскорбление. Но помимо опасностей моря и пиратов некоторые купцы придумали способ искусственного повышения цен, который практиковался задолго до этого в Афинах. Они делали из кукурузы то, что мы называем "углом". Они либо скупали ее и не пускали на рынок, либо придумывали различные способы задержать корабли и посеять панику среди торговцев. Как и в любой другой ситуации, народ обратился за помощью к Августу, и в 22 году до н. э. умолял его принять должность *præfectus annonæ*, "главного комиссара рынка кукурузы". Отказавшись от предложенной ему диктатуры, он в то же время со страстной горячностью принял эту должность; и закон, который он заставил принять сейчас или

некоторое время спустя, показывает, насколько необходимым было вмешательство государства. По этому закону наказывался каждый, "кто делал что-либо, чтобы помешать поставке кукурузы, или вступал в какую-либо комбинацию с целью повышения ее цены; или кто препятствовал плаванию кукурузного корабля, или делал что-либо по злему умыслу, чтобы задержать его плавание"[295].

Раздача кукурузы бесплатно или по цене ниже рыночной.

Но помимо свободного и беспрепятственного рынка кукурузы римское население уже давно искало и другое средство поддержки - раздачу кукурузы либо совсем бесплатно, либо по цене значительно ниже рыночной. Отдельные примеры такой практики встречаются в ранней истории Рима: иногда кукуруза поступала в качестве подарка от какого-нибудь иностранного государя, иногда раздавалась по частной либеральности. Мудрая часть сената всегда возражала против этой практики, обвиняя дарителей в попытке установить тиранию. Трибуну Гаю Гракху было поручено превратить ее в систему (122 г. до н. э.). С его времени почти все магистраты подчинялись этому как само собой разумеющемуся. Сулла, правда, похоже, на время приостановил ее действие, но первой мерой последовавшей за его смертью контрреволюции стало ее восстановление. Юлий Цезарь ограничил ее для граждан, не достигших определенного уровня переписи, но у него не хватило смелости отменить ее. По сути, это была своего рода помощь бедным, но самого худшего сорта. Она не только побуждала множество праздных и бесполезных людей предпочитать шансы городской жизни труду в деревне, но и неестественно снижала цены на кукурузу, а значит, отталкивала италийского фермера, уже почти разорившегося из-за конкуренции с иностранной кукурузой; истощала казну и, в конце концов, не приносила облегчения бедным. Ливий считает ее одной из причин, лишивших Италию свободных земледельцев и оставивших всю работу рабам. Цицерон всегда осуждал ее на тех же основаниях, а Аппиан указывает, как она приводила в город неимущих, беспечных и праздных людей.[296] Кроме того, эта система допускала грубые злоупотребления: рабов манумилировали, чтобы они могли взять свою долю, по договору передав ее своим прежним хозяевам. Август видел, что при таких раздачах несправедливо поступают как с крестьянами, так и с купцами, и что сельское хозяйство в Италии от этого приходит в упадок. В своих мемуарах[297] он говорит, что в свое время почти решил положить конец этой практике, но воздержался от этого, так как был уверен, что необходимость добиваться расположения населения побудит его преемников восстановить ее. Какими бы необоснованными ни были эти рассуждения, для человека его положения было бы, несомненно, героическим поступком выполнить наполовину принятое решение. На самом деле его раздачи были очень масштабными, а в тяжелые времена и вовсе безвозмездными. *Тессера*, или билеты, дающие право на определенное количество кукурузы или денег, раздавались снова и снова. Стоимость билетов на кукурузу обычно определялась из *фиска* или частных доходов; но это, в конце концов, было лишь вопросом счета, он никак не влиял на экономические или моральные результаты.

Государственные займы.

Более эффективной мерой экономии была система государственных займов. Сразу после окончания гражданской войны передача в римскую казну огромного богатства в деньгах и драгоценностях Птолемеев в Александрии привела к снижению цены денег и, соответственно, к росту денежной стоимости земельной собственности. По крайней мере, на некоторое время общая процентная ставка упала с 12 до 4 процентов. Август воспользовался этим положением вещей, чтобы облегчить положение землевладельцев, оказавшихся в

затруднительном положении, ссужая им деньги без процентов, если они могли предъявить в качестве гарантии возврата долга имущество вдвое большей стоимости.

Тибр.

Были и другие реформы, не менее полезные. Среди множества учрежденных им комиссий (*curæ*) была одна для надзора за общественными работами, которые, таким образом, не зависели бы от частной благотворительности; другая - за улицами, водоснабжением и, прежде всего, Тибром. Рим был, как и сейчас, чрезвычайно подвержен наводнениям. Совсем недавно в Пантеоне было пять или шесть футов воды, а в 27 г. до н. э. подъем Тибра был настолько серьезным, что нижние части города были засыпаны, и авгуры объявили это предзнаменованием всеобщего распространения власти нового *принцепса*. В 23 г. до н. э. он снес *pons Sublicius*.^[298] Он, конечно, не мог предотвратить эти наводнения, но дал некоторое облегчение, вычерпав и расширив русло реки, которое было завалено мусором и сужено посторонними людьми. Созданная таким образом комиссия оставалась важной на протяжении многих поколений, но в 8 г. до н. э. он сам возглавил это дело.

Пожарные команды.

Опасность в Риме, более частая и не менее грозная, чем наводнение, - пожары. Пожары случались так часто, что были приняты самые строгие законы против поджогов, которые, кажется, даже карались сожжением заживо. В 23 году до н. э. Август создал своего рода пожарную бригаду из государственных рабов под управлением курульных эдилов. Но старые магистратуры больше не были объектом желания, и было трудно найти энергичных людей для их заполнения, что стало одним из главных пятен в новой имперской системе. Во всяком случае, в этом случае они не были признаны эффективными, и в последние годы его правления (6 г. н.э.) была сформирована новая бригада из четырех подразделений из вольноотпущенников с конным префектом, которые оказались настолько эффективными, что стали регулярно создаваться.

Сивиллины и священные коллегии.

Еще одной частью плана Августа по переустройству общества было возрождение влияния Священных коллегий и братств, а также обновление церемоний, с которыми они были связаны. Одним из способов сделать это было самому стать их членом, подобно тому как король Англии является сувереном всех орденов. Так, согласно *Monumentum* (гл. 7), он был понтификом, авгуром, квиндецемвиром религиозных обрядов, септемвиром эпулонов, арвальским братом, фетиалом и содалисом Тицием. Он также не был лишь почетным или праздным членом. Он посещал их собрания, участвовал в их делах и обрядах, которые они собирались совершать. Так, его принадлежность к братьям Арвалам зафиксирована в сохранившихся *актах*; в качестве фетиала он объявил войну Клеопатре. Коллегия жрецов *sodales Titii*, существовавшая с незапамятной древности, почти исчезла, пока вступление Августа в ее состав не возродило их и их ритуал. Он не только присоединился к этим коллегиям, но и возродил и даже увеличил их жертвоприношения,^[299] и, прежде всего, жертвоприношения шести весталок, которым он подарил *Регию*, некогда официальную резиденцию понтифика Максима, и поместье в Ланувииуме. Восстановление коллегии Луперчи, которая 15 февраля отмечала старинную церемонию "избиения границ" почти с самого основания города, было делом более или менее политическим. Коллегия вышла из моды, и на ее церемонии стали смотреть как на недостойные. Юлий Цезарь возродил и вновь одарил их. Именно по этой причине сенат в период реакции после его смерти лишил их этих даров, которые теперь восстановил Август. Мы уже отмечали, что он возобновил *augurium salutis*, старую церемониальную молитву в начале года, которую можно было произносить

только в мирное время. Он также побудил кого-то принять должность *flamen Dialis* в 11 г. до н. э., которая оставалась вакантной с 87 г. до н. э., поскольку ограничения, в которых находился ее обладатель, были столь многочисленны и утомительны, что, несмотря на все достоинства должности - место в сенате, кресло курула и ликтора, - никто не хотел ее принимать. Он снова приложил усилия, чтобы вернуть Сивиллиным книгам их прежнее значение. Оригиналы были утеряны во время пожара 82 года до н. э., и сразу же было дано поручение собрать другие из городов Греции и греческой Италии. Но некоторые из них стали неразборчивыми от возраста, а некоторые были сомнительной подлинности, и поэтому в обращение попали всевозможные пророческие стихи, порождавшие порой нежелательные слухи и панику. Август в 18 году до н. э. приказал переписать их и отредактировать, после чего авторизованное издание было помещено в его новый храм Аполлона на Палатине и продолжало использоваться до конца III века. После попытки Юлиана возродить ее авторитет она была окончательно сожжена Стилихоном около 400 г. н.э.

Понтифекс Максим.

Как один из квиндецемвиров Август ведал этими книгами, но официально он возглавил римскую религию, став понтификом Максимом. Он был избран и рукоположен на этот пост в марте 12 года до н.э. Народ хотел, чтобы он занял его в 30 г. до н. э., но он не стал нарушать традиционное и священное правило, согласно которому этот пост был пожизненным, и хотя Лепид был выведен из триумvirата в 36 г. до н. э., он все еще оставался Pontifex Maximus. Правда, ему не разрешалось выполнять ни одну из обязанностей, или только те, которые носили самый формальный характер, но все же он занимал этот пост. Основанием для того, чтобы попросить Августа занять его, было то, что избрание Лепида было незаконным; он успел занять этот пост во время неразберихи, последовавшей за убийством Цезаря, и поэтому мог быть смещен. Однако Август ставит себе в заслугу скрупулезное соблюдение религиозных правил, и его особенно радовали толпы людей, которые приходили голосовать за него - своего рода церковная коронация[300].

ludi sæculares, 31 мая - 2 июня 17 г. до н. э.

В 17 г. до н. э. он придал особое значение некоторым из этих религиозных возрождений, отпраздновав *ludi sæculares*, столетний юбилей города, в силу некоторых стихов, найденных в этом томе Сибиллы. Нам не нужно беспокоиться о том, правильно ли он рассчитал год (*sæculum* действительно составлял 110 лет), достаточно отметить, что они должны были, подобно столетию колледжа или университета, вызывать патриотические и лояльные чувства, которые должны были охватывать как страну, так и ее религию. Они интересны для нас тем, что Хорас - всегда готовый содействовать целям своего хозяина - был выбран для написания гимна или оды, которую должен был исполнить хор из двадцати семи мальчиков и двадцати семи девочек. Надпись, найденная в 1871 году в русле Тибра, содержит официальную программу этого фестиваля и заканчивается словами *Carmen composuit Q. Horatius Flaccus*. [301] Поэт, вероятно, имел перед собой, когда писал ее, общую схему фестиваля, которая включала торжественные жертвоприношения и молитвы Юноне, Диане, Юпитеру и Илтии. Август и Агриппа принимали главное участие в религиозных церемониях - как члены квиндимвира - и оба повторяли молитвы, которые в случае всех этих божеств призывали благословение на "Populus Romanus Quiritium". Короче говоря, было сделано все, чтобы отметить этот праздник как национальный, заставить римлян вспомнить о своем славном наследстве и уникальном положении, и в то же время показать, что *princeps* представляет это величие перед богами и людьми. Что бы Август ни думал о национальной религии, он, очевидно, считал ее самой надежной связью национальной жизни, а включение молитвы Илтии, богине деторождения, в сочетании с его современной попыткой

поощрить брак и рождение детей (которую повторяет послушный Гораций[302]), показывает, что он также связывал эту религию с моралью. Восстановление религии, по его мнению, фактически идет бок о бок с очищением нравов. Это взгляд практичного государственного деятеля на религию как на необходимую полицейскую силу и, возможно, нечто большее. Наполеон с такой же проницательностью восстановил католическую церковь во Франции, и народ благословил его, как и Августа, за то, что он вернул им *le bon Dieu*.

Реформация нравов.

Но положение вещей требовало, по его мнению, не только религиозного возрождения, но и более строгих законов. Гораций снова отражает взгляды своего господина в процессе создания, прежде чем они найдут выражение в действии. Шестая ода первой книги (написана около 25 г. до н. э.) присоединяет к необходимости восстановления храмов и возвращения к религии предупреждение о расшатывании нравов, проследившая прогресс в пороке молодой девушки и жены при постыдном попустительстве заинтересованного мужа, и восклицает: "Не от таких родителей, как эти, произошел юноша, окрасивший море пунической кровью, сокрушивший мощь Пирра и великого Антиоха и Ганнибала, бича Божьего". В двадцать четвертой оде той же книги, также написанной около 25 года до н. э., он горячо призывает вернуться к старой морали и обещает бессмертие тому государственному деятелю, который ее обеспечит: "Если найдется тот, кто захочет остановить неестественное кровопролитие и гражданскую ярость, если найдется тот, кто захочет, чтобы на его статуе был начертан титул "Отец городов", пусть он скрепя сердце обуздает разнузданность. Это будет имя на века!" И когда Август выполнит решение, к формированию которого поэт был посвящен, он скажет ему десять лет спустя, что благодаря его присутствию семейная жизнь очистилась от грязных пятен, что он обуздал разврат эпохи и вернул прежнюю мораль.[303] Это он представит как результат законодательства императора, *lex marita* светского гимна.

Именно после возвращения с Востока в 19 г. до н. э. Август впервые получил цензорские полномочия на пять лет. Была ли это определенная должность - *præfectura moribus* или *regimen morum*, как утверждают Дио и Суетоний, - не имеет особого значения. Эксперимент с назначением цензоров обычным способом был в последний раз опробован в 22 г. до н. э. и не увенчался успехом, а предоставленная теперь Августу *ensoria potestas* практически передала в его руки тот контроль над поведением частных граждан, который цензоры осуществляли благодаря своему праву налагать на них "бесчестье". Древнее цензорское клеймо применялось к нарушениям почти во всех сферах жизни, но оно зависело от воли самих цензоров, а не от законов. Чувствуя теперь прямую ответственность за нравы и общие привычки граждан, он начал серию законодательных мер, направленных на подавление экстравагантности и распутства, а также на поощрение брака и семейной жизни, которые должны были иметь постоянную силу. Он верил в то, что внешние, даже тривиальные, проявления свидетельствуют о растущей распущенности; например, он сделал так, чтобы мужчины появлялись на форуме и на официальных мероприятиях в старой римской тоге. Более легкая и удобная *лакерна* или *паллиум* были в его глазах столь же отвратительны, как и костюм из фланели, который показался бы современному солдафону в парке или на параде.[304] Прежде всего, римляне должны были быть национальными, в одежде не меньше, чем в других отношениях.

Сумбурные законы.

Но неудача, которая всегда сопровождает подобные постановления, была не менее неизбежной в отношении первой из его новых реформаторских мер, его законов о

суммировании, регулирующих точную сумму, которую было законно тратить на *села* в обычные дни, на праздниках и на свадебных пирах, или *repotia*, которую жених давал во второй половине дня после свадьбы. Это не было чем-то новым. На протяжении всей римской истории его пытались применять в разные времена. Начиная с очень древнего закона, регулирующего количество серебряных тарелок, которыми мог законно владеть каждый мужчина, арендную плату за дом и положения Двенадцати таблиц, мы имеем законы третьего и второго веков до нашей эры, ограничивающие стоимость платья и драгоценностей для женщин, количество гостей, которых можно принимать на банкетах, и сумму, которую можно на них потратить. У Суллы среди прочих законов был и закон о роскоши того же рода. Но Юлий Цезарь пошел дальше всех в 46 году до н.э. Он не только регламентировал стоимость мебели и драгоценностей в зависимости от ранга владельцев и суммы, которые должны быть потрачены на стол, но и отправил агентов на провиантские рынки, которые конфисковывали все лакомства сверх установленной цены, и даже входили в частные дома и убирали со стола блюда. Конечно, такие меры были не только раздражающими, но и неэффективными. Сразу после его отъезда из Рима правилами стали пренебрегать. В нашем собственном своде законов есть множество подобных законов, которые быстро стали мертвой буквой. Практически единственным и постоянным следствием старых законов о роскоши было создание настроения против больших и многолюдных званых обедов как вульгарных.^[305] Не лучше обстояли дела и у Августа. В конце своего правления он издал эдикт, расширяющий законную сумму, которую можно было тратить на банкеты, надеясь добиться некоторого повиновения закону. Но ничто из того, что мы знаем о последующей жизни Рима, не позволяет нам думать, что эта форма отцовского правления - хотя она вполне соответствовала римским идеям - когда-либо достигала своей цели. Человеческая природа оказалась сильнее политической теории.

Юлианские законы о браке, прелюбодеянии и разводе.

Законы, принятые примерно в то же время,^[306] о браке, разводе и родственных вопросах, также не были намного эффективнее. Частично они повторяли правила, которые всегда признавались и которым всегда не подчинялись, а поскольку они не наказывали за преступление, а пытались принудить к браку, им постоянно сопротивлялись или от них эффективно уклонялись. Они состояли из ряда постановлений - независимо от того, считаем ли мы их отдельными законами или главами одного закона - для ограничения прелюбодеяния и либитинажа, для регулирования развода и для поощрения брака всех сословий.^[307] Они были приняты в 18-17 гг. до н. э. и дополнены законом от 9 г. н. э., который называется *lex Papia Poppæa*. Текст ни одного из них не сохранился, и мы вынуждены доверять разрозненным упоминаниям в поздних юридических трудах. Их можно условно разделить на ограничительные, штрафные и бенефициальные. К первым можно отнести постановление о том, что ни один сенатор или член сенаторской семьи не может жениться на вольноотпущеннице, куртизанке, актрисе или дочери актера; хотя другие мужчины могли жениться на вольноотпущеннице или даже освободить раба, чтобы жениться на ней. В этом же ряду стояли и правила развода. Согласно правовой доктрине, брак, заключенный по старинной религиозной церемонии *confarreatio*, был нерасторжим, за исключением случаев прелюбодеяния жены, приговору которой к смертной казни предшествовало торжественное расторжение брака или *diffareatio*. Также было распространено мнение, что в Риме до 231 года до н. э. Карвилиус не разводился. Однако в законах Двенадцати таблиц (450 г. до н. э.) содержались положения о разводе, так что он, несомненно, был известен и раньше; возможно, правда заключается в том, что Карвилиус был первым, кто развелся со своей женой без всякого обвинения в прелюбодеянии, в этом случае ему пришлось бы дать залог для возвращения ее приданого. С тех пор религиозное

confarreatio стало крайне редким явлением. И мужчины, и женщины избегали нерасторжимых уз. В моду вошел брак *sine manu*, то есть без перехода женщины в *manus* или власть мужа. Она по-прежнему оставалась подвластной *patria potestas*, или опекуну, или была *sui iuris* в зависимости от обстоятельств на тот момент. Такие браки могли быть расторгнуты любой стороной, причем без обвинения в проступке. Общественное мнение, по-видимому, некоторое время сдерживало мужчин и женщин от использования своей свободы, но его сила неуклонно уменьшалась, пока к концу республики развод не стал настолько обычным явлением, что не вызывал особых замечаний. Это было соглашение - как в случае с Августом и его семьей - почти полностью обусловленное соображениями удобства или выгоды, и, как правило, все заинтересованные стороны оставались на дружеской ноге. Конечно, так было не всегда, когда развод был результатом неправильного поведения или, по крайней мере, проступка со стороны жены, и даже если он был результатом несовместимости нравов или денежных споров, которые оставляли после себя чувство обиды. Эта система, какой бы разрушительной она ни была для семейной жизни, слишком глубоко укоренилась, чтобы Август мог попытаться изменить ее, даже если бы он этого захотел. Его закон, похоже, касался только некоторых формальностей и условий развода, таких как необходимость присутствия свидетелей, а в случае обвинения в проступке - своего рода семейного совета или суда по расследованию, но не самой свободы развода, за исключением того, что в случае вольноотпущенницы она не могла развестись с мужем или выйти замуж снова без его согласия. Это, однако, основывалось на идее прав патрона, а не на святости брака. В остальном закон касался главным образом имущественных вопросов, запрещая мужу отчуждать имущество жены без ее согласия и вновь вводя в действие (с какими изменениями, нам неизвестно) положения о возврате приданого.

Наказания (1) за прелюбодеяние или соращение.

Уголовные законы касались (1) тех, кто был виновен в прелюбодеянии или соблазнении (*stuprum*), и (2) тех, кто оставался неженатым или без детей. В случае прелюбодеяния обе стороны наказывались высылкой (*deportatio in insulam*) и частичной конфискацией имущества. Неверность мужа не влекла за собой никаких наказаний, кроме того, что он терял всякое право на сохранение любой части приданого жены, даже в пользу детей. Но старый варварский принцип, согласно которому обиженный муж имел право убить и жену, и любовника, если тот был обнаружен им самим, сохранялся, хотя и при определенных условиях. Если он позволял виновной жене оставаться с ним, то обязан был отпустить мужчину; если же он попустительствовал прелюбодеянию в корыстных целях, то подлежал штрафу. *Ступрум* ранее определялся как насильственное удержание свободной женщины в аморальных целях и мог наказываться поркой или тюремным заключением. По иулианскому закону это понятие было распространено на соращение незамужней женщины или вдовы, которая жила целомудренно.

(2) За оставление в браке.

Наказания для тех, кто оставался незамужним до определенного возраста, были в виде прямого налога или определенных ограничений. Первый налог, под названием *ixorium*, был очень древним и взимался цензорами в 404 году до н. э., но он был легким и прерывистым; закон Юлиана возродил и увеличил его. Ограничения заключались в том, что неженатый мужчина, достигший установленного законом возраста, не мог принять наследство от наследодателя, не состоящего с ним в шестой степени родства, если он не женился в течение ста дней после получения известия о наследстве. В соответствии с *lex Papia Poppæ* (9 г. н.э.) это правило было распространено и на бездетных, которые могли принять только половину наследства от наследодателя, не связанного с ними в шестой степени

родства. Один ребенок избавлял мужчину от этого закона, три ребенка - свободную женщину, четыре - вольноотпущенницу. Опять же, бездетные муж и жена могли получить только десятую часть наследства, оставленного одним другому, хотя, если у них были дети от другого брака, десятая часть добавлялась за каждого, или если у них были дети, которые умерли. Для всех одинаково существовали многочисленные исключения, основанные на отсутствии дома на государственной службе, по возрасту или по болезни; кроме того, давалось определенное время отсрочки (*vacatio*) между достижением установленного законом возраста и фактическим вступлением в брак, или между двумя браками, или после развода.

Привилегии родителей. *ius trium liberorum*.

Бенефициальными положениями закона были те, которые освобождали женатых мужчин или женщин, а также мужчин или женщин с детьми от этих обязанностей и предоставляли им освобождение от некоторых обременительных общественных повинностей и особые почетные места в театрах. Отцы трех детей в Риме, четырех - в Италии, пяти - в провинциях также имели определенные преференции при получении должностей и работы и другие почетные отличия, например, преимущество перед коллегой в консульстве. Эта идея не была новой, так как в той или иной форме она существовала во многих греческих государствах, а в 59 году до н. э. Юлий Цезарь в своем аграрном законе отдал предпочтение отцам троих детей при распределении земли.

Оппозиция закону.

Ограничения, налагаемые на неженатых, встретили яростное сопротивление, в результате чего был введен пункт, предоставляющий трехлетнюю отсрочку между достижением установленного законом возраста и фактическим вступлением в брак. После принятия *Lex Papia Poppaea* (9 г. н.э.) император в театре или цирке был встречен громкими криками с конных мест с требованием его отмены. Говорят, что он послал за детьми Германика и поставил их в пример всем; после этого он созвал два собрания эквитов, одно из которых состояло из женатых, а другое - из холостых. На каждом из них он произнес речь, которую Дио передает или придумывает. Он с тревогой отметил тот факт, что первое собрание было гораздо менее многочисленным, чем второе. Он похвалил женатых мужчин за то, что они выполнили свой долг перед государством, но к неженатым он обратился с более длинным и горячим призывом. Он утверждал, что они наносят ущерб цели создателя, способствуют исчезновению римской расы, которую заменяют иностранцы, вынужденные принимать участие в голосовании, чтобы поддерживать численность граждан; что в своем законодательстве он лишь следовал прецеденту древних законов с усилением наказаний и поощрений, и что, хотя он признает, что брак не лишен проблем, но это относится и ко всему остальному, и они компенсируются другими преимуществами и сознанием выполненного долга[308].

Но хотя император в свое время добился своего и принял закон, который оставался в силе более трех столетий, он не принес реальной пользы морали. Его постоянно обходили, заключая выгодные браки, часто с совсем маленькими детьми. "Мужчины женятся не для того, чтобы иметь наследников, а для того, чтобы стать наследниками", - говорили в народе. И хотя Август попытался предотвратить это эдиктом, запрещавшим считать обручение, за которым в течение двух лет не последовал брак, были найдены другие способы обойти закон, что привело к проникновению шпионов и доносчиков, которые наживались, нарушая семейные тайны. Опять же, предоставление *ius trium liberorum* постепенно стало вопросом

формы, а идея превосходства супружеского состояния неизбежно исчезла с ростом некоторых христианских идеалов. Закон был отменен сыновьями Константина.

Характер Августа в свете этого закона.

Хотя между общественным и частным характером человека часто проводят грань, все же трудно примирить серьезность Августа, настаивавшего на этих законах, и его суровость в наказании за преступления такого рода с сообщениями о его личных привычках. Я уже выражал свое недоверие к рассказам о его юношеских безнравственных поступках. Суэтоний, который не щадит ни одного императора в неизбежной главе, подводящей итог его плотским грехам, утверждает, что даже его друзья не отрицают интриги его поздних лет, а лишь настаивают на том, что они велись не ради удовлетворения его страстей, а из политических побуждений, чтобы он мог получить информацию о тайных заговорах. Он не называет никаких имен и не приводит никаких доказательств; единственные имена, которые дошли до нас, - это те, что упоминаются в необычном письме Антония, оправдывающем его связь с Клеопатрой. Однако Антоний мог знать о римских сплетнях в Александрии только из вторых или третьих рук, а весь тон письма настолько безрассуден и груб, что в качестве доказательств оно мало что дает. Дио действительно упоминает жену Мекенаса. Но его утверждения не вяжутся друг с другом и не дают многого. В одном месте он рассказывает, что Август был раздражен Мекенасом, потому что тот рассказал его жене что-то о мерах, принимаемых против ее брата Мурены. В другом месте он говорит, что некоторые сплетники приписывают его поездку в Галлию в 16 г. до н. э. желанию насладиться ее обществом, не вызывая всеобщего внимания, "потому что он был так сильно влюблен в нее, что однажды заставил ее спорить с Ливией о превосходстве в красоте". Даже если бы сплетни чего-то стоили, это вряд ли похоже на тайную интригу. Не подтверждает ее и тот факт, что Мекенас после смерти оставил Августу своего наследника. Однако факт, тем не менее, может быть таковым. В другом месте Дио говорит, что Ливия объясняла свое долгое влияние на Августа тем, что всегда старалась не вмешиваться в его дела и, оставаясь сама строго целомудренной, всегда делала вид, что ничего не знает о его похождениях. Если Ливия действительно так говорила, это, конечно, было бы достаточно веским доказательством обвинений в его адрес. Но подобные изречения, в конечном счете, основаны на сплетнях и мелочах и мало на что годятся. История, рассказанная Дио и усиленная Зонарасом, о том, как Афинодор Тарсский привез себя в свои покои в крытом седане, предназначенном для какой-то госпожи, и выскочил из него с мечом в руке, а затем обратился к Августу с вопросом, не часто ли он так рискует, сама по себе не очень вероятна, и в любом случае должна относиться к временам триумвира. Около 30 г. до н. э. Афинодор был отправлен обратно управлять Тарсом. Единственная эпитафия, написанная рукой Августа и сохраненная Марциалом, [309] бесспорно, откровенна и груба, но это грубость отвращения, а не смазливости, и, на мой взгляд, это свидетельство - насколько его можно так назвать - скорее за него, чем против него. Однако если все, что Суэтоний и Дио утверждают против его средней жизни, правда, мы все равно должны помнить, что в глазах его современников, да и вообще в римском обществе, начиная с Катона и ниже, такая снисходительность сама по себе не была предосудительной. Все зависело от обстоятельств и от того, нарушались или не нарушались другие обязательства - дружба, общественный долг, семейная честь. С этой точки зрения единственным преступлением Августа было бы преступление Теренции, жены Мекенаса, если эта история правдива. Как и среди других императоров, чью жизнь написал Суэтоний, за исключением Веспасиана, характер Августа выделяется четко. Одна эпоха не может справедливо судить о другой, и нередко мы оказываемся в такой же растерянности, пытаясь примирить теорию и практику, как и объяснить жизнь Августа и Горация в сочетании с законодательством первого и моральными чувствами, иногда выражаемыми вторым.

ГЛАВА XIII

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ И СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ

Эдепол, Сенектус, если ни один квидквам

aliud viti apportes tecum, cum

advenis, unum id sat est quod diu

vivendo multa quæ non volt videt.

Ситуация в 20-17 гг. до н.э.

После восстановления штандартов и пленных у парфян в 20 г. до н. э., когда мирное урегулирование восточных провинций и подчиненных царств было завершено или достаточно начато, Август, по-видимому, считал, что большая часть дела его жизни завершена. Границы империи были урегулированы и защищены. Восточные провинции были посещены, проведены необходимые реформы и начаты грандиозные общественно-полезные работы. Он написал сенату, что империя достаточно обширна и что он не намерен увеличивать ее за счет дальнейших аннексий. Вернувшись в Рим в следующем году (19 г. до н. э.), он обнаружил, что возобновившиеся проблемы в Северной Испании были улажены или находились на стадии улаживания Агриппой. Он предложил отныне посвятить себя внутренним реформам и руководству мирными улучшениями, которые он планировал провести в провинциях. Он, несомненно, имел в виду необходимость время от времени лично посещать отдаленные части империи; но, объединив способного и надежного Агриппу с собой в трибунскую власть (18 г. до н. э.), он мог чувствовать, что у него всегда будет поддержка в управлении дома или за границей, на которую он может положиться. Именно в это время были проведены реформы и реставрации, описанные в последней главе, увенчанные национальным праздником, *ludi sæculares*, на котором он и Агриппа стояли бок о бок как глашатаи всего народа перед богами.

Однако мы уже видели, как эти мирные надежды были разочарованы. Едва закончились светские игры, как пришло известие о серьезных беспорядках в Галлии, Паннонии, Далмации и Фракии, которые привели к его трехлетнему отсутствию в Риме и долгому пребыванию в Галлии и Испании. Он вернулся в Рим лишь немногим более чем через год, когда потерял Агриппу, умершего в марте 12 г. до н. э., и был вынужден прибегнуть к поддержке Тиберия, поскольку двум его внукам было всего восемь и пять лет соответственно. Именно в 11 году до н. э. он заставил его развестись с женой Випсанией, к которой был предан, и жениться на Юлии, оставленной Агриппой вдовой. Эта перемена была крайне неприятна Тиберию. Он любил Випсанию, и у него были все основания подозревать Юлию по меньшей мере в легкомыслии. Его чувства к разведенной жене были настолько сильны, что пришлось принять меры, чтобы не допустить их встречи: при случайной встрече он следовал за ней с напряженными глазами и слезами. Эта договоренность, действительно, была полностью делом рук Августа, рассчитанным на возможную неудачу в престолонаследии (которая действительно произошла), поскольку к этому времени он, очевидно, проникся идеей династии и необходимостью иметь кого-то, связанного с ним, чтобы занять его место и рассматриваемого всеми классами граждан как естественный

преемник. Но это стало причиной печали и скорби, которые омрачили его последующие дни.

Юлия, дочь Августа.

С бюста в галерее Уффици, Флоренция.

На обороте страницы 234.

Ливия, жена Августа.

С бюста в галерее Уффици, Флоренция.

[Страница 274.](#)

Юлия, род. в 39 г. до н. э.; ум. 14 г. н.э.

Поначалу, как нам рассказывают, брак казался счастливым. Юлия сопровождала мужа в его походах в Далмацию (11-10 гг. до н. э.) или, во всяком случае, ждала его в Аквилее, где родился и умер ребенок. Но с этого времени разрыв между ними постоянно увеличивался. Тиберий, по-видимому, вспомнил некоторые моменты, которые произошли между ними, когда она еще была женой Агриппы, и она считала его своим социальным недостатком, и написала Августу яростную жалобу на его характер и привычки - предполагается, что ее сочинил для нее ее любовник Семпроний Грах, который заплатил за эту услугу своей жизнью в первый год следующего царствования; и когда в 6 г. до н.э. 6 г. до н. э. Тиберий удалился на Родос, его мотивом, по-видимому, было желание избежать ее общества, а также неловкости своего политического положения. Оставленная на произвол судьбы в развращенном обществе, она, похоже, вскоре превзошла все прежние излишества. Она была красива - за исключением того, что у нее рано поседели волосы, - остроумна и своенравна: настолько своенравна и капризна, что Август говорил, что у него "две капризные дочери, с которыми он вынужден мириться, - государство и Юлия". Она привлекала к себе всю богатую и экстравагантную молодежь. Однажды в амфитеатре кто-то обратил внимание на контраст между почтенными пожилыми особами, окружавшими Ливию, и дикой молодежью, составлявшей ее окружение. "О! Они состарятся вместе со мной!" - ответила

она. Более серьезному другу, который предположил, что ей лучше подражать экономным привычкам своего отца, она ответила: "Он забывает, что он Сезар; я же помню, что я дочь Сезара". Однажды император вошел в комнату, когда она занималась своим туалетом, и заметил, что ее шиномонтажницы выщипывают ее седые волосы. Он остался болтать на всевозможные темы и незаметно подвел разговор к теме старости. "Что бы вы предпочли?" - спросил он, - "быть седой или лысой?" "О, седой", - ответила она. "Тогда я удивляюсь, - сказал он, - что вы так быстро позволили этим женщинам сделать вас лысым". Временами она вызывала у него неприятные сомнения в своем поведении. Однажды она пришла к нему, одетая в меркантильном стиле, который, как она знала, должен был его раздражать. На следующий день она снова появилась, одетая с полным приличием. Он ничего не сказал накануне, но теперь воскликнул: "Разве это не стиль, более подходящий для дочери Августа?" "О, - ответила она, - сегодня я оделась для отца, а вчера - для мужа".

Ему никогда не нравилось ее смещение в обществе, когда она была девушкой. Она и его внуки, жившие в его доме, были приучены проводить время за женской работой, прясть шерсть и тому подобное, не вести тайных бесед и праздных разговоров; и однажды он написал молодому дворянину, который позвал ее, когда гостил в Байе, что "он позволил себе большую вольность". Но, несмотря на такое уединение, она приобрела значительные знания и вкус к литературе, а ее веселый добрый нрав сделал ее популярной при дворе и в обществе. Ее отец следил за ее карьерой замужней женщины и время от времени делал ей полусерьезные и полушутливые намеки на ее экстравагантность в одежде и стиль людей, которые ее окружали. Но, похоже, серьезных подозрений у него не возникло. Между тем наши власти утверждают, что она не только участвовала в многочисленных интригах, но и нарушала все приличия, участвуя в шумных гуляньях по ночам на улицах и на форуме, а также присутствуя на вечеринках, где мужчины засиживались допоздна и пили крепкие напитки. Крах произошел в момент, который казался кульминационным в карьере императора, когда скандал должен был стать особенно тяжелым.

Pater patriæ, 2 г. до н. э.

С начала 8 г. до н. э. Август находился дома. В этом году сенат должным образом продлил срок его полномочий, назвав месяц Секстилис в его честь "августом", и ему выпало счастье встретить Тиберия, вернувшегося из Германии с победой, и стать свидетелем его триумфа. Его юный внук Гай был назначен консулом в 5 г. до н. э. на шестой год с того времени, а в следующем году он сам занял этот пост после восемнадцатилетнего перерыва, чтобы придать достоинство церемонии принятия Гаем *moгу virilis*. Хотя Тиберий был раздосадован отъездом на Родос, у него были все основания надеяться, что в лице двух молодых цезарей преемственность будет обеспечена. Несмотря на некоторое беспокойство на германской границе и среди парфян, в это время там царил глубокий мир. В начале 2 г. до н. э. он снова стал консулом, чтобы представить на форуме второго внука; в знак признательности за его достижения и привязанности к его персоне сенат в конце концов проголосовал за присвоение ему титула "*pater patriæ*". Впервые этот титул был предложен ему народной депутацией на его вилле в Антиуме. Он с некоторым трудом согласился, но в следующий раз, когда он появился в театре или цирке, его встретили громкими криками, весь народ обращался к нему по этому титулу, а на следующем заседании сената 5 февраля Валерий Мессала был поставлен, чтобы обратиться к нему официально: "С молитвами за твою особу и твой дом, цесаревич Август, - ибо, вознося их, мы считаем себя молящимися за вечное благополучие Республики и процветание этого города, - мы, сенат, в полном согласии с римским народом, единодушно приветствуем тебя как *отца твоей страны*". Август, поднявшись со слезами на глазах и в голосе, смог лишь коротко ответить: "Мои самые

заветные желания исполнены, отцы сената, и что мне остается просить у бессмертных богов, кроме того, чтобы я сохранил это ваше единоедушное чувство до последнего дня моей жизни?"

Хотя этот титул уже давно применялся к Августу, это было первое его официальное признание. Он имел очень давние исторические прецеденты, начиная с Ромула и заканчивая Юлием Цезарем. Он был задуман как высший комплимент, который только можно было сделать, но не давал никаких новых полномочий, хотя впоследствии некоторые императоры считали, что он дает им своего рода отцовскую власть. Август, очевидно, был очень доволен. Представления, устроенные за его счет в этом году, отличались необычайным великолепием: гладиаторы, охота на диких зверей, мнимые морские бои на затопленных Транстиберийских полях - все это вызвало большой энтузиазм, а в Неаполе в его честь был устроен специальный праздник - на греческий манер - в знак благодарности за помощь, оказанную в бедственном положении, вызванном недавним землетрясением и извержением Везувия. Таким образом, год открылся с необычайной бодростью, и, хотя ему уже перевалило за шестьдесят, он мог чувствовать себя воодушевленным народным энтузиазмом и продолжать свою работу с неослабевающей энергией.

Обнаружение Юлии.

Внезапно ему открылся позор, который собирался вокруг его дома. Нам не говорят, кто просветил его и превратил подозрения, которые он упорно отбрасывал, в уверенность. Естественно предположить, что это была Ливия, между которой и Юлией, матерью двух юных наследников, стоявших на пути сына Ливии Тиберия, не было сердечных чувств. Контраст в их образе жизни и вызванные им замечания, о которых, несомненно, сообщали добродушные друзья, не способствовали более приятным отношениям. Но кто бы ни был доносчиком, Августа, наконец, основательно разбудили и привели в сильнейшее волнение. Каковы бы ни были его личные пороки в прошлом, приличия дворца, в котором председательствовала Ливия, не вызывали сомнений и высоко ценились им. Чистая атмосфера дома Августа, говорит Гораций, и отеческая забота императора были в основном причиной мужественных характеров Тиберия и Друза, и Гораций всегда повторяет то, что Август, во всяком случае, хотел, чтобы считалось правдой. То, что секреты семьи были раскрыты перед толпой, к презрению враждебных и жалости благосклонных, было, несомненно, неприятно. Некоторое время он избегал общества и держался подальше от Рима. К тому же ему было неприятно осознавать, что в этой огласке он сам виноват. В пылу гнева он написал в Сенат и передал дело, более или менее, в его руки. В более спокойные минуты он раскаивался в этом и восклицал, что "этого никогда бы не случилось, если бы Агриппа и Мекена были живы". Несколько человек, как утверждают, погибли по этому обвинению, хотя нам известны только два имени: Юлий Антоний и Семпроний Гракх, первый из которых покончил с собой, а второй был сослан на один из островов на африканском побережье. Сенека, который обычно отзывается об Августе хуже всех, говорит, что он пощадил их жизни и наказал изгнанием. Особенно тяжелым был случай с Юлием Антонием. Он был сыном Антония от Фульвии, воспитывался Октавией, был женат на ее дочери Марцелле и, благодаря ее влиянию и доброте Августа, стал претором (13 г. до н. э.) и консулом (10 г. до н. э.). Поэтому к нему относились как к члену семьи, причем весьма благосклонно. Считается, что Гракх начал свою интригу, когда Юлия была женой Агриппы, и способствовал ее раздражению против мужа Тиберия. Но как бы ни была виновна Юлия, она не утратила народной любви. Снова и снова к Августу обращались с просьбами отозвать ее. Он страстно отказывался, воскликнув в конце концов перед более чем обычно настойчивым собранием, что "желал бы всем таких дочерей и жен, как она". Самое большее, на что его

удалось уговорить, - это то, что по истечении пяти лет ей будет позволено обменять свой остров (Пандатерию) на Региум и жить в менее строгих условиях в отношении одежды и питания, а также слуг, которые ее обслуживают. Ее мать, Скрибония, сопровождала ее в изгнании, и хотя Тиберий, действуя под властью Августа, отправил с Родоса послание о разводе, он официально попросил, чтобы ей было позволено сохранить все, что он ей дал. Об искренности такого ходатайства говорит тот факт, что после смерти Августа он немедленно лишил ее всех пособий. Однако она пережила отца всего на несколько недель. Всю эту суровость можно объяснить, если принять утверждение Дио и Плиния, что она была обвинена не только в прелюбодеянии, но и в участии в каком-то заговоре против отца в пользу ее любовника Юлия Антония.^[310] Во всяком случае, трудно не испытывать сочувствия к женщине, которая вышла замуж и повторно вышла замуж без выбора с ее стороны или какого-либо вопроса о привязанности, в течение девяти лет была женой человека, такого же старого, как ее отец, а затем перешла к другому, чье сердце было приковано к другому месту, и которого его самые горячие поклонники не могут назвать сочувствующим или экспансивным, тот, кто фактически начал с сильной предубежденности против нее. Она также знала, что ее собственная мать, с которой она, кажется, поддерживала нежные отношения, была отвергнута сразу после ее рождения без всякой на то причины, точно так же, как она была выдана замуж ради сиюминутной политической цели. Она могла вырасти, не испытывая глубокого почтения к морали отца и не имея возвышенных представлений о супружеских отношениях.

Смерть Гая и Луция Цезарей, 2-4 гг. н.э.

С этого момента семейные несчастья, казалось, будут преследовать Августа еще несколько лет. Следующим ударом стала смерть двух малолетних сыновей Юлии, Гая и Луция, которых он усыновил, лично воспитывал в детстве и готовил к их великому будущему. Когда старшему из них было всего 15 лет (5 г. до н. э.), он был назначен консулом на 1 г. н. э., и сенат постановил, что в этом возрасте он и его брат могут "принимать участие в государственных делах", то есть работать в любой должности, которую император может выбрать, непосредственно приняв на себя *toga virilis*. Соответственно, в 1 г. до н. э. Гай был отправлен на Восток с довольно широким поручением посетить восточные провинции. Судя по всему, он преодолел значительные расстояния и даже заехал в Аравию. Тиберий, находившийся в то время на Родосе, отправился на Самос, чтобы встретить его. Встреча, однако, не была радостной. М. Лоллий, начальник штаба Гая, похоже, повлиял на молодого принца против Тиберия и побудил его отправить домой донесение императору о некоторых признаках того, что он замышляет какие-то изменнические меры. Август откровенно сообщил об этом Тиберию, и, похоже, отчасти из-за необходимости оправдаться, он, по настоятельной просьбе матери, спустя два года попросил и получил разрешение Августа вернуться в Рим. Между тем среди сотрудников Гая ходили бурные разговоры, один из них выразил готовность отплыть на Родос и привезти голову "изгнанника" обратно. Однако, похоже, он не утратил доверия или привязанности Августа, который пишет ему 23 сентября 1 г. н. э.: "Доброго дня тебе, Гай, зеница ока, по которому, клянусь небом, я постоянно скучаю вдали. Но особенно в такие дни, как этот, мои глаза ищут моего Гая; и где бы ты ни провел этот день, я надеюсь, что ты сохранил мое шестидесятичетырехлетие в добром здравии и бодрости духа. Ведь вы видите, что я благополучно миновал великий климакс, который для всех стариков наступает на 63-м году жизни. Молю небеса, чтобы все оставшееся мне время я мог провести с осознанием того, что вы и ваш брат целы и невредимы, а республика в высшей степени процветает, а вы играете роль мужчины и готовитесь взяться за мою работу". Но эти надежды были обречены на разочарование, как мы уже видели, из-за предательской раны, полученной при Артагере в Армении в 4 г. н. э. За два года до этого его младший брат, Луций,

внезапно и несколько загадочно умер в Марселе в начале путешествия по западным провинциям, которое должно было стать частью его политического образования. Тот факт, что его смерть почти совпала с возвращением Тиберия с Родоса, породил подозрения, что она была вызвана махинациями Ливии, стремившейся обеспечить преемственность своему сыну. Даже смерть Гая, хотя и столь отдаленная, была объяснена тем же зловредным влиянием, поскольку утверждалось, что его рана была легкой и не ожидалось, что она закончится смертельно. Тацит сообщает, что недоброжелатели императорской семьи имели обыкновение замечать, что "Ливия была роковой матерью для республики, роковой падчерицей для семьи Сезаров". Однако нет ни малейшего свидетельства, которое связывало бы ее с тем или иным событием. Сомнительно, что молодые люди подавали большие надежды, но их смерть стала поводом для всеобщего траура. В Пизе, колонии которой они были "покровителями", до сих пор сохранились две длинные и помпезные надписи (*Cenotaphia*), фиксирующие их смерть, рассказывающие об успешной кампании Гая на Востоке, предписывающие траур "ввиду масштабов столь великого и неожиданного бедствия" и воздающие различные почести памяти Луция "princeps iuventutis" и Гая "princeps designate".

Преемственность.

За этими потерями последовало усыновление Тиберия Августом, а Германика - Тиберием. У первого уже было несколько детей, так что сыновьями, внуками и правнуками Августа в 7 г. н. э., как записано на арке в Павии, были Тиберий, Германик, Друз, сын Тиберия, Нерон и Друз, сыновья Германика, и Клавдий, его брат. Все они пережили Августа. Но царствовали только Тиберий и Клавдий, а Калигула родился только через пять лет (12 г. н. э.).

Новые неприятности. Младшая Юлия.

Таким образом, Август чувствовал, что престол обеспечен; но последнему десятилетию его жизни суждено было стать в некотором роде самым беспокойным из всех. В 4 г. н. э. вновь начались германские войны, кульминацией которых стала катастрофа при Вариане в 9 г. н. э.; трудности и тревоги усилились из-за опасных восстаний в Паннонии и Далмации (6-9 г. н. э.), во время которых Август некоторое время оставался в Ариминуме, чтобы быть на небольшом расстоянии от места военных действий. Возобновившаяся вспышка пиратства также вынудила его взять на себя управление Сардинией от сената на три года (6-9 гг. н.э.). Возможно, отчасти это стало причиной бедственного положения в Риме в 6 г. до н. э., вызванного ростом цен на кукурузу, усиленным различными катастрофическими пожарами. Возникшие таким образом волнения привели к некоторым более или менее опасным заговорам, например, заговору Плаутия Руфа, которого обвинили в пособничестве беспорядкам и распространении подстрекательских пасквилей. Другие были связаны с попытками спасти Юлию в Регии и Агриппу Постума на Планасии, острове неподалеку от Эльбы. Мы также слышим о заговоре некоего Корнелия Цинны, которого, однако, помиловали и позволили стать консулом в 4 г. н.э. Сенека утверждает, что после этого акта милосердия на жизнь Августа больше никогда не покушались; а Дио записал разговор между ним и Ливией в том же году, в котором она, видя своего мужа бессонным и измученным постоянными тревогами, рекомендовала ему эту политику снисхождения. Но оставалось еще одно, последнее наказание. В 9 г. н. э. выяснилось, что его внучка Юлия последовала примеру своей матери. Она была замужем за Эмилием Паулусом Лепидом, у них были сын и дочь Лепида, некогда обрученная с будущим императором Клавдием, но так и не вышедшая за него замуж. Ее любовник, Д. Силан, не был изгнан в какое-то определенное место, но был вынужден покинуть Рим, в который ему разрешили вернуться только в 20 г. н. э., и то под страхом инвалидности за государственную службу. Сама Юлия была изгнана на остров

Тремесус (*Сан-Доменико*) на побережье Апулии, где она оставалась до своей смерти в 27 г. н. э., поддерживаемая пособием от Ливия. Мы не знаем достаточно об этом деле, чтобы судить о ее вине; но каким-то таинственным образом ее муж был вовлечен в обвинение в измене примерно в это время. В том же году поэт Овидий был сослан в Томи, в сорока милях к югу от устья Дуная, в район, подвергавшийся постоянным набегам сарматов и даков. Всегда предполагалось, что эта суровость была связана с делом Юлии, и что либо он был одним из ее любовников, либо был посвящен в какие-то ее интриги, любовные или политические. Причиной, указанной в эдикте, похоже, была разнузданность его стихов, а поскольку Август как раз в то время был занят укреплением своих законов против различных форм безнравственности и пытался поощрять брак в противовес наложничеству, это могло быть отчасти причиной. Но поскольку его самые развратные стихи были опубликованы за семь лет до этого, это кажется несколько запоздалым. Его собственный рассказ о своем несчастье - никогда не высказывавшийся открыто - проходит через две фазы. Сначала он, кажется, хочет приписать все своим аматорским стихам. "Он поэт, которого погубил его собственный гений: его стихи стали его гибелью: они заслуживали наказания, но, конечно, не такого тяжелого". Но вскоре он начал признавать, что было что-то еще: "Не политическое преступление, не заговор против императора, не план насилия над государством, - говорит он. Он видел то, чего не должен был видеть. Его погубило собственное простодушие и недостаток благоразумия в сочетании с вероломством друзей и рабов. Точную причину он не смеет назвать, но она хорошо известна в Риме". Овидию было уже пятьдесят два года, и он был женат в третий раз на супруге, имевшей отдаленное отношение к императорской семье. Поэтому шансы на интригу с Юлией невелики. Есть еще одно возможное объяснение: Овидий был на Эльбе, когда получил уведомление об эдикте, остановившись у родственника своей жены, Павла Фабия Максима, который впоследствии вызвал подозрение Ливия как благосклонный к Агриппе Постуму, заключенному на соседнем острове Планасия с 7 г. до н. э. Мы знаем от Суетония, что был по крайней мере один заговор с целью его удаления, и может быть, Овидий знал о нем и даже видел некоторых из заговорщиков.

Однако возможно и другое объяснение: Август имел в виду то, что говорил, и считал произведения Овидия вредными. В наше время его называли бы "декадентским" поэтом. Он представляет худшую сторону римского общества, на которое стало оказывать неблагоприятное влияние то воздержание от практической политики, которое вошло в моду во второй половине правления Августа. Он сам отказался занять любую должность, которая дала бы ему место в сенате, и, похоже, считал это естественным поведением человека со вкусом и литературой. Он был глашатаем позолоченной молодежи, которая искала в любовных интригах и прихотливом общении с Музами более приятного занятия, чем выполнение тех обязанностей перед государством, которые уже не сулили неограниченного богатства или власти. Он был всего лишь умнее, чем все подобные люди, и, возможно, Август выбрал его в качестве представителя тенденции, которая его настораживала. Овидий был именно тем человеком, который создавал тот тон в обществе, который погубил его дочь и внуку. Вполне возможно, что, будучи вхожим в такие круги, поэт мог знать или предполагать, что знает, что-то неудобное о последнем скандале, и, во всяком случае, он был бы на стороне Юлии против ее деда. Во время своего изгнания он, по предложению или просьбе императора, занимался составлением поэтического Календаря или Фастий, в котором, кстати, должны были отмечаться главные события римской истории, и было высказано предположение, что история о защите целомудрия Клодией (*Фасты*. iv. 305 sqq.) была задумана как завуалированная защита старшей или младшей Юлии. Каким бы ни был нанесенный ущерб, ни Августа, ни Тиберия нельзя было убедить отозвать его.

Смиренный язык поэта, молящего о разрешении вернуться, иллюстрирует абсолютное верховенство императора и приписывание ему божественных почестей и полномочий, неуклонное развитие которых было отмечено в предыдущей главе. Можно также отметить, что то, чем Париж является для парижан, Рим является для Овидия. Август и его министры или друзья сделали его домом великолепия и роскоши. Поэт с нежностью вспоминает все его красоты, удовольствия и удобства и, как истинный парижанин, с трудом представляет себе жизнь вдали от него, его игры, его театры, спорт на Кампусе, гостиную на форуме, остроумие и поэзию, звучащие за столами великих. Когда в его унылом, лишенном деревьев жилище на Понте наступает весна, он думает о цветах и виноградных лозах Италии, но прежде всего - о городских удовольствиях в апреле, месяце празднеств: "Сейчас у вас праздник, и многословная война ссорящихся форумов сменяется непрерывным кругом празднеств. Кони в спросе, легкие рапиры в игре. Молодые атлеты, их плечи блестят от масла, омывают усталые конечности в ваннах, подаваемых девственным потоком. Сцена в полном разгаре, зрители рукоплещут любимым актерам, и три театра перекликаются вместо трех форумов. О, четырежды, о, вне всякого счета, счастлив тот, кто может наслаждаться городом без запрета!" Целью Августа было сделать город великолепным и привлекательным, а горожан - удобными, довольными и гордыми своим домом. Ему это, несомненно, удалось, но иногда ценой снижения стандартов общественного долга и растущей приверженности к личным удобствам и удовольствиям.

ГЛАВА XIV ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Пусть звучат голоса тех, за кого он сражался,

И ноги тех, для кого он трудился,

Пусть эхо вечно звучит в его костях.

Деятельность последних лет правления Августа, 8-14 гг. н.э.

Общественные и личные неурядицы, о которых говорилось в предыдущей главе, не сломили дух и не парализовали энергию престарелого императора, не помешали ему принимать активное участие в управлении империей. Последние восемь лет его жизни были наполнены движением, хотя наши скудные сведения дают нам мало подробностей. Он активно поддерживал походы Тиберия и Германика; проводил реформы в Галлии;^[311] продвигал улучшения на Востоке и основал ряд колоний в Писидии для защиты от хищных горных племен; руководил переписью населения всей империи; изменял брачные законы в соответствии с дальнейшими постановлениями, содержащимися в *lex Papia Poppæa*, которые он поддерживал энергичными речами; Он разрабатывал большую финансовую схему; лично занимался набережной Тибра; реформировал городскую полицию и пожарные команды; а когда произошла катастрофа в Вариане, мы видели, с какой энергией он действовал, как следил за соблюдением закона о военной службе и отправлял подкрепления на Рейн, очищая город от опасных элементов и обеспечивая защиту от возможных движений в провинциях. Хотя ему было уже семьдесят два года, он не проявлял никаких признаков дряхлости сердца; и как говорили, что на каждом этапе его жизни он обладал подобающей ей красотой, так и по духу, мужеству и благоразумию он, кажется, всегда отвечал на любое напряжение, которому подвергался.

Финансовые меры Августа.

Чтобы понять финансовые изменения этих лет, необходимо напомнить несколько общих фактов о доходах империи. 1) Италия, 2) провинции. В Италии источниками доходов были таможня (*portoria*), арендная плата за государственные земли, *vicesima* или 5 % от стоимости манумилированных рабов. С того времени, как стало принято платить солдатам, был введен *трибут* или налог на имущество, сначала как временная мера или даже как заем, но постепенно это стало регулярным явлением. Однако со времен македонских войн (167 г. до н. э.) *трибут* не взимался: его хватало на дополнительные богатства, полученные в результате новых завоеваний. Не похоже, чтобы *трибут* был отменен законом, более того, на короткое время он был вновь введен триумвирами, хотя и в качестве чрезвычайного налога (*temerarium*). После Социальной войны 89 г. до н. э. италийцы стали полноправными гражданами и получили это освобождение.

Вторым и самым важным источником доходов были провинции. В них взимались отчисления с рудников, таможен, аренды государственных земель и других источников прибыли для правительства; кроме того, каждая провинция платила *stipendium* - определенную сумму денег в римскую казну. Способ выплаты - деньгами или продуктами, или их смесью - различался в разных провинциях, так же как и способ обложения и сбора; но общий факт заключался в том, что каждая провинция должна была вносить определенную сумму денег, а владельцы имущества в провинции облагались *трибутом* или налогом[312].

Во времена Августа не произошло больших изменений в характере и размере этого налога, но управление казной было изменено. Во-первых, вместо того, чтобы находиться в ведении ежегодно избираемых квесторов, которые выдавали деньги по приказу сената или магистратов, *ærarium* перешел в ведение назначаемых императором *префектов*, и хотя сенат по-прежнему номинально контролировал его, на самом деле он находился под его властью. Далее был создан новый *æрарий*, впоследствии названный *фиском*, в который перечислялись доходы имперских провинций. Он полностью подчинялся императору, и со временем наметилась тенденция к тому, чтобы все чрезвычайные доходы, такие как конфискации, утерянные наследства (*caduca*) и тому подобное, поступали в него. Кроме того, существовала *патримония Сезара* (*patrimonium Cæsarum*), частная собственность императора в силу его должности. К ней относились все доходы Египта и фракийского Херсонеса, а также другие крупные владения. Когда Август говорит о том, что он пополнил казну или произвел раздачи народу, он часто черпал именно из этого фонда, хотя у него была и большая личная собственность (*res familiaris*), которую он иногда использовал для той же цели.

Разумеется, из доходов провинций необходимо было вычесть расходы на их управление и оборону. Поэтому провинции, которые нуждались в больших войсках и постоянной защите от окрестных варваров, не платили. Цицерон, правда, утверждает, что в его время ни одна из провинций, кроме Азии, не оплачивала свои расходы. Возможно, это преувеличение, но несомненно, что убытки одних приходилось противопоставлять прибылям других, и что баланс годового бюджета не всегда был на правильной стороне, так как позднее Веспасиан заявил, что казна нуждается в четырех стах миллионов сестерций (около 3 000 000 фунтов стерлингов), чтобы быть платежеспособной. Начало германских войн в 4 г. н.э. и большие силы, которые уже давно необходимо было держать на Рейне, привели если не к дефициту, то, во всяком случае, к его близкой перспективе. Это был как раз такой кризис, который в прежние времена оправдал бы взимание *трибута* в качестве специального военного налога. Однако было две причины против того, чтобы Август так поступил. Во-первых, такой *трибут* был бы временным, а он хотел постоянства; во-вторых, граждане стали

рассматривать свободу от *трибута* как свою особую привилегию, отличающую Италию от подвластных провинций и выделяющую их в качестве управляющего органа. Верный своей политике избегать оскорбительных названий и в то же время получать то, что он хотел, Август решил отказаться от *трибута*. Он создал новый департамент - казначейство для оплаты армии (*aes militare*) с двумя префектами в ранге преторианцев. Деньги из этой казны должны были идти на выплату жалованья и пенсий солдатам. Он открыл ее, подарив от своего имени и от имени Тиберия 170 000 000 сестерций (около 1 500 000 фунтов стерлингов), и распорядился, чтобы в нее поступал налог, который он придумал вскоре после окончания гражданских войн, - 1 процент с товаров, проданных на аукционах или по контракту. Но этого было недостаточно, и ему пришлось искать другие способы увеличения доходов. Поэтому он сделал то, что сделал для нас покойный канцлер казначейства, - ввел пошлины на смерть: 5 процентов на все наследства, кроме тех, что поступают от ближайших родственников. Это позволило избежать оскорбительного лишения жителей Италии ценной привилегии, а в финансовом отношении почти сравняло их с провинциями. Ведь те, кто платил *tributum*, не платили *vicesima* и *vice versâ*. Тем не менее налог оскорблял могущественный класс и встречал большое сопротивление. В Италии была распространена практика оставлять большие наследства друзьям в знак признания оказанных услуг, и поэтому налог сильно ударил по богатым. В 13 г. н. э. в сенате были предприняты решительные шаги, чтобы добиться его отмены. Август направил в сенат письменное обращение, в котором указал на необходимость сбора денег, но попросил придумать другой способ их получения. Сенаторы отказались сформулировать какой-либо план и лишь ответили, что готовы подчиниться *любому* другому. Тогда Август предложил ввести *tributum* или налог на землю и дома. Столкнувшись с этой альтернативой, сенат сразу же отказался от оппозиции. Дело было в финансовой необходимости, и не следует думать, что Август хотел понизить престиж Италии или ценность гражданства. Это был один из пунктов, в котором он отменил политику Юлия, который щедро раздавал гражданство и, похоже, мечтал о единой империи, объединенной привилегиями и правительством. С другой стороны, Август в этом отношении был даже ультраконсервативен и ультраримлянин. Он постоянно затруднялся с предоставлением гражданства. Отвечая Тиберию, который просил его для какого-то любимого грека, он настаивал на том, что может дать его только в том случае, если тот лично явится и убедит его в обоснованности своих притязаний. Даже Ливия встретила отказ от имени какого-то галла. Император предложил предоставить человеку иммунитет от дани, сказав, что его меньше волнует потеря для казны, чем вульгаризация гражданства.

Ухудшение здоровья и сил.

Хотя Август проявил в этой сделке весь свой прежний такт и государственную мудрость, не утратив ни решительности, ни *ловкости*, он заметно слабел телом. Он перестал посещать светские приемы, а появляться на заседаниях Сената было уже слишком тяжело для него. Поэтому вместо полугодового комитета из двадцати пяти членов, который обычно назначался для подготовки мер для палаты, был создан своего рода внутренний кабинет из двадцати членов, назначаемых на год, а также членов его семьи, которых он выбирал, которые собирались в его доме и часто окружали диван, на котором он лежал, а их решения имели силу *Senatus-consultum*. Однако его интерес к каждой детали был таким же острым, как и прежде. Например, у нас есть его письмо к Ливии, написанное в конце 11 г. н. э., о целесообразности разрешения Клавдию (будущему императору) появиться в Риме во время церемоний, связанных с консульством его брата Германика. Сообщалось, что Клавдий (которому сейчас был двадцать один год) был уродлив и полубезумен, а его мать Антония сама описывала его как едва ли похожего на человека (*monstrum hominis*). Это письмо стоит прочитать, отчасти потому, что это единственное полное письмо (во всяком случае, любой

длины), которым мы располагаем, а отчасти потому, что оно иллюстрирует заботу, которую Август проявлял о поддержании престижа императорской семьи, чтобы, прежде всего, не вызвать народных насмешек, и его внимание к мельчайшим деталям: - "Я посоветовался с Тиберием.

"Я посоветовался с Тиберием, как ты и хотела, моя дорогая Ливия, о том, что делать с твоим внуком (Клавдием) Тиберием. Мы полностью согласны в том, что должны раз и навсегда решить, какой линии нам придерживаться по отношению к нему. Ибо если он здоров и, выражаясь общепринятым выражением, держится молодцом, то какая может быть причина сомневаться в том, что его следует продвигать по тем же ступеням, что и его брата? Но если мы обнаружим, что он неполноценен, что его ум и тело настолько ненормальны, что он непригоден для общества, мы не должны давать людям, привыкшим насмехаться над такими вещами, повод для насмешек как над ним, так и над нами. Дело в том, что мы всегда будем находиться в возбужденном состоянии, если будем рассматривать каждую деталь по мере ее возникновения, не решив, считать ли его способным занимать должности или нет. Однако в данном случае, когда ты советуешься со мной, я не возражаю против того, чтобы он возглавил триклиний жрецов на Марсовых играх, если он согласится получить указания от своего родственника, сына Силана, чтобы он не делал ничего такого, что могло бы вызвать смех или удивление людей. Мы договорились, что он не должен находиться в императорской ложе в цирке. Ибо он будет на виду у всех и будет бросаться в глаза. Мы согласны, что он не должен ходить на Альбанскую гору или находиться в Риме в дни латинского праздника. Ибо если он достаточно хорош, чтобы быть в поезде своего брата на горе, то почему бы ему не быть почетным городским префектом? Таковы решения, к которым мы пришли, моя дорогая Ливия, и мы хотим, чтобы они были решены раз и навсегда, чтобы мы не колебались между надеждой и страхом. Если хочешь, можешь дать Антонии прочитать эту часть моего письма".

Уверенность в Тиберии.

Возможно, голос принадлежит Тиберию, но вежливость и воспитанный стиль - Августу. К этому времени влияние Тиберия уже устоялось, и Август относится к нему как к преемнику, с которым имеет право советоваться по всем семейным и важным государственным делам. После возвращения с Родоса Тиберий оказал государству выдающиеся услуги как на Рейне, так и в Иллирике. Назначив Вара в Германию, Август совершил ошибку, которую редко допускал. Он почти всегда выбирал хороших людей, но П. Квинтилий Вар не только занимался вымогательством в своей прежней провинции, но и не был ни энергичным, ни благоразумным; к тому же его опыт работы среди не склонных к войне жителей Сирии не был хорошей подготовкой для работы с храбрыми и воинственными германцами. Тиберий хорошо знал его, поскольку был его коллегой в консульство 13 г. до н. э., и, конечно, не стал бы назначать его. Именно к Тиберию обратился император, чтобы исправить положение и противостоять почти более серьезным опасностям в Иллирике. И если он счел его достойным доверия в полевых условиях, то это письмо показывает, насколько он был уверен в нем дома. Было распространено мнение, что Август знал и недолюбливал его характер. Дворцовые лакеи передавали, что однажды он воскликнул: "Несчастливые жители Рима, которые когда-нибудь станут жертвами этих медлительных шлифовщиков!" А в речи, обращенной к сенату, некоторые выражения, использованные им, были восприняты как извинение за его сдержанные и угрюмые манеры и признание, таким образом, его недоверия или неприязни. Но совершенно очевидно, что в эти последние годы он не только доверял своим военным способностям, но и испытывал к себе искреннюю привязанность. В более ранние времена, до отступления на Родос, короткие записки, написанные ему (часть из них сохранилась у Суетония[313]), носят игривый и интимный характер; и хотя он был

раздосадован своей отставкой и ответил на предложение вернуться посланием с просьбой "отбросить все заботы о близких, которых он покинул с такой чрезмерной готовностью"[314], сохранившиеся фрагменты писем императора к нему в эти поздние времена дышат не только восхищением, но и теплой привязанностью. "Прощай, Тиберий, восхитительнейший из людей! Успехов тебе на поприще, ты, кто служит Музам так же, как и я! Восхитительнейший из людей, и, как я надеюсь, счастливейший из героев и стойкий из полководцев!" И снова: "Как великолепно устроены ваши летние покои! Я твердо убежден, что перед лицом стольких неблагоприятных обстоятельств и такой деморализации войск никто не мог бы вести себя с большим благоразумием, чем это делаете вы! Все офицеры, служившие с вами в Риме, признаются, что для вас можно было бы написать стих: "Один человек бдительностью восстановил государство"". Еще раз: "Всякий раз, когда случается что-то, требующее более чем обычно серьезных размышлений или будоражащее мою селезенку, я больше всего скучаю, боже мой, по моему дорогому Тиберию, и мне всегда приходит на ум этот отрывок из Гомера -

"Если только он последует за нами, Когда-нибудь из горящего огня

Мы оба вернемся, так мудр он!"

А в разгар его трудоемкой кампании император с тревогой пишет ему: "Когда я слышу или читаю, что ты изнемог от продолжительности своих трудов, небо порицает меня, если я не дрожу всеми конечностями; и я умоляю тебя пощадить себя, чтобы, если мы услышим о твоей болезни, твоя мать и я не умерли, а римский народ рисковал потерять свою империю. Неважно, здоров я или нет, лишь бы ты не был здоров. Я молю богов сохранить тебя для нас и дать тебе возможность быть здоровым сейчас и всегда, если только они не отвратят римский народ".

Эти письма, кажется, в достаточной мере опровергают досужие рассказы о том, что его присутствие было неприятно Августу, что он был мокрым одеялом для веселой беседы и временным средством, с которым император был вынужден мириться в отсутствие лучших наследников. Тиберий также не обделен уважением и верной службой. После своего усыновления в 4 г. н. э. он сразу же принял положение сына при *patria potestas*, воздержался от манумиссии и других действий человека, который был *sui iuris*, и, очевидно, перенес свою резиденцию во дворец, и, кажется, действительно взял бремя с плеч, которые уже не были достаточно сильны, чтобы нести его.

Смерть Августа в Ноле, 19 августа 14 г. н. э.

Близился конец, предвещаемый, как считали благочестивые и легковверные, множеством предзнаменований. Было затмение солнца,[315] и различные огненные метеоры в небе. На одной из его статуй буква C Cæsar была расплавлена молнией, и авгуры предсказали, или впоследствии придумали предсказание, что он умрет в течение ста дней и присоединится к богам -*æsar* по-этруски означает "божества". Похоже, его самого несколько нервировали некоторые случайности, которые можно было превратить в предзнаменования. Начало 14 г. н. э. было занято обычными юридическими делами, а также переписью населения, которую он проводил в этом году в силу своих консульских полномочий и с Тиберием в качестве своего коллеги. Организация города на *vici*, вероятно, облегчила и ускорила работу канцелярии, но когда она закончилась, наступила церемония "закрытия люструма" (*condere lustrum*), торжественного жертвоприношения и молитвы. Это происходило в Кампус Мартиус, и огромные толпы собрались, чтобы увидеть это. Но император, встревоженный чем-то, что

показалось ему зловещим, а может быть, и в самом деле почувствовав себя плохо, не стал читать торжественные клятвы, которые по обычаю были написаны и теперь переданы ему в руки. Он сказал, что не доживет до их исполнения, и передал их Тиберию для прочтения. После завершения этой церемонии Августу захотелось уехать из Рима и совершить свою обычную прогулку на яхте вдоль Латинского и Кампанского побережья. В этот раз у него была еще одна цель - сопровождать Тиберия до Беневента на Аппиевой дороге, по пути в Брундизий и Иллирикум, где некоторые трудности, возникшие в результате недавней войны, требовали его присутствия и власти. Но различные юридические причины, ожидавшие решения, задержали императора в городе. Он был раздражен и нетерпелив из-за этой задержки и раздраженно восклицал, что "если они позволят всему остановиться их, то он никогда больше не будет в Риме". Однако в конце концов он отправился в путь в сопровождении Ливии и Тиберия и многочисленного двора. Они достигли побережья в Астуре, в дельте одноименной реки, которая впадает в море в южной части залива Антиум. Это было тихое место, хотя рядом находились приморские виллы, и там Цицерон провел месяцы своего траура по Туллию, находя утешение в уединении леса, окаймляющего берег реки. В Астуре они высадились на берег, но из-за сильного ветра сделали это ночью. Подхваченная простуда привела к диарее и положила начало его смертельной болезни. Тем не менее путешествие вдоль побережья Кампании и прилегающих островов продолжалось, пока они не достигли Капрее. Именно во время этого плавания, случайно зайдя в Путеола, он был так восхищен и ободрен благодарностью, которую ему принесла команда александрийского кукурузного корабля за его охрану морей. В Капрее он, по-видимому, пробыл некоторое время, развлекаясь наблюдением за молодыми атлетами, тренирующимися для греческих игр в Неаполе - единственном городе Италии, за исключением Регия, который в это время сохранил хоть какие-то следы эллинских обычаев и жизни. Он также устраивал вечеринки, на которых просил своих римских гостей одеваться по греческой моде и говорить по-гречески, а греков - одеваться по-римски и говорить по-латыни. Как правило, раздавались подарки, а однажды он устроил банкет для тренирующихся атлетов и наблюдал, как после ужина они забрасывали друг друга яблоками и другими частями десерта. Это был обычай, с которым он был знаком больше по нарушению, чем по соблюдению. Однажды он принимал у себя некоего Курция, который гордился своим кулинарным вкусом и считал, что поставленный перед ним жирный дрозд плохо приготовлен. "Могу ли я отослать его?" - обратился он к императору. "Конечно", - отвечал тот, после чего выбрасывал его из окна. В этот раз престарелый император, чувствуя себя, надо полагать, несколько лучше и радуясь, что находится вдали от государственных забот, наслаждался этой любопытной конной игрой. В эти дни в Капрее он также был особенно весел: он развлекался тем, что придумывал греческие стихи, а затем бросал вызов одному из любимых астрологов Тиберия, чтобы тот назвал пьесу, из которой они взяты.

Однако вскоре он переправился в Неаполь, где его все еще мучила болезнь, но с переменным успехом и рецидивами. В Неаполе ему пришлось пережить несколько долгих гимнастических состязаний, которые проводились в его честь каждый пятый год. Такое зрелище в августовский день в Неаполе было бы утомительно для самых энергичных и здоровых, но для человека семидесяти шести лет, да еще страдающего таким недугом, оно должно было быть смертельно опасным. Однако он предпочел не разочаровывать людей, жаждущих оказать ему честь. Тогда он выполнил свое намерение сопровождать Тиберия в Беневент и, распрощавшись с ним там, повернул обратно к Неаполю. Но добраться до него ему так и не удалось. В Ноле, примерно в восемнадцать английских милях от этого города, его болезнь настолько обострилась, что он был вынужден остановиться на вилле, в которой семьдесят два года назад умер его отец. Были срочно посланы гонцы, чтобы отозвать Тиберия. Умиравший имел с ним долгую беседу, в которой, по-видимому, изложил ему свои

пожелания и советы относительно правления; возможно, именно сейчас он указал на трех вельмож, которые были возможными кандидатами на престол: "Марк Лепид, который годился для этого, но не хотел принимать его; Асиний Галл, который желал бы этого, но был непригоден; и Л. Аррунтий, который не был непригоден для этого и имел бы мужество захватить его, если бы представилась возможность." Но после этой конференции он не занимался никакими другими государственными делами. Казалось, он смирился с тем, что покончил с этим миром, его досадами и проблемами. В последний день своей жизни, 19 августа (его счастливый месяц!), он постоянно повторял только один вопрос: не вызывает ли его положение какого-либо переполоха за дверью. Затем он попросил зеркало и велел сопровождающим уложить его волосы и сомкнуть и без того расслабленные челюсти, чтобы не шокировать окружающих грозностью своего вида. Затем к нему пустили друзей, чтобы попрощаться. С жалкой смесью игривости и грусти он спросил их, "считают ли они, что он хорошо сыграл жизненный фарс?", процитировав распространенную фразу в конце пьес: "If aught good our sport".

"Если в нашем спорте есть что-то хорошее, хлопайте в ладоши,

И отправьте нас, джентльменов, с радостью прочь".

Откланявшись, он обратился к Ливии и попросил рассказать о больной внучке; но даже когда он говорил, он чувствовал, что конец близок: "Ливия, не забывай нашу супружескую жизнь, прощай!" И когда он попытался поцеловать ее губы, то упал замертво.

Это был быстрый и безболезненный конец, на который он так часто надеялся, *эвтаназия*, о которой он молился за себя и своих друзей. До последнего момента его разум был ясен, лишь изредка блуждал. И вот после долгих лет трудов и борьбы, смешанного зла и добра, суровых жестокостей и благодетельных усилий, отчаянных опасностей и заслуженных почестей великий император, умирая, посмотрел в глаза, которые любил больше всего на свете.

Тело было доставлено в Рим муниципальными магистратами нескольких городов, расположенных вдоль дороги, причем из-за жары *кортеж* всегда двигался ночью, а груз помещался в здании суда каждого города, пока не достиг Бовиллы, расположенной в двенадцати милях от Рима. Там процессия римских рыцарей взяла его под охрану, получив эту честь от консулов, доставила в Рим и поместила в притворе собственного дома на Палатине.

С неестественным и непростительным волнением в сенате были внесены экстравагантные предложения о погребальных почестях и всеобщем трауре. Но Тиберий не любил подобные излишества, и похороны, хотя и были величественными, прошли просто. На плечах сенаторов несли груз в Кампус. Дважды *кортеж* останавливался: сначала у Ростры, где Друз, сын Тиберия, произнес погребальную речь (*laudatio*), а затем перед храмом Юлия, где Тиберий сам прочитал панегирик. Друз рассказывал в основном о своих личных достоинствах, Тиберий же ограничился лишь его общественными делами. Он начал с упоминания о своих юношеских заслугах перед государством сразу после смерти Цезаря; о его успехах в прекращении гражданских войн и о его милосердии после них. Он говорил о мастерстве, с которым, великолепно вознаграждая своих министров, он в то же время не позволял им получить власть, пагубную для государства; о его бескорыстном и конституционном поведении, когда, имея все в своих руках, он все же делил власть с народом и сенатом; о его бескорыстии при разделе провинций, когда он брал на себя

трудные провинции; о его справедливости, когда он оставил сенат и конституцию независимыми; о его экономности и либеральности; о хорошем порядке, который он поддерживал, и о полезных законах, которые он проводил; о его симпатии к вкусам и удовольствиям народа; о его ненависти к лести и терпимости к свободе слова. Обращение было зачитано и тщательно составлено. В нем нет особого пыла или красноречия, но в нем умело изложены те моменты, которые Август изложил бы сам, и даже изложил в той *апологии за свою жизнь*, которая известна нам по надписи в Анцире.

Закончив речи, *кортеж* двинулся к Campus Martius, где тело было сожжено на приготовленном для него костре, а пепел торжественно собран выдающимися конниками, которые, согласно обычаю, были одеты только в туники, без тоги, не подпоясанные и с босыми ногами. Затем урна была помещена в мавзолей, который Август сам воздвиг в 28 году до н. э. на Кампусе, недалеко от изгибающегося берега реки, и который уже принял прах его племянника Марцелла, его сестры Октавии, двух внуков и его большого друга и министра Агриппы, но был сурово закрыт его завещанием для его непутевой дочери и внучки.

Его завещание и другие документы, оставленные им.

Всегда осторожный и деловой, он оставил свои завещания и отчеты о своем правлении в идеальном порядке. По его завещанию, которое было передано на хранение Вестальным Девам и теперь зачитывалось Друзом в сенате, Тиберий становился наследником двух третей, а Ливия - одной трети его личной собственности. В случае их смерти имущество должно было быть разделено между Друзом (сыном Тиберия), Германиком и тремя его сыновьями как "вторыми наследниками". Были и щедрые завещания гражданам и солдатам, а также различным друзьям. Имущество, которым распоряжались таким образом, было *res familiaris: Patrimonium Cæsarum - Erupe*m, фракийский Херсонес и другие владения - перешли к его преемнику в княжестве. В завещании содержалось извинение за небольшую сумму, которая таким образом переходила к его наследникам (150 000 000 сестерций или около 1 200 000 фунтов стерлингов), на том основании, что он посвятил на государственную службу почти все огромные наследства, которые ему достались. По завещанию Ливия также была принята в род Юлиев и должна была взять его имя. Отныне она называлась Юлией Августой и, похоже, полагала, что таким образом получает определенную долю в императорских прерогативах, что привело к большим трениям между ней и ее сыном.

Помимо завещания и списка, содержащего указания по поводу его похорон, Августу принадлежат еще два документа, составленные с особой тщательностью. Один из них - "*Breviarium totius imperii*", точный отчет о состоянии империи, количестве солдат под цветами, количестве денег в казне или *фиске*, причитающихся задолженностях и именах вольноотпущенников, которые должны были нести ответственность. В качестве своеобразного приложения к этому были приведены некоторые государственные максимы, которые он хотел внушить своему преемнику: например, не расширять гражданство слишком широко, но сохранять различие между римлянами и подданными; выбирать способных людей для административных обязанностей, но не позволять им становиться слишком влиятельными или считать себя незаменимыми; и не расширять границы империи.

В третьем свитке содержался отчет о его собственных заслугах и достижениях (*index rerum a se gestarum*). Предназначенный для сохранения в качестве надписи, он выполнен в стиле, который можно назвать телеграфным, - серия кратких изложений фактов без примечаний и комментариев, не ограничивающихся уместным употреблением того или иного слова. Однако по сути это защита его жизни и политики - старейшая из сохранившихся

автобиографий. Он приказал выгравировать ее на бронзовых колоннах и установить у Мавзолея. Это, несомненно, было сделано, но бронзовые колонны давно исчезли.^[316] К счастью, копии надписи были выгравированы в других местах (с греческим переводом) в храмах "Рима и Августа", например, в Аполлонии в Писидии и Анцире в Галатии. Анцира (*Ангора*) сохранилась почти полностью до наших дней, а некоторые части - в Аполлонии. Ни одна жизнь Августа не может быть полной без этого документа, который поэтому приводится в английском варианте в конце этой книги.

Сенат сразу же приступил к декрету о божественных почестях для него. В Риме должен был быть построен храм, который затем освятили Ливия и Тиберий. Другие храмы были возведены в других местах, а дом в Ноле, в котором он умер, был освящен. Его изображение на позолоченной кушетке было помещено в храме Марса, были учреждены праздники (*Augustalia*) с коллегией Августалов для их проведения во всех частях империи, а также ежегодный фестиваль на Палатине, который продолжали проводить последующие императоры.

Слухи о смерти Августа.

За его смертью последовали обычные глупые слухи. Одни говорили, что Тиберий не успел добраться до Нолы и увидеть его живым; что он умер за некоторое время до этого, но Ливия закрыла двери и скрыла правду. Другие даже утверждали, что Ливия ускорила его смерть с помощью отравленной фиги, и объясняли это тайной придворной истории. По их словам, незадолго до смерти Август отправился в сопровождении Фабия Максима с тайным визитом к Агриппе Постуму на остров Планасия, куда он был заточен после отмены его усыновления в 5 г. н. э.; и Ливия, опасаясь, что он смягчится и назовет его преемником, решила, что он не должен дожить до этого, а Фабий Максим тем временем внезапно и несколько загадочно умер. Но достоверные свидетельства о его последней болезни и смерти опровергают такое ненужное преступление. К несчастью, ревность несчастного Агриппы Постума была фактом, способствовавшим распространению подобных историй, но это была ревность, вызванная знанием о каких-то тайных заговорах с целью убрать его и выставить в качестве соперника, и "первое преступление нового царствования" - его убийство стражниками - должно, как мы опасаемся, лечь на Тиберия или Ливию. По другой версии, душа Августа вознеслась на небо в виде орла, поднявшегося с его костра. Нельзя также упускать из виду гениального сенатора Нумерия Аттика, который заявил под присягой, что видел, как душа императора возносится вверх, и, как говорят, получил от Ливии подарок в 25 000 денариев (около 1000 фунтов стерлингов) в знак признательности за эту верную ясность видения.

Непрерывное правление.

Предусмотрительность Августа в отношении престолонаследия оправдала себя. В управлении государством практически не было перерыва. Тиберий обладал *tribunicia potestas*, которая позволяла ему созывать сенат и советоваться с ним. Кроме того, в силу своего проконсульского *imperium* он давал слово страже преторианцев и отправлял приказы легионам, находившимся на службе в провинциях. Правда, существовал некоторый вопрос о том, законно ли прекращается этот *imperium* со смертью *princeps*, но дело было решено тем, что все сословия принесли ему присягу (*sacramentum*), и все полномочия и почести (за исключением титула *pater patriæ*, который он не принял) были вскоре после этого проголосованы за него в сенате и подтверждены *lex*'ом. Его явное нежелание принять на себя всю ношу лишь еще яснее показало, как деятельность Августа сделала неизбежным правление одного человека: "Я спрашиваю тебя, господин, какую часть правления ты хотел бы поручить тебе?" - спросил Асиний Галл. Ответить на этот вопрос было невозможно.

Человек не мог управлять провинциями без командования армией. Но он не мог управлять армией, если другой человек контролировал казначейство. Он не мог поддерживать порядок в Риме и Италии, если другой командовал всеми легионами и флотами за границей и мог в любой момент вторгнуться в страну или уморить ее голодом, остановив корабли с кукурузой. А если один человек полностью распоряжался кошельком и мечом, за ним следовало все остальное. Чиновникам было достаточно иметь старые титулы и выполнять некоторые из старых обязанностей, но если бы центральная власть была отменена, наступил бы хаос. Сенат попытался взять на себя эту центральную власть и потерпел неудачу. Он не смог заручиться лояльностью людей, которые, осуществляя беспрепятственную власть в далеких странах, вскоре стали нетерпимы управлению телом, состоящим из смешанных элементов и различных взглядов, которое, как они часто думали, находилось под влиянием враждебных им клик. Провинции тоже, по мере того как они становились все более романизированными, непременно претендовали на то, чтобы их поставили в более равное положение с Италией: их мог удержать только человек, обладающий равной властью повсюду, и никогда - местный городской совет. Август, правда, не осознавал такого развития событий, а точнее, боялся его. В его глазах Рим все еще должен был править, но сделать это можно было, только сосредоточив все свои силы в руках одного человека, который мог бы учитывать интересы и вызывать почтение всех частей Империи в равной степени. Успех этого плана зависел, конечно, от характера этого человека и, возможно, прежде всего от его способностей финансиста; но, во всяком случае, невозможно было вернуться к системе разделенных функций и конституционных сдержек, которые оказывались недейственными, как только какой-нибудь магистрат брал в руки меч и бросал им вызов. Пока что дело Августа стояло на месте и не допускало никакой реакции. Республиканские идеалы можно было воспринимать только как благочестивые мнения, не более практичные, чем некоторые республиканские добродетели, на вере в которые они были основаны.

ГЛАВА XV ИМПЕРАТОР АВГУСТ, ЕГО ХАРАКТЕР И ЦЕЛИ, ЕГО ДЕЛА И ДРУЗЬЯ

Hic vir hic est, tibi quem

promitti saepius audis.

Ранняя карьера и изменение характера.

Когда в мире совершается великое дело, нетрудно найти в нем недостатки. Человек редко, если вообще когда-либо, видит последствия и конечные результаты своих действий, а также осуществляет все, что намеревался сделать. Даже когда кажется, что он это сделал, время выявляет недостатки, просчеты, неудачи. В том возрасте, когда у нас мальчик только заканчивает школу, Август оказался наследником великой политики и великого имени на фоне руин конституции и *развалин* великой империи. Сравнительно небольшой город-государство завоевал большую часть известного мира и предложил управлять им с помощью механизмов, которые были достаточны, когда его территория была незначительной и не простиралась дальше берегов Италии. Тесная корпорация, жадная и развратная, делила между своими членами огромные доходы от постепенно расширяющихся владений. Центральная власть, которая должна была сдерживать правителей отдаленных провинций и

сбор их доходов, в значительной степени состояла из тех, кто был наиболее глубоко заинтересован в коррупции, которую они должны были осуждать и порицать. Преданность этой центральной власти становилась все слабее и слабее, партийный дух - все сильнее и менее щепетильным. В отчаянной борьбе за богатство и роскошь люди не останавливались ни перед чем. Кровопролитие порождало кровопролитие, насилие провоцировало насилие, пока добропорядочные граждане и благородные люди (а такие всегда были) не оказались беспомощными, а конституция, покоившаяся на лояльности магистратов и граждан, была готова рухнуть при первом же прикосновении решительного неповиновения. И тут появился великий человек. Юлий Цезарь не был свободен от пороков и коррупции своих современников; но партийные связи на родине заставили его сочувствовать народу, а десять лет войны и правления в Галлии, в течение которых его враги на родине постоянно угрожали и мешали ему, убедили его в том, что существующая конституция обречена. Он был полон решимости попытаться восстановить ее, даже рискуя гражданской войной. Но гражданская война - это море неизвестного масштаба. Как ни побеждал он во всех сражениях, она оставила ему всего несколько месяцев на разработку реформ. В эти месяцы он совершил несколько великих дел; но возрождение сулланской диктатуры было слишком грубым возвращением к монархии, в то время как потребности гражданской войны вынуждали его использовать неполноценных агентов. Аристократическая клика увидела, что вот-вот лишится своей заветной привилегии тиранить и вымогать, и убила его.

Когда Октавиан вернулся домой, чтобы принять наследство, он, естественно, должен был присоединиться к Антонию и немедленно отомстить виновной клике. Но он обнаружил, что тот намерен упрочить свое положение и не склонен признавать его притязания на наследство или какую-либо долю власти. Поэтому он внешне присоединился к лидерам ненавистной ему партии, чтобы избавиться от Антония и помешать его стремлению к самодержавию. Превратности последовавшей за этим борьбы, закончившейся триумвиратом и разделом римского мира, заразили его ядом гражданских распри - жестокостью, которая относится к почетным врагам как к преступникам и рассматривает личный триумф как единственную цель политических усилий. Этот период в его карьере и развитии его характера заканчивается победой над Секстом Помпеем в 36 году до н. э. и дополнительной безопасностью, полученной благодаря успехам Агриппы в Галлии в течение двух предшествующих лет. С этого времени он стал считать себя защитником закона и порядка, защитником Италии и гарантом мира в западных провинциях.

Затем возникла большая опасность - опасность разделения Востока и Запада. Под влиянием своей страсти к Клеопатре Антоний создавал новую империю из подчиненных царей, правда, не подчиненных Александрии, а не Риму: Александрию украшали добычей из азиатских храмов, чтобы сделать ее достойной столицей восточного мира. Насколько это действительно должно было повлечь за собой уменьшение Римской империи, Антоний, вероятно, и сам не понимал. Старые провинции не были формально разделены, но они были урезаны и уменьшены, чтобы завершить новые царства для его и Клеопатры детей. В Риме на опасность смотрели как на реальную; и Август снова почувствовал, что если он хочет иметь свободу действий в обновлении империи, которое он замыслил, Антоний должен исчезнуть. Несомненно, были предприняты все меры, чтобы дискредитировать своего противника и убедить римский народ в том, что его господство на Востоке ускользает от него. Но какой бы макиавеллистской ни была его тактика, под ней имелась прочная фактическая основа; существовала реальная опасность разделения. Победа при Акциуме решила этот вопрос, и когда последовавшие за ней ожесточения закончились, мы с радостью можем рассматривать законодателя и реформатора, управляющего, в целом, мирной империей. Больше не было ни гражданских войн, ни серьезных заговоров. За редким исключением -

пожалуй, только Аравийская экспедиция - войны, в которые отныне был вовлечен Август, были необходимыми последствиями протяженной границы. Война часто предотвращалась дипломатией, а те войны, которые были предприняты, всегда были успешными, за исключением войны с германцами, и даже в этом случае непосредственная опасность была предотвращена.

Моральная проблема, возникшая в результате перехода от безжалостной жестокости к мудрому и настойчивому милосердию, с тех пор волнует умы философов и историков. "Это было не милосердие, - говорит Сенека, - а избыток жестокости". Но это ничего не объясняет. Если бы Август и был жестоким ради жестокости, то возросшие возможности ее проявить разжигали бы его аппетит к крови, как это происходило с некоторыми его преемниками. Изменились обстоятельства, а не сам человек. Тем не менее, несомненно, успех смягчил характер Августа (и то не всегда). Его министры были гуманными людьми и выступали за более мягкие методы; его жена была высокодуховной женщиной, всегда готовой прийти на помощь в беде, как она показала во время проскрипций и после них в правление своего сына. Среди его близких друзей были философы и литераторы, чье влияние, насколько это было возможно, было гуманизирующим. И наконец, та оппозиция, которая еще существовала, уже не состояла из непримиримых, познавших "свободу"; выросло новое поколение, которое в целом соглашалось на мир и безопасность доброжелательного деспотизма. Это была новая эпоха, и Август стал новым человеком. Полный почестей и наделенный неодолимой силой, тяжело переживающий свою ответственность и часто тщетно желающий отдыха, он не ставил перед собой никаких других личных целей, кроме похвалы за то, что послужил своей стране и спас империю. Апология *index rerum*, краткая и бессодержательная, была призвана показать, что он это сделал.

Ценность его работы.

При оценке ценности его работы мы сталкиваемся с этой трудностью на самом пороге исследования, поскольку его целью было избежать быстрых и заметных изменений. Вместо того чтобы обсуждать какую-то героическую меру, нам приходится рассматривать множество деталей. Во всех сферах политической и социальной жизни прослеживается его рука. Работая день и ночь, он разрабатывал планы по изменению того, что считал плохим, и внедрению того, что считал хорошим. Восстановление и украшение города, восстановление религии, восстановление брака, меры, необходимые для безопасности Рима и Италии, для лучшего управления и материального процветания провинций, для платежеспособности казначейства и для защиты торговли - все это постоянно занимало его время и его мысли. Тот или иной результат этой неуклонной деятельности может быть подвергнут критике, но в целом представляется несомненным, что она способствовала укреплению порядка и процветанию империи, а значит, добавляла комфорта и счастья бесчисленному множеству людей.

Преимущества и недостатки самодержавия.

Но, разумеется, итогом всего этого стало установление монархии, и остается рассмотреть, насколько ее преимущества уравновешивались недостатками, вызванными потерей свободы. Можно возразить, что тираны всегда апеллируют к своему праву пользоваться властью, какой бы незаконной она ни была, но этот довод не имеет отношения к делу. Свобода - единственная гарантия *сохранения* хорошего правительства. Благодетельного тирана в любой день может сменить плохой. Политика Августа шаг за шагом вела народ к утрате этой свободы и даже к потере вкуса к ней, убаюканный прелестями безопасности и роскоши. Когда очарование исчезло с глаз некоторых, было уже слишком поздно.

Поколение, познавшее свободу, исчезло; опыта, необходимого для работы со старым механизмом, больше не существовало. Тем немногим, кто еще с сожалением вспоминал о старой конституции, при которой они надеялись принять самостоятельное участие в политической деятельности, не оставалось ничего, кроме угрюмой покорности.

В провинциях.

В провинциях, правда, это соображение не действовало. Деспотизм там ничего не прибавил к сумме счастья и ничего не отнял. Они давно потеряли свою независимость. Они уже находились под властью господина, который менялся через короткие промежутки времени, которого было очень трудно призвать к ответу, если он был деспотичным, в выборе которого они не принимали абсолютно никакого участия, и характер которого они не имели возможности просчитать заранее. В один год они могли наслаждаться всеми благами способного и бескорыстного правителя, а в другой - оказаться во власти тирана-вымогателя, эгоистичного, циничного, жестокого. Старые республиканские имена и идеалы были для них пустым звуком; скорее, они наводили на мысль об организованном угнетении и заговоре с целью отказа в возмещении ущерба. Переход к одному хозяину, которому было выгодно их процветание и который в то же время был хозяином их старых угнетателей, должен был казаться во всех отношениях благословением. Если и был какой-то недостаток, то он заключался в том, что национальность и стремление к самоуправлению были убиты добротой. Во всех трудностях и бедствиях они обращались за помощью к императору и редко обращались напрасно. Особенно на Востоке это было, вероятно, не очень полезно; однако непосредственные результаты в виде процветания и комфорта были достаточно заметны, чтобы отбросить на время все подобные угрызения совести.

В Италии.

Но для самой правящей нации, хотя некоторые из преимуществ были не менее очевидны, пагубные результаты было легче выявить. Материальное процветание значительно возросло. Города стали приятным и привлекательным местом для проживания. Италия была частично заселена трудолюбивым классом. Торговля поощрялась и защищалась, литература и изящные искусства развивались, а дворец в целом подавал хороший пример простоты жизни. Но, с другой стороны, правление одного человека подавляло политическую жизнь. По системе *кураторов* или специальных комиссий вся административная работа была передана назначенцам императора, которые часто были его близкими друзьями или даже вольноотпущенниками, связанными с ним самыми тесными узами подчинения. Старые магистратуры стали непривлекательными не только потому, что они больше не вели к выгодной работе за границей, но и потому, что их обладатели мало чем интересовались. Сенат, хотя к нему и относились с уважением и он сохранял определенное значение как высшая судебная инстанция, практически перестал быть органом управления. Он полностью подчинялся императору, а та важная работа, которую он все еще выполнял, часто проводилась небольшими комитетами, а основной состав просто соглашался. Поэтому, несмотря на все достоинства положения сенатора, он перестал привлекать лучших людей. Высшие классы отвернулись от политической карьеры и все больше предавались роскошному безделью. Возвышение вольноотпущенников - практически правление фаворитов - было явно предreshено, хотя, благодаря трудолюбию Августа и его гению к деталям, оно не стало заметным в его время. Как высшие классы были в определенной степени деморализованы принципатом, так и городской пролетариат был изнежен и стал еще более эфетным. Город стал слишком привлекательным для них, и их нужно было поддерживать в хорошем настроении бесконечной чередой игр и представлений. В ответе игрока Пилада, когда Август упрекнул его за вражду с Батилием, была доля правды:

императору было выгодно, чтобы народ уделял внимание игровому театру, а не политике. Но вскоре они стали считать эти развлечения не только своим правом: они ожидали, что их будут кормить за счет правительства, будь то прямые денежные подарки или раздача дешевой или даже безвозмездной кукурузы. Нельзя сказать, что развлечения, которые им предоставлялись, носили возвышающий характер. Август хвастается в *Индексе* (с. 20), что он устроил семь представлений гладиаторов от своего имени или от имени своих сыновей, в которых сражалось около 10 000 человек;^[317] а кроме того, двадцать шесть *венаций* "африканских зверей", то есть в основном слонов, в которых погибло около 3 500 человек. Римская толпа не нуждалась в жестокости, но получала ее в изобилии.

Однако, несмотря на такие недостатки, следует признать, что правление Августа в значительной степени увеличило сумму человеческого счастья благодаря смягчению угнетения в провинциях и подавлению беспорядков в Риме и Италии. Финансы были поставлены на прочную основу, собственность оказалась в безопасности, и люди повсюду чувствовали, что могут заниматься своим делом, имея все шансы насладиться плодами своих трудов. Это было нечто после столетия более или менее острой революции и двадцати лет откровенной гражданской войны. Стоит попытаться представить себе человека, который был автором этих хороших и плохих результатов.

Внешность и характер Августа.

Август был невысоким человеком (чуть меньше пяти футов семи дюймов), но настолько хорошо сложенным, что недостаток роста был незаметен, если только он не стоял рядом с гораздо более высокими мужчинами. Он был необычайно красив во все периоды своей жизни, а выражение спокойного достоинства, будь то молчание или речь, невольно внушало уважение. Глаза у него были серые, но такие яркие и зоркие, что встретить их взгляд было непросто. Если у него и было личное тщеславие, то только по отношению к ним. Ему нравилось думать, что они ослепляют тех, на кого он смотрит, и он был доволен ответом римского конника, который на вопрос, почему он отвернулся, ответил: "Потому что я не могу вынести молний твоих глаз". Вергилий удовлетворил тщеславие своего покровителя, когда в описании битвы при Актиуме (*Æн.*, viii. 650) он изобразил его,

Stans celsa in puppi; geminas cui tempora flammæ

Lætæ vomunt.

А император Юлиан в "Банкете императоров" не без злобы смеется над той же слабостью, когда представляет его "меняющим цвет, как хамелеон, и желающим, чтобы лучи, исходящие из его глаз, были подобны лучам могучего солнца". Бюсты, статуи и монеты Августа полностью подтверждают это утверждение о его красоте; а в триумфальной статуе, найденной на вилле Ливии в Прима Порта, художнику удалось передать яркость и остроту его глаз. Обычно он был чисто выбрит, но со смерти своего дяди до 38 г. до н. э., согласно Дио (48, 34), он отрастил бороду в знак траура; хотя на монетах он изображен с небольшими усиками примерно до 36 г. до н. э. Эти портреты полны жизни и характера. Четкие черты лица, твердый рот и подбородок, твердые глаза, небрежно уложенные волосы, морщины на лбу и щеках говорят о человеке, который страдал и трудился, но при этом был самоконтролем, спокойствием и ясным умом. Это лицо не лишено некоторой нежности, но способно разгореться до горячего негодования и даже жестокости. В нем чувствуется страдание, но решительная победа над болью; в целом это лицо человека, который сделал великое дело и занял высокое место в мире, и он знал это; он был уверен, наконец, в своей звезде. Говорят, что, расставаясь с Гаем Сезаром, он пожелал ему "честности Помпея, мужества Александра и собственной удачи". На некоторых монетах под головой, увенчанной

коронай с двенадцатью лучами, изображена Юлиева звезда, впервые замеченная на похоронах Юлия Цезаря, которую он принял как знак своей собственной удачи: на других - Сфинкс, которого он сначала принял в качестве своей печати - эмблемы, возможно, цели, которую не удалось предать. Август был сведущ в предметах, признанных в образовании его времени, хотя он не писал и не говорил по-гречески с легкостью. Он изучал и практиковал риторику, обладал хорошим и правильным вкусом в стиле, избегая использования надуманных или устаревших слов и выражений, а также аффектированных измышлений. Он высмеивал Антония за его "азиатский" стиль ораторского искусства, полный цветов речи и вычурных предложений; а в письме к своей внучке Агриппине, восхваляя ее способности, он предостерегает ее от педантичных выражений как в разговоре, так и в письме. Не будучи оратором, он говорил четко и в точку, чему способствовал приятный голос, который он старался сохранить и улучшить. В Сенате, в лагере и на частных конференциях он предпочитал читать свои речи, хотя мог хорошо говорить и по первому зову. В домашней жизни, хотя и несколько строгой, он был в целом прост и очарователен. Он много жил с женой и детьми, принимая участие в их делах и даже в играх последних. Он лично следил за образованием своих приемных сыновей, обучал их стенографии по собственному методу и сам интересовался их чтением. У него были старомодные представления о том, чем должны заниматься женщины в его семье. Они должны были заниматься ткачеством для домашнего хозяйства, ходить в гости и принимать визиты только с его одобрения и не вести беседы на темы, которые не могут быть с приличием занесены в дневник. Хотя его дочь и внучки были хорошо образованы и имели вкус к литературе, вполне возможно, что такой домашний уклад был настолько скучен, что отчасти объясняет их отклонение от более полной свободы супружеской жизни.

Его привязанности были теплыми и постоянными, он не был нелиберален к своим друзьям и не склонен оказывать им полное доверие. Но он всегда был сам себе хозяин. Ни один друг или вольноотпущенник не властвовал над ним и не возвышался до одиозного положения "фаворита". Он допускал и даже любил свободу слова, но всегда без потери достоинства. Он был не из тех, с кем можно позволить себе вольности даже в самых близких отношениях. Он был вспыльчив, но знал об этом и был готов принять предостережение и совет, как в известной истории о том, как Мекенас, наблюдая за ним в суде, где он собирался осудить нескольких заключенных (вероятно, во времена гражданской войны), бросил ему записку со словами: "*Surge tandem carnifex!*" "Пора вставать, палач!". Или когда он с благосклонностью принял совет Афинодора (героя крытого седана), что, когда он сердится, ему следует произнести буквы алфавита, прежде чем прийти к решению.

Его ультраримские взгляды.

В более поздние времена его преемники всегда оглядывались на него как на истинного основателя империи и лучший образец для подражания; однако сомнительно, насколько широкими и далеко идущими были его взгляды. Он был государственным деятелем, который имел дело с фактами, как он их находил, и делал все, что мог. Он был глубоко впечатлен сложностью своей задачи. Комментируя тот факт, что Александр Македонский завершил свои завоевания к 32 годам, а затем чувствовал себя в растерянности, чем заняться до конца жизни, он заметил, что "удивлен тем, что Александр не считал правильное устройство империи, которой он владел, более тяжелой задачей, чем ее завоевание". Но, по крайней мере, в одном важном отношении он ошибался в своем представлении о том, что он сделал. Он никогда не представлял себе империю, наполненную гражданами, пользующимися равными правами, и в которой Рим мог бы занять второстепенное место. Он был ультраримлянином в своих взглядах; он работал и строил планы, чтобы сохранить господство

Вечного города. Можно сказать, что это превосходство действительно сохранилось до наших дней в области духовных дел. Но ему было суждено исчезнуть в политическом плане, за исключением названия, еще до смены многих поколений и как логическое следствие многого, что он сам сделал. Должен был возникнуть новый Рим и новая империя - хотя и с прежним названием и теорией, - в которой Италия будет такой же провинцией, как и все остальные, а старый Рим - лишь тенью могущественного имени.

Придворный круг.

Среди тех, кто оказывал постоянное влияние на Августа, первое место следует отдать Ливии (54 г. до н. э. - 29 г. н. э.). Авторы, пишущие об Августе, отмечают романтический переворот в ее судьбе. После Перузии она вместе со своим мужем Нероном и маленьким сыном Тиберием бежала от Августа, который должен был стать ее мужем, а ее сын - преемником. Ее развод и быстрый брак с Августом, когда она через несколько месяцев снова стала матерью, не только отвратителен для наших представлений, но и строго противоречит римским принципам и привычкам, и для того, чтобы признать его законным, требовалось все властное влияние ее нового мужа. Тем не менее Суетоний утверждает, и говорит искренне, что он продолжал "любить и почитать ее исключительно до конца" (*dilexit et probavit unice et perseveranter*). Тот же автор рассказывает об интригах императора с другими женщинами. На наш взгляд, эти два утверждения противоречат друг другу, но Суетоний так бы не подумал. Супружеская любовь не была *amor*; последняя считалась даже несовместимой с супружеской привязанностью или, по крайней мере, нежелательной в ней. Он имеет в виду, что на протяжении всей своей жизни Август продолжал относиться к ней с симпатией, уважать ее характер и считаться с ее мнением. Со своей стороны, я считаю, что можно было бы сказать и больше, и что многое из того, что дошло до нас о поведении императора, можно списать на злобные сплетни. Но как бы то ни было, влияние Ливии на него, похоже, никогда не ослабевало, и оно было на стороне милосердия и великодушия. Она подавала прекрасный пример чистого и достойного поведения в римском обществе и, хотя в целом воздерживалась от вмешательства в политические дела, была готова дать совет, когда к ней обращались. Она обычно сопровождала Августа, когда это было возможно, во время его заграничных поездок или пребывания вдали от Рима. Когда Ирод посетил Августа в Аквилее в 14 году до н. э., она, похоже, разделяла симпатии своего мужа к этому странному сочетанию великолепия и жестокости и послала ему дорогие подарки на праздник, сопровождавший завершение строительства нового города Себасте в 13 году до н. э. Обычно ее обвиняют в том, что она добивалась престолонаследия своих сыновей, Тиберия и Друза, в противовес семье Юлиев, представленной сыном Октавии и детьми Юлии. Для достижения этой цели ее обвиняли в том, что она подстроила смерть Марцелла, Гая и Луция Цезарей, Агриппы Постума и, наконец, даже ускорила конец самого Августа. О последнем не упоминает Суетоний, а Дио рассказывает лишь как о сообщении, которому он не приводит никаких доказательств и которому, судя по всему, не поверил. Тацит описывает критику ее как *gravis noverca* в семье Цесарей и, кажется, признает ее вину в отношении Гая и Юлии (Ann. 4, 71). Но он также вынужден признать, что она оказывала на Тиберия гуманное влияние, что его жертвы постоянно находили убежище и защиту в ее дворце, что она была благосклонна и милосердна к беднякам, содержала большое количество мальчиков и девочек-сирот за счет своей щедрости. Самым подозрительным делом против нее является казнь Агриппы Постума сразу после смерти Августа - "первое преступление нового царствования". Никогда не будет известно, от кого исходил приказ об этом жестоком деянии - от нее или от ее коварного сына. Смерть Марцелла не вызывает никаких подозрений, поскольку произошла в сезон исключительного нездоровья, когда в Риме умирало множество людей от малярийной лихорадки. Что касается смерти Гая и Луция, то, похоже,

никаких подозрений у Августа не возникло, и он остро переживал за их выживание. Отравленная фи́га, которую, как предполагается, дали ему самому, - привычная деталь в историях о смерти великих людей всех эпох в Италии. Тацит в знаменитом подведении итогов ее характера, признавая чистоту ее поведения в семье, все же заявляет, что ее манеры в обществе были более свободными, чем это считалось принято среди женщин прежних времен; что как мать она была необычайно любящей, как жена - слишком покладистой; и что ее характер представлял собой сочетание ловкости мужа и неискренности сына. Он ни в коем случае не собирается рисовать приятный портрет. Ему это редко удастся. Но что мы можем принять за истину, так это то, что она была красива, верна своему мужу, открыта и щедра к страждущим, милосердна и добра к несчастным. Тем, кто считает, что подобные качества могут быть присущи отравительнице и убийце, следует оставить ее осуждение. Любопытно, что ни Вергилий, ни Гораций, ни Проперций не упоминают Ливию; Овидий тоже не делает этого до смерти Августа - *утешение Ливии* по поводу смерти Друза принадлежит не ему. На некоторых надписях более позднего периода царствования ее имя фигурирует в императорской семье как жены принцепса. Это само по себе было новшеством, и кажется, что поэты воздерживались от упоминания ее по приказу. Было неприлично, чтобы матрона высокого ранга становилась достоянием общественности таким образом. Гораций, например, лишь однажды упоминает жену Мекенаса, и то под вымышленным именем.

Из тех, кто повлиял на раннюю политику Августа и поддерживал его в первые двадцать лет принципата, на первом месте должны быть Агриппа и Мекенас.

М. Випсаний Агриппа (63-13 гг. до н. э.) сильно отличался от Мекенаса, но был похож на него в постоянной привязанности и верности Августу. Он был с ним в Аполлонии и при известии об убийстве Юлия посоветовал обратиться к армии. Еще раньше он сопровождал его в Испанию, когда тот отправился к своему дяде в 45 году до н. э., и после этого служил ему с неизменной верностью и выдающимися успехами. В войне с Секстом Помпеем, при Перузии, в Галлии, Испании и Иллирии, в организации Востока и на Боспоре, именно его энергия и способности решали спор в пользу его господина или обеспечивали желаемое им урегулирование. Он был организатором римского флота, и хотя его великая работа на Лукринском озере оказалась лишь временной, эскадры, охранявшие моря у Мизенума, Равенны и Форума Юлиев, были результатом его деятельности и прозорливости. О его великолепных либеральных поступках в Риме уже говорилось. Он проявлял такое же великолепие в Галлии и других местах, а также, похоже, в значительной степени помогал в великом обследовании империи, учрежденном Августом. Он не только поддерживал все планы и идеи своего господина, но и был готов занять любое положение и принести любую личную жертву ради продвижения своих взглядов. После первого брака с Помпонией, от которой он был отцом Випсании, он был женат на Марцелле, племяннице императора. Чтобы поддержать планы своего повелителя в отношении престолонаследия, он подал на развод с ней и женился на Юлии, предварительно уступив место Марцеллу, приняв командование на Востоке. Император демонстрировал свое доверие к нему по любому поводу. В 23 г. до н. э., когда он думал, что умирает, он вложил в его руки свою печать, в 18 г. до н. э. он добился того, чтобы разделить с ним трибунскую власть на пять лет, что было возобновлено в 13 г. до н. э.; так что, хотя два его сына были усыновлены Августом, престол почти наверняка перешел бы к нему, если бы император умер в их несовершеннолетии. Однако это возвышение не дало ему покоя: последние годы жизни он провел на Востоке, на Боспоре и в Паннонии, откуда вернулся только для того, чтобы умереть. Эта верная служба была оказана несмотря на то, что он советовал не принимать княжество. Он ссылаясь на финансовые трудности, непримиримый характер оппозиции, невозможность отступления и слабое здоровье самого Октавиана. Но когда его господин предпочел совет Мекенаса, он без

колебаний и с великолепной преданностью принял участие в этом деле. Хотя во многом своим успехом Август был обязан собственной осторожной государственной политике, еще больше он был обязан человеку, который не потерпел неудачу ни в одном деле, за которое брался, и не требовал взамен никаких почестей для себя. Император произнес погребальную речь над этим верным слугой и поместил его прах в Мавзолей, который он построил для своей семьи.

Мекенас.

Фотография с головы в Палаццо деи Консерватори, Рим, автор Edne. Алинари.

На лицевой стороне страницы 279.

Р. Вергилий Маро.

Фотография с бюста в Капитолийском музее, Рим, автор Edne. Алинари.

[Страница 284.](#)

С. Цильний Мекенас (ок. 65 г. до н. э. - 8 г. до н. э.), вероятно, был на несколько лет старше Августа, но достаточно близок к нему по возрасту, чтобы быть одним из его спутников в Аполлонии. Его влияние сохранялось примерно до 16 г. до н.э. Наиболее ярко оно проявилось в период, непосредственно следующий за Перузийской войной. Он вел переговоры о браке со Скрибонией, заключил Брундизийский мир с Антонием (40 г. до н. э.) и последующее примирение в 38 г. до н. э. Во время войны с Секстом Помпеем (38-36 гг. до н. э.) он частично находился при Августе, а частично в Риме, имея все полномочия действовать от его имени и даже изменять его депеши и письма по мере необходимости, имея для этого личную печать триумвира, доверенную ему. Это было возможно благодаря тому, что такие письма писались амануэнсами и поэтому были узнаваемы только по печати. Так, Цицерон часто поручал Аттику писать официальные письма своим друзьям. Эту должность - она не имела определенного статуса и, возможно, была больше похожа на должность *легата* при Октавиане, чем на что-либо другое - он, похоже, сохранял до битвы при Актиуме, в которой он, вероятно, не присутствовал, хотя это и оспаривается. Он раскрыл заговор младшего Лепида и отправил его на суд к Октавиану. В 29 г. до н. э., по возвращении Октавиана с

Востока, он рекомендовал установить деспотию, поскольку республика была уже невозможна. Речь, сохраненная Дио (52, 14-40), вполне может быть подлинной, учитывая существовавшую в то время и у самого Августа привычку читать обращения даже на сравнительно частных совещаниях по важным вопросам.^[318] Даже если это не подлинная речь, она верно отражает многие принципы, на основе которых Август действовал и по поводу которых он, несомненно, советовался с Мекенасом. Она советует ему держать в своих руках законодательство, внешние дела, выборы, назначения на руководящие должности и суды, а также самому рассматривать апелляционные дела: именно это Август и делал под разными прикрытиями. В нем утверждается, что как для его собственной безопасности, так и для безопасности государства необходимо, чтобы он оставался у власти, а слава стоит риска. Среди других рекомендаций - реформа сената и конницы, сохранение старых республиканских магистратур для домашней службы, учреждение *præfectus urbi*, осуществление им самим цензурных функций, подчинение губернаторов провинций императору, выплата им фиксированного жалованья и назначение прокураторов для надзора за финансами провинций. Также предлагается система образования для эквитов, которая, похоже, не была реализована, но многие финансовые предложения были приняты, как и идея развлекать народ играми и представлениями. Совет упразднить *comitia* Август не смог выполнить в соответствии со своей политикой компромисса. Они остались и были причиной не одной беды и смуты, но свобода их избрания постепенно, но верно уничтожалась, и одной из первых мер Тиберия было их упразднение как утративших актуальность. Реформа сената, как мы видели, была проведена. Что касается судебной системы, то сенат стал высшим судом по делам об измене (*maiestas*), перед которым могли предстать только сенаторы; *decuriæ iudicum* были реформированы, а сам Август выполнял функции апелляционного суда, иногда используя свои трибунские полномочия "ходатайствовать" против приговоров магистратов или сената, а иногда рассматривая дела граждан из провинций, которые оспаривали компетенцию провинциальных судов и требовали, чтобы их слушали в Риме. Мекенас, не занимавший никакой должности, так и не стал сенатором; но он представлял императора в его отсутствие, если только вместо него не был назначен Агриппа. В этом качестве он действительно пользовался большей властью, чем могла бы дать ему любая определенная должность, и все дела империи проходили через его руки^[319].

Но не только как мнимый представитель императора он работал на его поддержку. В сравнительном уединении своего дворца на Эсквилине он способствовал достижению этой цели, собирая вокруг себя лучших интеллектуалов и первых литераторов того времени, которых он побуждал посвятить свои таланты не только прославлению императора лично, но и популяризации его политики и возвеличиванию его заслуг перед государством. Насколько это удалось благодаря моде на принятие и восхищение принципатом, можно сомневаться, но то, что ему удалось привлечь на свою сторону таких писателей, как Вергилий, Гораций и Проперций, многое говорит о его проницательности и литературном вкусе. Одна из слабостей позиции Юлия заключалась в том, что против него в основном выступал литературный класс. Настоящую репутацию и будущую славу Августа нужно было беречь лучше. В личном плане Мекенас был роскошным и женоподобным, всегда был в вальсудинарии, а в последние годы жизни страдал почти постоянной бессонницей. Это достаточно хорошо объясняет его отход от государственных дел в течение последних восьми лет жизни, если бы не другие причины недовольства императора, о которых мы уже говорили. Его жена была красавицей, намного моложе его самого, своенравной и своенравной; и если верно, что она интриговала с Августом, то, похоже, верно и то, что ее муж отплатил ей добром за добро. Они часто ссорились и мирились, так что Сенека говорит, что он женился на ней "тысячу раз"; однажды, во всяком случае, семейные неприятности

дошли до суда, где, однако, была поставлена под сомнение *добросовестность* развода, который она якобы совершила.^[320] Несмотря на некоторую холодность между ними в поздние годы и физические недуги, которые отстранили его от государственных дел, Август искренне оплакивал свою потерю, как советника, который никогда не изменял его доверию и не говорил пустых слов. У него не было настоящего преемника. Со времени своей смерти император, похоже, все больше и больше становился собственным премьер-министром или обращался за помощью к своей семье, а также искал преемника. Тацит (*Ann.* 3, 30) говорит, что его место занял Саллюстий Крисп, внучатый племянник историка; но Август, похоже, не слишком высоко ценил его способности, и его участие в делах было недостаточно заметным, чтобы о нем упомянули Суэтоний или Дио. Мекенас писал сам и в прозе, и в стихах, но в аффектированном и неясном стиле, который Август игриво высмеивал. Стоик Сенека особенно сурово отзывается о стихотворении, в котором он заявляет, что цепляется за жизнь, несмотря на все физические страдания, какими бы болезненными они ни были: -

"Хоть подагра в руках и ногах,
Хоть рак в глубине поражает корень,
Пусть паралич сотрясает мои слабые бедра,
Хоть отвратительный горб на плечах,
И зубы из дряблых десен выпадают;
Но все хорошо, если только жизнь останется.
Дай мне только жизнь, и даже боль
Острейший крест сочту за благо".

Август и поэты.

Главными писателями из круга Мекенаса, которые либо сблизились с самим Августом, либо были побуждены Мекеном присоединиться к хору восхвалений, были Вергилий, Варий, Гораций, Проперций. Из эпосов Л. Вария Руфа (ок. 64-14 гг. до н. э.), посвященных Юлию Цезарю и Августу, до нас дошло лишь несколько фрагментов. Историк Ливий (59 г. до н. э. - 16 г. н. э.) также был в дружеских отношениях с Августом и, похоже, приложил руку к обучению Клавдия, сына Друза, будущего императора. Но его великий труд - от основания Рима до смерти Друза (9 г. до н. э.) - впоследствии был признан слишком республиканским, и даже Август со смехом называл его Помпеем. Именно поэты сделали Августа и его политику предметом своих восхвалений и использовали свой гений для поддержки его взглядов.

Вергилий.

Первым это сделал П. Вергилий Маро (70-17 гг. до н. э.). Самые ранние из его сочинений, *эклоги*, написанные в 42-37 гг. до н. э., не обнаруживают тесной связи с Августом. В первой из них, правда, отмечается восстановление его хозяйства после личной беседы с Октавианом по предложению Поллио и Мекенаса, и поэт заявляет, что никогда не исчезнет из его сердца благосклонный взгляд молодого принца. Но главным объектом восхваления в "*Эклогах*", насколько это вообще возможно, является Поллион, которого триумвиры в 42 году до н. э. оставили руководить распределением земель. Однако в *Георгиках*, законченных после 30 г. до н. э., мы видим, что он присоединился к новому режиму. Они посвящены

министру Мекенасу, в них отмечается тройной триумф Августа в 29 г. до н. э., и они были написаны частично, во всяком случае, по желанию Мекенаса, который вместе с Августом стремился сделать жизнь и занятия в деревне желательными. Несомненно, сама тема была близка Вергилию, который предпочитал деревенскую жизнь в Ноле или близ Тарентума суе Рима; но она также совпадала со взглядами Августа, который всю свою жизнь верил в влияние литературы и хотел, чтобы поэты были на его стороне. Поэтому вскоре после своего возвращения из Востока в 29 году до н. э. он, по-видимому, предложил Вергилию сочинить поэму, которая вдохновила бы людей на чувство национальной гордости и энтузиазм в отношении величия миссии Рима. План и форма, несомненно, полностью принадлежали Вергилию, но дух и цель, как и в более патриотических одах Горация, написанных примерно в то же время, были теми, которые желал император. Его не удовлетворило простое предложение, он с нетерпением ждал появления поэмы. Находясь в Галлии и Испании в 27-24 гг. до н. э., он часто писал поэту, призывая завершить работу. Сохранилась часть одного из ответов Вергилия:

"Что касается моего Энея, то, клянусь честью, если бы у меня было написано что-нибудь, достойное твоего внимания, я бы с радостью послал это. Но начатая тема столь обширна, что я почти думаю, что должен был быть вне себя, когда взялся за работу такого масштаба; особенно если учесть, что, как ты знаешь, я также посвящаю часть своего времени другим и гораздо более важным исследованиям".

Таким образом, "*Энеида*" была написана по просьбе Августа. Легенда о высадке Энея в Италии и основании Рима его потомком, на которой она основана - возможно, позднейшая - с большим мастерством переплетается с причудливым происхождением рода *Iulia* от его сына *Iulus*, чтобы возвеличить Рим и его божественную миссию, и в то же время указать на Августа как на человека судьбы и как на представителя величия римского народа в его собственной личности и карьере. В такой поэме нельзя ожидать подробных аллюзий, как в эпизодических одах Горация. Тем не менее, помимо прекрасного отрывка в восьмой книге, описывающего победу при Актиуме и поражение Клеопатры, и отрывка в шестой, сообщающего о победоносной карьере Августа, мы имеем более или менее прямые упоминания о восстановлении религиозного культа в *виках*, о возвращении штандартов парфянами и о смерти молодого Марцелла. По форме "*Энеида*" следует образцу Гомера, верховного эпика. Но по существу она оригинальна тем, что не берет для своей темы один из древних мифов, как это всегда делали александрийские поэты, а, изобилуя всевозможными мифологическими аллюзиями, находит свое главное вдохновение в величии Рима, измеряемом стихийными распрями, предшествующими исполнению божественного замысла: *tantæ molis erat Romanam condere gentem* - "Столь огромна задача основать римский род", - таков лейтмотив всего произведения. Она оригинальна, как оригинален был эпос Мильтона, который, заимствуя детали со всех сторон, взял темой основание мира и предшествовавшие ему небесные распри. Эпос Вергилия - это римская история на самом высоком уровне, и в нем навсегда выкристаллизовался взгляд на эту историю, который сделал больше, чем оружие и законы, чтобы представить ее воображению человечества. Август обладал верной интуицией, когда запретил душеприказчикам поэта исполнить его волю и сжечь свитки с этим великим национальным эпосом.

Гораций.

Q. Гораций Флакк (65 г. до н. э. - 8 г. до н. э.), возможно, не такой великий поэт, как Вергилий, но он обладал тем очарованием, которое позволяет сохранять жизнь таким произведениям, как его. Его связь с Августом - удивительное явление в истории литературы. Сражаясь на стороне своих врагов при Филиппах и участвуя в амнистии, предоставленной основной

массе войск, он вернулся домой и обнаружил, что его отцовское имущество конфисковано. Бедность побудила его заняться поэзией, поэзия принесла ему дружбу Вария и Вергилия, которые познакомили его с Мекенасом, увидевшим его заслуги, освободившим его от невыгодной работы клерка и в конце концов представившим его Августу. Император, в свою очередь, не замедлил признать его обаяние. Он пишет Мекенасу:

"В прежние времена я был достаточно энергичен, чтобы писать за своих друзей письма. Ныне же, будучи перегружен делами и слаб здоровьем, я очень хочу переманить Горация от тебя. Поэтому он должен покинуть твой стол паразитов, перейти за мой стол королей и помогать мне писать письма".

Отказ Горация - благоразумный, несомненно, с учетом его вкусов и привычек - не лишил его благосклонности императора. Он дважды получал значительные знаки внимания, и сохранились некоторые выдержки из писем к нему Августа, в которых последний предстает в самом благодушном настроении:

"Считай себя привилегированной персоной в моем доме, как бы привычным гостем за моим столом. Вы будете вполне в своем праве и всегда будете уверены в радушном приеме; ведь я желаю, чтобы наша близость была на такой основе, если позволит ваше состояние или здоровье".

И снова:

"Какие теплые воспоминания я о тебе сохранил, ты сможешь узнать, в частности, от Септимия, поскольку на днях я случайно заговорил о тебе в его присутствии. Не стоит думать, что раз ты был настолько высок и могуществен, что отверг мою дружбу, то и я на коне, чтобы отплатить тебе тем же".

На самом деле Август был очень высокого мнения о Горации и предрекал ему бессмертие. Он выбрал его для написания оды к светским играм, позже просил его увековечить достижения Тиберия и Друза, а также желал, чтобы его собственное имя фигурировало в качестве адресата одной из его сатир или посланий.

"Я весьма раздражен тем, что ты не отдаешь мне предпочтения в качестве адресата в своих сочинениях такого рода. Неужели вы боитесь, что видимость близости со мной повредит вашей репутации у потомков?"

Гораций сполна отплатил императору за такую снисходительность. Насколько гений поэта согревается или охлаждается благодаря покровительству, решить нелегко. Если его отклоняют от естественных наклонностей или ограничивают в свободном выражении мысли, он страдает: если его спасают от низменных забот, он выигрывает. Гораций в ранней юности симпатизировал республиканской партии, в рядах которой служил, и, вероятно, в более поздней жизни все еще испытывал к ней теоретическое предпочтение и мог говорить о *nobile letum* и *atrox animus* Катона с искренней нотой восхищения, но он был человеком своего времени. Политика Октавиана сделала верховенство Августа неизбежным, и это, по крайней мере, обеспечивало мир и безопасность. Покровительство и либеральность Мекенаса, несомненно, помогли переломить ситуацию, но я не вижу причин сомневаться в том, что поэт был убежден, хотя, возможно, и без энтузиазма, что новый *режим* должен быть поддержан разумными людьми. Доброта императора, естественно, усиливала эффект его властной личности, но поэту, занимающему такое положение, было бы трудно писать с большим достоинством и меньшей полнотой, чем это делает Гораций в первом послании второй книги, адресованном Августу по его собственной просьбе. Но именно в *одах* мы

должны проследить неизменную симпатию к карьере и политике Августа. Если внимательно изучить их с точки зрения хронологии, то можно увидеть, с какой изобретательностью эти подражания греческим образцам создавались для поддержки и рекомендации целей или празднования успехов императора. *Эподы* и первые три книги *од* были написаны, по-видимому, между 35 и 25 годами до нашей эры. Среди множества стихотворений, исполненных фантазии, страсти или просто литературных *экскурсий*, встречаются сочинения, в которых прослеживаются не только реальные достижения Августа, но и его идеалы, намерения и стремления, начиная с года, предшествовавшего Акциуму, и заканчивая его возвращением из Испании в 25 г. до н.э. Мы начинаем со Второго эпода, в котором с сожалением говорится об отказе от намерения вторгнуться в Британию в 35 г. до н.э. и выражается тревога по поводу перспективы возобновления гражданской войны. В Шестнадцатом эподе этот ужас стал реальностью; гражданская война началась, и поэт, предвидя гибель государства, устремляет свой взор к миру и спокойствию сказочных островов Запада. Из Италии со всеми ее ужасами они должны во что бы то ни стало уехать. В Девятом эподе наступило облегчение; позорное рабство римского императора и римских солдат чужеземной царице закончилось; Антоний и Клеопатра в полном бегстве (31 г. до н.э.). Еще через год становится известно, что Антоний пал от собственной руки, а Клеопатра с помощью гадюки избавила себя от позора триумфального шествия (*Od.* i. 39). Далее следует роспуск легионов и их расселение по итальянским и сицилийским землям (2 *Sat.*, 6, 54). В других *одах* первой книги преданность Августу продолжается. Восходит звезда Юлиев (1, 2, 20); Август - *pater* и *princeps*, предвосхищая будущие титулы (1, 2, 20); он снова задумывается о вторжении в Британию (1, 35, 29); планируется арабская экспедиция со всеми ее тщетными надеждами на богатство (1, 29; 1, 35). Во второй книге "*Оды*", начав с размышлений о вреде гражданской войны (2, 1), поэт один за другим отмечает триумфы Августа или его полководцев в 27-24 гг. до н.э. Кантабрийская война (2, 6, 2; 2, 11, 1); триумфальная арка в Сузах (2, 9, 19); успех его дипломатии в Скифии, Армении и Парфии (*ib.*). В третьей книге посольство британских вождей рассматривается так, как будто остров был присоединен (3, 5, 2); кантабрийцы считаются завоеванными после экспедиции Августа (3, 8, 22; 3, 14). Затем наступает период государственного правления и реформ. Римская политика императора и его решимость сохранить Рим центром управления горячо поддерживаются (3, 3); моральные пороки, расточительность и разврат эпохи должны быть излечены, и Гораций поддерживает неудачное законодательство 27 г. до н.э., предвосхищает цензурные акты и законодательство 18 г. до н.э. Выражается протест против пышности и обширности загородных домов (2, 15); против женоподобности молодежи (*iii.* 2); против безнравственности женщин и разнузданности, ведущей к гражданским распрям (3, 24). *Carmen saeculare* говорит о принятом законодательстве и предсказывает его успех (20); в четвертой книге он утверждает, что, во всяком случае, пока Август находится с ними, успех обеспечен (4, 5), и что он не только дал им мир, но и великую нравственную реформу (4, 15). Политика императора в отношении "жупела" Востока - Парфянской державы - также прослеживается шаг за шагом. Они - опасный враг, подчинение которому сделает Августа божественным (3, 5, 1-4), и чьи угрожающие вторжения держат его министров в постоянной тревоге (3, 29, 27). Это происходит до 20 г. до н.э.; но уже в 19 г. до н.э. они покорились и вернули штандарты и пленных (*Epist.* i. 18, 56), и это один из триумфов Августа, для записи которого нужна рука мастера (*Epist.* ii. 1, 255); это слава эпохи Августа (*Od.* 4, 15, 6), и пока Август в безопасности, никто не будет бояться их больше (4, 5, 25). Наконец, по просьбе императора, он отмечает победы Друза и Тиберия над Винделици и Рети (4, 4 и 14), особенно поражение сугамбров, разгромивших Лоллия (4, 2, 34; 4, 14, 51), с комплиментом самому Августу за то, что он отправился в Галлию, чтобы поддержать Тиберия и Друза подкреплениями и советами (4, 14, 33), и за то, что он наконец закрыл дверь Януса (4, 15, 9).

Лирическая карьера Горация, таким образом, удивительно соответствует деятельности Августа. Его гений представил эту деятельность своим согражданам (а стихи Горация вскоре стали читать в школах) именно в том свете, в каком хотел видеть ее император. Если отбросить некоторые выражения излишней комплиментарности, которые способствовали растущей моде воздавать императору божественные почести, нельзя сказать, что язык поэта преувеличен или уничижителен. Возможно, "паразитический стол" Мекенаса, как утверждает М. Боле, был несчастьем для поэтов и ослабил их жилы вдохновения: но в практической жизни у человека должно быть что-то, на чем он мог бы укрепить свою веру; и Гораций мог бы поступить хуже, чем посвятить свой гений пропаганде лояльности к великому государственному деятелю, который спас римское общество и обеспечил мир и процветание империи. Так же и Вергилий, если бы он последовал своему собственному порыву, возможно, создал бы прекрасную поэму об эпикурейской космогонии, но не такую, которая бы жила и дышала благородным сиянием патриотизма.

Проперций.

Секст Проперций (ок. 45 - ок. 15 гг. до н. э.) был еще одним поэтом из круга Мекена, прославившим Августа. Он не стоит (но это личное мнение) в одном ряду с Вергилием или Горацием как художник. Говорят, что он умер молодым, возможно, в возрасте тридцати лет, и нет никаких свидетельств личной близости с Августом, но есть некоторые свидетельства того, что он был в плохих отношениях с Горацием. Его элегии также почти все являются поэмами страсти. Политика и императоры - всего лишь эпизоды, которые были введены из почтения к Мекенам. Тем не менее многие моменты в карьере Августа упоминаются в том же духе, что и у Горация. Осада Перузии, описанная в тонах ужаса, которые вряд ли были бы приемлемы, мешает его обращению (1, 21), а провал закона о браке 27 года до н. э. упоминается лишь с облегчением (2, 7, 1). В более благожелательных выражениях он говорит о победе при Актиуме (3, 7, 44), о падении Антония и Клеопатры (4, 8, 56; 4, 10, 32, *sqq.*; 4, 7, 56); а окончание гражданских войн приписывает Августу (*illa qua vicit condidit arma manu*, 3, 8, 41). Затем следует предполагаемое вторжение в Британию (3, 23, 5); арабская экспедиция и индийские посланники (3, 1, 15; 4, 3 1); открытие и описание Палатинской библиотеки - лучшей из сохранившихся (3, 29); набеги сугамбров и их подавление (5, 6, 77); парфяне у него часто на устах, хотя скорее как предсказание того, что с ними будет сделано, чем как запись возвращения стандартов.^[321] В пятой книге есть признаки начала *Фасти*, подобной Овидию, как записи событий римской истории; возможно, что это было сделано по желанию Августа, который после своей смерти передал эту задачу Овидию. Таким образом, и его голос, по крайней мере частично, был обеспечен поддержкой императорского режима.

Овидий.

Публий Овидий Назо (43 г. до н. э. - 18 г. н. э.) относится к последней части царствования. Он видел только Вергилия и, хотя слышал, как декламирует Гораций, не утверждает, что знал его. Он был совсем юн, когда Август завоевывал свое положение и реформировал конституцию, и нет никаких признаков того, что он выдвинулся как придворный поэт, пока Мекенас и его окружение не исчезли, а если он вообще привлек внимание Августа, то, вероятно, не совсем благоприятным образом. Его самые ранние поэмы - *Amores* и *Heroidum Epistulae* - не затрагивают государственных дел; это поэмы страсти - первая личная, вторая драматическая. В *Ars Amatoria* (около 2 г. до н. э. - 2 г. н. э.) мы впервые обнаруживаем придворного поэта в комплиментарной аллюзии на приближающуюся миссию Гая Цезаря в

Сирию и Армению, с его титулом *princeps iuventutis* и титулом Августа как *pater patriæ*, а также на *naumachia* или изображение битвы при Саламине, данное Августом в наводнении *nemus Cæsarum* во 2 г. до н. э. (А. А., 1, 171-2). *Метаморфозы* были написаны до его изгнания в 9 г. н. э., но после смерти Августа он, очевидно, ввел Эпilog (хв. 745 sq.), содержащий панегирик Тиберию и завершенную теперь карьеру Августа. Это *Фасты* - календарь событий римской истории, который, вероятно, был составлен по желанию императора, и в котором, соответственно, мы находим затронутые моменты его карьеры. Он был посвящен Германику и содержит намек на его собственное изгнание, поэтому, по крайней мере, частично, он был написан между 2 и 10 гг. до н.э. Его аллюзии на Августа - это аллюзии не интимного знакомого, а восхищенного субъекта, настоящего или притворного. Он упоминает битву при Мутине (iv. 627); присвоение титула Августа (i. 589); отвоение штандартов у парфян как триумф императора (vi. 467). Он упоминает о том, что Август стал Pontifex Maximus (iii. 415); о лаврах на фасаде его дворца (iv. 957); о сносе дома Ведия Поллиона как связанном с реформами и законами до н. э. 18 (vi. 6). 18 г. (vi. 637); к разделению города на *вики* и поклонению Ларам Августам (v. 145); к Форуму Августов и храму Марса, посвященному во 2 г. до н. э. (v. 551, sqq.). Впоследствии Овидий утверждал, что его книги с удовольствием читал Август, и предполагал, что был знаком с частными покоями дворца (Trist., 1, 5, 2; 2, 520), но в упоминаниях о делах, которые он знал и которые Август хотел записать, нет ничего, что могло бы напоминать о близких или интимных отношениях. Это обычные выражения внешнего и, возможно, скромного панегириста, а не друга и сторонника, как у Горация. Не стоит обращать внимания на уничижительные выражения в "Тристии" и письмах из Понта. Это всего лишь просьбы об отзыве, и они часто выражают в самой грубой форме растущую моду на поклонение императору или его гению. Возможно, самым тонким из этих обращений является то, в котором он объясняет, почему потратил свою молодость на сочинение фривольных стихов вместо того, чтобы воспевать славу императора: он был недостаточно хорошим поэтом и опозорил бы предмет, который был ему не по зубам (Tr., ii. 335-340). Это было оружие, выкованное самим императором, который всегда давал понять, что ему не нравится быть объектом внимания низших художников. Меланхолия и слабость этих поздних стихотворений Овидия, кажется, имеют некую аналогию с тучами, опустившимися на последние годы правления Августа. У Вергилия и Горация - свежесть утра или бодрость полудня, у Овидия - сгущающаяся грусть вечера.

РАССКАЗ АВГУСТА О СВОЕМ ПРАВЛЕНИИ (ИЗ НАДПИСИ В ХРАМЕ РОМА И АВГУСТА В АНГОРЕ)

1. Когда мне было девятнадцать лет, я на свой счет и за свой счет собрал войско, с помощью которого восстановил республику, поработленную тиранией одной фракции; за эти заслуги сенат в своих постановлениях внес мое имя в список их палаты в консульство Гая Пансы и Аула Гирция [43 г. до н. э.], предоставив мне в то же время консульское старшинство при голосовании; и дал мне *imperium*. Он приказал мне как пропретору "вместе с консулами следить за тем, чтобы республика не понесла никакого ущерба". Кроме того, в том же году, когда оба консула пали, народ избрал меня консулом и триумвиром для пересмотра конституции.

2. Тех, кто убил моего отца, я после судебного разбирательства в наказание за их преступление отправил в изгнание, а затем, когда эти же люди поднялись с оружием в руках против республики, я дважды побеждал их в битве на поле боя.

3. Мне приходилось вести войны на суше и на море, гражданские и иностранные, по всему миру, и в случае победы я щадил оставшихся в живых граждан. Тех иноземцев, которых можно было спокойно помиловать, я предпочитал сохранять, а не истреблять. Около 500 000 римских граждан принесли мне военную присягу. Из них я поселил в колониях или отправил обратно в свои города, после окончания срока службы, значительно более 300 000; всем им я выделил земли, купленные мной, или деньги вместо земель. Я захватил 600 кораблей, не считая тех, что были ниже трирем.

4. Я дважды удостоился орации, трижды - триумфа курульных, и двадцать один раз меня приветствовали как императора. Хотя впоследствии сенат присудил мне несколько триумфов, я от них отказался. Кроме того, я часто возлагал лавры на Капитолий после выполнения клятв, которые давал в каждой войне. За успешные операции, проведенные мной или моими легатами под моей эгидой на суше и на море, сенат пятьдесят три раза постановлял возносить молитвы бессмертным богам. Число дней, в течение которых, согласно указу сената, возносились мольбы, составило 890. Во время моих триумфов перед моей колесницей везли девять царей или сыновей царей. К моменту написания этого сочинения я был консулом тринадцать раз и сейчас нахожусь на тридцать седьмом году своей трибунской власти [13-14 гг. н. э.].

5. Диктатуру, предложенную мне в моем присутствии и отсутствии сенатом и народом в консульство Марка Марцелла и Луция Аррунтия [22 г. до н. э.], я отказался принять. Я не отказался во время очень большого дефицита кукурузы от должности комита по снабжению кукурузой, которой я распорядился так, что в течение нескольких дней избавил весь народ от страха и опасности. От консульства - ежегодного или пожизненного, - которое мне предлагали, я отказался.

6. В консульство М. Виниция и К. Лукреция [19 г. до н. э.], П. и Кн. Лентула [18 г. до н. э.], а также Павла Фабия Максима и К. Туберо [11 г. до н. э.], когда сенат и народ Рима единодушно согласились, чтобы я был избран блюстителем законов и нравов, с неограниченными полномочиями и без коллеги, я отказался от всех предложенных мне должностей, которые противоречили обычаям наших предков. Но то, чем в то время желал управлять сенат, я выполнял в силу своей трибунской власти, и на этом посту я пять раз получал по собственной просьбе коллегу из сената.

7. Я был одним из триумвирата по восстановлению конституции в течение десяти лет подряд. Я был *princeps senatus* до того дня, когда я пишу это, в течение сорока лет. Я - Pontifex Maximus, Augur, один из пятнадцати комиссаров по делам религии, один из семи по делам священных праздников, брат Арвала, *содалис Тиций*, фетий.

8. В мой пятый консулат [29 г. до н. э.] я увеличил число патрициев по приказу народа и сената. Я трижды составлял списки сената, а в шестой консулат [28 г. до н. э.] я провел перепись народа с М. Агриппой в качестве моего коллеги. Я провел *перепись* после сорока одного года перерыва, в течение которого число римских граждан, внесенных в переписной лист, составило 4 063 000. Второй раз я провел перепись с консульским императорством в одиночку в консульство Гая Цензорина и Гая Асиния [8 г. до н. э.], и число римских граждан, внесенных в списки, составило 4 223 000. В консульство Секста Помпея и Секста Аппулея [14 г. н. э.] я провел третью перепись с консульским императорством, мой сын Тиберий Цезарь выступал в качестве моего коллеги, и число римских граждан, внесенных в переписной лист, составило 4 937 000. Принятием новых законов я напомнил о многочисленных обычаях наших предков, которые в наше время впали в запустение, и сам создал прецеденты во многих областях для подражания потомкам.

9. Сенат постановил, чтобы консулы и жрецы каждый пятый год приносили обеты за мое здоровье. Во исполнение этих обетов четыре главные коллегии жрецов или консулы при моей жизни часто устраивали игры. Также по отдельности и по волостям народ в целом всегда приносил жертвы во всех храмах за мое здоровье.

10. Постановлением сената мое имя было включено в ритуал салиев; и законом было предписано, чтобы моя персона была священной и чтобы я обладал трибунской властью в течение всей моей естественной жизни. Я отказался стать Pontifex Maximus, сменив своего коллегу при его жизни, хотя народ предлагал мне эту священную должность, которую раньше занимал мой отец. Несколько лет спустя я принял этот священный пост после смерти человека, который воспользовался гражданскими беспорядками, чтобы получить его; на мое избрание со всех концов Италии стекалось такое множество народа, какое никогда прежде не приходило в Рим, в консульство П. Сульпиция и К. Вальгия [6 марта 12 г. до н. э.].

11. Сенат освятил к моему возвращению алтарь Фортуны Редукс, рядом с храмом Чести и Добродетели, у Порты Капена, на котором велел весталкам ежегодно приносить жертву в день, когда в консульство К. Лукреция и М. Виниция [19 г. до н. э.] я вернулся в город из Сирии, и дал этому дню название *Августалия* от моего имени [15 декабря].

12. По постановлению сената в это же время часть преторов и трибунов плебса вместе с консулом К. Лукрецием и ведущими вельможами были отправлены в Кампанию, чтобы встретить меня - честь, которая до сих пор не была оказана никому другому. Когда я вернулся в Рим из Испании и Галлии после успешных операций в этих провинциях в консульство Тиберия Нерона и Публия Квинтилия [13 г. до н. э.], сенат постановил освятить к моему возвращению алтарь Pax Augusta на Campus Martius, на котором приказал магистратам, жрецам и весталкам приносить ежегодную жертву [30 янв.]

13. В то время как Janus Quirinus, который наши предки приказали закрыть, когда мир во всех владениях римского народа на суше и на море был достигнут победами, как записано, был закрыт только дважды до моего рождения с момента основания города, сенат трижды голосовал за его закрытие во время моего principatus.

14. Моих сыновей Гая и Луция Цезарей, которых судьба отняла у меня в ранней юности, в знак уважения ко мне сенат и римский народ назначили консулами на пятнадцатом году их жизни с оговоркой, что они должны вступить в эту должность после пятилетнего перерыва. Сенат постановил, что со дня принятия *moru virilis* они должны принимать участие в государственных делах. Кроме того, римские эквиты в полном составе присвоили каждому из них титул *Princeps Iuventutis* и подарили им серебряные щиты и копья.

15. Римскому плебсу я платил по 300 сестерций на голову в соответствии с завещанием моего отца; от своего имени в пятый год моего консульства [29 г. до н. э.] я дал по 400 сестерций с продажи военных трофеев; во второй раз в десятый год моего консульства [24 г. до н. э.] из своего личного имущества я выплатил по 400 сестерций на человека, а в одиннадцатый год моего консульства [23 г. до н. э.] я отмерил двенадцать раздач кукурузы, купив ее из своих собственных средств. На двенадцатый год моей трибунской власти [11 г. до н. э.] я в третий раз дал по 400 сестерций на голову. Этими моими щедротами было охвачено не менее 50 200 человек. На восемнадцатом году моей трибунской власти и двенадцатом консульства [5 г. до н. э.] я дал 320 000 городских плебеев по шестьдесят денариев на голову. В колониях моих солдат в пятый год моего консульства [29 г. до н. э.] я давал от продажи военных трофеев по 1 000 сестерций на голову; среди таких поселенцев число получивших это триумфальное благодеяние составило около 120 000 человек. В тринадцатый консулат [2

г. до н. э.] я выдавал по 60 денариев плебеям, получавшим тогда общественное зерно; их было несколько больше, чем 200 000 человек.

16. Деньги за земли, которые в четвертый мой консулат [30 г. до н. э.], а затем в консулатство М. Красса и Кн. Лентула авгура [14 г. до н. э.], я выделил солдатам, я выплатил муниципальным городам. Сумма составила около 600 000 000 сестерций, которые я заплатил за земли в Италии, и около 260 000 000, которые я раздал за земли в провинциях.

Я был первым и единственным на памяти моего поколения, кто сделал это из всех, кто заложил колонии в Италии и провинциях. А затем в консульство Тиба Нерона и Кн. Пизо [7 г. до н. э.], и снова в консульство К. Антистия и Д. Лелия [6 г. до н. э.], и К. Кальвизия и Л. Пасиена [4 г. до н. э.], и Л. Лентула и М. Мессаллы [3 г. до н. э.], и Л. Каниния и Q. Фабриций [до н. э. 2], солдатам, которых после окончания срока службы я отправил обратно в их собственные города, я выплатил хорошие пособия за службу в готовых деньгах; на это я потратил 400 000 000 сестерций в качестве акта милости.

17. Я четыре раза субсидировал *эрарий* из своих собственных денег; суммы, которые я таким образом выплачивал комиссарам казны, составляли 150 000 000 сестерций. А в консульство М. Лепида и Л. Аррунтия [6 г. н. э.] в военную казну, учрежденную по моей инициативе для выплаты пособия за хорошую службу солдатам, прослужившим двадцать лет и более, я внес из собственного состояния 170 000 000 сестерций^[322].

18. Начиная с года консульства Гнея и Публия Лентула [18 г. до н. э.] и после него, когда возникала задолженность по выплате доходов, я вносил в казну из своего достояния налоги, причитающиеся в зерне или деньгах, иногда со 100 000 человек, иногда с большего числа.

19. Я построил курию и прилегающий к ней Хальцидикум, храмы Аполлона на Палатине с колоннадами, храм божественного Юлия, Луперкаль, колоннаду у цирка Фламиниян, которую я разрешил назвать Октавией, по имени строителя предыдущей на том же месте, государственную ложу у Цирка Максимуса, храмы Юпитера Феретрия и Юпитера Тонанса на Капитолии, храм Квирина, храмы Минервы и Юноны Царицы, а также Юпитера Либералиса на Авентине, храм Лареса у начала *via Sacra*, храм божественных Пенатов в Велии, храм Юности, храм Mater Magna на Палатине.

20. Капитолий и Помпейский театр - оба очень дорогие произведения - я восстановил без всякой надписи своего имени. Водоводы во многих местах, обветшавшие от старости, я отремонтировал; а акведук, называемый Аква Марсия, я удвоил, направив в его русло новый источник.

Форум Иулиум и базилику, которая находилась между храмом Кастора и храмом Сатурна, работы, начатые и далеко продвинутые моим отцом, я завершил; и когда та же базилика была уничтожена пожаром, я начал ее восстановление по расширенному плану, который должен быть вписан в имена моих сыновей, и в случае, если я не доживу до завершения, я приказал, чтобы она была завершена моими наследниками.

В мой шестой консулат [28 г. до н. э.] я отремонтировал восемьдесят два храма богов в городе в соответствии с постановлением сената, не пропустив ни одного, который в то время нуждался в ремонте. В свой седьмой консулат [27 г. до н. э.] я построил Фламиниеву дорогу от города до Ариминума и все мосты, кроме Мульвийского и Минуциева.

21. На принадлежащей мне земле я построил храм Марса Ультора и Форум Августум на деньги, вырученные от продажи военных трофеев. Я построил театр, примыкающий к храму Аполлона, на земле, большей частью купленной у частных владельцев, под именем моего зятя Марка Марцелла. Приношения из денег, вырученных от продажи военного имущества, я освятил в храме Аполлона, и в храме Весты, и в храме Марса Ультора, что обошлось мне примерно в 100 000 000 сестерций. Тридцать пять тысяч фунтов золота, [323] деньги короны, внесенные муниципалитетами и колониями Италии за мои триумфы, я вернул в пятый консульский срок [29 г. до н. э.], и впоследствии, как только меня приветствовали как императора, я отказывался получать деньги короны, хотя муниципалитеты и колонии постановляли это с такой же теплотой, как и раньше.

22. Я трижды устраивал представления гладиаторов от своего имени и пять раз от имени своих сыновей и внуков; в этих представлениях участвовало около 10 000 человек. Дважды я давал народу представление атлетов, собранных со всех концов света, от своего имени, а в третий раз - от имени своего внука. Четыре раза я давал игры от своего имени, двадцать три раза представлял других магистратов. От имени квиндецимвиров и как магистр коллегии, с М. Агриппой в качестве коллеги, я давал светские игры в консульство К. Фурния и К. Силана [17 г. до н. э.]. В свой тринадцатый консулат [2 г. до н. э.] я впервые устроил Марсовы игры, которые с тех пор консулы устраивали в последующие годы. От своего имени и от имени своих сыновей и внуков я устраивал для народа охоту на диких зверей, африканских животных, в цирке и на форуме, а также в амфитеатрах двадцать шесть раз, во время которых было убито около 3500 животных.

23. Я дал народу зрелище морского сражения на другом берегу Тибра, на том месте, где теперь находится роща Цезарей; земля была выдолблена в длину на 1800 футов, а в ширину на 1200 футов, в которой сражались тридцать кораблей с клювами, триремы или биремы, и еще большее число более мелких судов. В этих флотах, кроме гребцов, сражалось около трех тысяч человек.

24. В храмах всех государств провинции Азия я после победы заменил украшения, которые тот, с кем я сражался, забрал в свое личное владение из-за разорения храмов. В разных частях города стояло около восьмидесяти серебряных статуй, изображавших меня: одни пешие, другие конные, третьи на колесницах. Их я убрал, а на вырученные деньги положил в храме Аполлона золотые подношения от своего имени и от имени тех, кто почтил меня статуями.

25. Я очистил море от пиратов. В этой войне я захватил около 30 000 рабов, сбежавших от своих хозяев и выступивших оружием против республики, и вернул их владельцам, чтобы они были наказаны. Вся Италия спонтанно присягнула мне и потребовала, чтобы я был вождем в войне, в которой я одержал победу при Актиуме. Провинции галлов, Испании, Африки, Сицилии, Сардинии принесли ту же присягу. Среди тех, кто сражался под моими знаменами, было более семисот сенаторов, восемьдесят три из которых были или стали консулами до того времени, как я написал это, и 170 членов священных коллегий.

26. Я расширил границы всех провинций римского народа, с которыми граничили племена, не подчинившиеся нашей империи. Провинции галлов, а также Испании и Германии, ограниченные океаном от Гадеса до устья реки Эльбы, я привел в мирное состояние. Альпы, от района у Адриатики до Тосканского моря, я заставил оставаться мирными, не ведя неспровоцированной войны ни с одним племенем. Мой флот проплыл по океану от устья Рейна навстречу восходящему солнцу до территории кимвров, куда до этого времени ни один римлянин не проникал ни по суше, ни по морю. Цимбры, и хариды, и семноны, и другие

народы германцев, принадлежащие к той же территории, отправили послов просить дружбы у меня и римского народа. По моему приказу и под моим покровительством две армии почти одновременно вошли в Эфиопию и Аравию, называемую Феликсом, и большие враждебные силы обоих этих народов были разбиты в бою, а большое число городов взято в плен. В Эфиопию проникли до города Набата, расположенного рядом с Мероэ. В Аравии армия продвинулась на территорию сабеев до города Мариба.

27. Я присоединил Египет к империи римского народа. Когда я мог сделать Великую Армению провинцией после убийства ее царя Артакса, я предпочел, по примеру наших предков, передать это царство Тиграну, сыну царя Артавасда, внуку царя Тиграна, руками Тиберия Нерона, который был тогда моим пасынком. После этого тот же народ, находившийся в состоянии бунта и мятежа, я передал под власть царя Ариобарзанеса, сына Артабаза, царя медов, после того как он был низложен моим сыном Гаем; а после его смерти - его сыну Артавасдесу, после убийства которого я послал в это царство Тиграна, члена царской семьи армян. Я вернул себе все провинции по ту сторону Адриатики на востоке и Кирену, которые к тому времени большей частью принадлежали разным царям, а перед ними Сицилию и Сардинию, захваченные армией рабов.

28. Я основал колонии солдат в Африке, Сицилии, Македонии, обеих Испаниях, Ахайе, Азии, Сирии, Галлии Нарбоненской, Писидии. В Италии насчитывается двадцать восемь колоний, основанных под моим покровительством, которые при моей жизни стали очень густо населенными и весьма курортными местами.

29. Большое количество военных штандартов, утраченных при других полководцах, я вернул, победив врага, из Испании, Галлии и Далмации. Я заставил парфян вернуть трофеи и штандарты трех римских армий и добиваться дружбы римского народа в качестве сторонников. Эти штандарты я положил во внутреннем святилище, принадлежащем храму Марса Ультора.

30. Племена паннонцев, до которых, когда я был *принцепсом*, не доходила армия римского народа, были покорены Тиберием Нероном, который был тогда моим пасынком и легатом [11 г. до н. э.], я присоединил к империи римского народа и расширил границу Иллирика до берегов Дуная. И когда войско даков переправилось на юг от этой реки, оно было побеждено и обращено в бегство под моим покровительством; а впоследствии мое войско, будучи проведено через Дунай, заставило племена даков подчиниться приказам римского народа.

31. Ко мне часто присылали посольства цари из Индии, которых прежде не видел в лагере ни один римский полководец. Посольствами добивались нашей дружбы и бастарны, и скифы, и цари сарматов, живущих по обе стороны реки Дон, и царь альбанов, и гиберов, и медов.

32. Цари парфян - Тиридат, а затем Фрат, сын царя Фрата, - бежали ко мне за убежищем; из медян - Артавасды; из адиабенов - Артаксары; из бриттов - Думнобеллаун и Тим...;[324] из маркоманнов и суэбов....[324] Фрат, царь парфян, сын Ородеса, прислал ко мне в Италию всех своих сыновей и внуков, не потому, что был побежден в войне, но ища нашей дружбы с помощью своих собственных сыновей в качестве залога. И очень многие другие народы испытали на себе доброе расположение римского народа, пока я был *принцепсом*, с которыми до этого времени не было ни дипломатических, ни дружеских сношений.

33. Народы парфян и вожди медян с помощью посольств добивались и приняли от меня царей этих народов: парфяне - Вононеса, сына царя Фрата, внука царя Ородеса; медяне - Ариобарзана, сына царя Артавасдеса, внука царя Ариобарзана.

34. В шестой и седьмой консулаты [28 и 27 гг. до н. э.], когда я погасил пламя гражданской войны, по всеобщему согласию получив в свои руки единоличное управление делами, я передал республику из-под своей власти в волю сената и народа Рима. За эту добрую службу с моей стороны я был декретом сената наречен Августом, и косяки моего дома были усыпаны лаврами во имя государства, над моей дверью была воздвигнута гражданская корона, а в курии Юлиев был поставлен золотой щит, который, как было объявлено в надписи, сенат и народ Рима дали мне в знак признания доблести, милосердия, справедливости и благочестия. После этого я стал первенствовать над всеми по рангу, но власти у меня было не больше, чем у тех, кто был моими коллегами в нескольких магистратурах.

35. Когда я исполнял свои тринадцатые обязанности консула [2 г. до н. э.], сенат, конный орден и римский народ с единого согласия приветствовали меня как отца моей страны и постановили, чтобы это было начертано в притворе моего дома, и в доме сената, и на Форуме Августа, и под колесницей, которая была там поставлена в мою честь в соответствии с сенатским постановлением.

Когда я писал это, мне шел семьдесят шестой год [13-14 гг. н. э.].

ССЫЛКИ

[1] *Ad capita bubula*. Ланциани (Lanciani, *Remains of Ancient Rome*, p. 139) говорит, что так назывался переулок в восточном углу Палатина. Другие считают, что это название дома, как *ad malum Punicum*, в котором родился Домициан (Suet., *Dom.* 1). Так позже мы слышим о доме в Риме *quæ est ad Palmam* (*Codex Theod.*, p. 3). Возможно, дом получил свое название благодаря фризу с бычьими головами, как и гробница Метелла, которую стали называть *Capo-di-bove*. Не так просто объяснить, почему так назывался переулок. См. также с. 205.

[2] C. I. L., vol. i. p. 279.

[3] Cicero, *ad Q. Fr.* 1, 1, 21; 1, 2, 7. Velleius Pat., 2, 59; Sueton., *Aug.* 3.

[4] Плебейские Атии Бальбы, по-видимому, не имели большого значения. М. Атий Бальбус был претором в 62 г. до н. э. (вместе с Цезарем), губернатором Сардинии в 61-60 гг. до н. э., а в 59 г. до н. э. был одним из XX viri по юлианскому земельному закону (Cic., *ad Att.* ii. 4).

[5] Эти и другие истории можно найти в Sueton., *Aug.* 94, и Dio, 45, 2. Вергилий умело использует их в *Æn.*, vi. 797, *sqq.*

[6] Антоний, желая обесценить Августа, утверждал, что у его прадеда был канатоход в Фуриях; и какая-то такая связь его предков с этим местом может объяснить это прозвище, которое впоследствии, естественно, было отброшено (Suet., *Aug.* 7).

[7] Брак мог состояться не ранее середины 57 г. до н. э., поскольку, когда первый муж Атии умер, Филипп находился в Сирии. В 57 г. до н. э. его сменил Габиний, который прибыл в Италию вовремя, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на пост консула, поскольку выборы в том году проходили в обычное время, т. е. в июле (Cic., *ad Att.* 4, 2).

[8] Л. Марций Филипп был сыном знаменитого оратора и горячим сторонником Цицерона. Вместе со своим коллегой, назначенным консулом, он предложил преследование Хлодия (Cic., *ad Q. Fr.* ii. 1). Когда началась гражданская война, Цезарь разрешил ему сохранять нейтралитет (Cic., *ad Att.* ix. 15; x. 4). Но Цицерон находил его утомительной компанией, поскольку он был болтлив и прозаичен (*ad Att.* xii. 9, 16, 18); а в смутные времена после убийства Цезаря он мало считался с его мнением (*ad Att.* xvi. 14; *ad Brut.* i. 17).

[9] Закон 52 г. до н. э. разрешал избирать Сезара "в его отсутствие" (*absentis rationem haberi*), но ничего не говорил о том, что он должен был владеть провинцией. По давнему предписанию сенат имел право решать, когда губернатор провинции должен быть "сменен". Но тогда срок правления провинцией Сезара был установлен *lex*, который был выше *Senatus-consultum*; и он мог бы также утверждать, что если неконституционно избирать человека консулом, когда он владеет провинцией, то сенат нарушил конституцию, позволив Помпею быть консулом в 52 г. до н.э.

[Сенат не настаивал на *professio*, от которого Цезарь был освобожден по имени в законе Помпея. Но он утверждал, что сохраняет за собой право определять дату, когда человек должен покинуть свою провинцию, и решать в отношении выборов, является ли человек законным кандидатом, что могло зависеть от других вещей, помимо составления или не составления *professio*.

[11] Сложность заключалась в том, что оба консула отсутствовали. Поэтому не было никого, кто мог бы провести консульские выборы. Но поскольку другие курульные магистраты все еще существовали, "ауспиция не вернулась к отцам", которые, следовательно, не могли назначить интеррекса. Претор Лепид, хотя и хотел, не мог "создать" *maius imperium*. Единственным выходом было назначить диктатора (*com. hab. causa*), но сделать это, согласно традиции, мог только один из консулов. В конце концов Лепид специальным голосованием народа получил право назвать диктатором Цезаря, что имело прецеденты в делах Фабия Максима и Суллы, и Цезарь, как диктатор, провел консульские выборы. Cæs., b. c. ii, 21; Dio, 41, 36.

[12] Николай (гл. 4) говорит, что он принял *toga virilis* около четырнадцати лет (περὶ ἑτῆ μάλιστα τεσσάρωνδεκα). Но Суетоний (*Aug.* 8) говорит, что он произнес *laudatio* своей бабушке на двенадцатом году жизни, а "через четыре года после этого" принял *toga virilis*.

[13] Октавий был *sui iuris*, его отец был мертв; поэтому его усыновление требовало формального принятия *lex curiata*. Противодействие этой формальности, поддерживаемое Антонием, было одной из причин ссоры Октавиана с ним в 44-3 гг. до н. э., а завершение ее было одним из первых дел, которые Октавиан обеспечил при въезде в Рим в августе 43 г. до н. э. [Appian, b. c. iii. 94; Dio, 45, 5]. Это кажется убедительным против теории, что Юлий усыновил его при жизни. Более того, все авторитеты говорят о том, что усыновление произошло по *завещанию*. Ливий, *Ep.* 116, *testamento in nomen adoptatus est*; Веллеус, ii. 59, *testamentum apertum est, quo C. Octavium nepotem sororis suæ Iuliae adoptabat*. См. также Аппиан, b. c. iii. 11; Dio, 45, 3; Плутарх, *Brut.* 22. Правда, Николай, говоря о триумфе 46 г. до н. э. (§ 8), говорит οὐδὲν ἥδη πεπονημένος. Но если он имеет в виду нечто большее, чем "считать его сыном", то дважды после этого противоречит сам себе: См. § 17 ἀπήγγελλον τὰ τε ἄλλα καὶ ὡς ἐν ταῖς διαθήκαις ὡς υἱὸς εἶη Καίσαρι ἐγγεγραμμένος. Ср. § 13.

[14] Cicero, *ad Att.* xii. 48, 49; Николай, § 14; Valer. Max., 1, 15, 2. О дальнейшей судьбе этого человека см. Cicero, *ad Att.* xiv. 6, 7, 8; App., b. c. iii. 2-3.

[15] Патрицианские *роды* вымирали, и было решено пополнить их число, постепенно формируя таким образом класс знати, отличный от тех, кого облагодетельствовали по должности. Инициатива создания патрициев Октавия принадлежала сенату, однако в более поздние времена полномочия по созданию *патрициев* были переданы императору. Юлий, похоже, также сделал это по собственной инициативе. (Dio, 43, 47; Suet., *Aug.* 2.)

[16] Он взял с собой Аполлодора из Пергама, известного автора системы риторики (Suet., *Aug.* 89; Strabo, 13, 4, 3; Quinct., 3, 1, 17). Другими его учителями, как в Аполлонии, так и в других местах, являются Арей Александрийский, Александр Пергамский, Афинодор Тарсский (Suet. *l. c.*; Dio, 51, 4; Plutarch, *Ant.* 11; Nicol. Dam., § 17; Zonaras, 10, 38).

[17] Suet., *Aug.* 65; Vell. Paterc., 2, 59, 64; App., *b. c.* 5, 66; Dio, 48, 33. Другой пример друга, попавшего в опалу и разорившегося, приведенный Суэтонием, - Корнелий Галл. Но он, похоже, не был в Аполлонии. Он был почти на три года старше Августа и в 44-3 гг. до н. э., возможно, находился вместе с Поллио в Бетике. См. Cic., *ad Fam.* x. 32.

[18] Nicolas, § 16; App., *b. c.* iii. 9-10.

[19] Долабелла консул последней половины 44 г. до н. э. с Антонием; Панса и Гирций, 43 г. до н. э.; Планк и Дек Брут 42 г. до н. э. Вероятно, М. Брут и К. Кассий (или, несомненно, первый) до н. э. 41 [Plut., *Cæs.* 62; Cic., *ad Fam.* xii. 2]. Для 43 г. до н. э. названы преторы и другие магистраты, но для последующих лет - только консулы и трибуны.

[20] Dio, 43, 47, καὶ ἔς γε τὰ ἔθνη ἀκλήρωτὶ ἐξεπέμφθησαν.

[21] М. Брут, К. Кассий, Дек. Брут, Л. Цимбер, К. Требоний.

[22] Cic., *ad Att.* xiv. 9; Cæs., *b. c.* ii. 22; Plut., *Ant.* xi.

[23] Dio, 46, 60.

[24] У Сезара были вспомогательные войска в Испании из Аквитании 49 г. до н.э.; Cæs., *b. c.* i. 39.

[25] Cicero, *ad Att.* xiv. 5, 8, 9.

[26] Livy, *Ep.* 62. Аппиан говорит, что Метелл не сражался, но был принят как друг, зимовал в Салоне, а затем вернулся домой и добился триумфа (*Illyr.* xi.).

[27] Eutrop., v. 4.

[28] *Id.* vi. 4; Oros., v. 23.

[29] Cæs., *b. c.* iii. 5, 9.

[30] Livy, *Ep.* 110; App., *b. c.* ii. 47.

[31] *Id.*, *b. c.* ii. 59.

[32] Cæs., *b. Alex.* 42-3.

[33] *Id.*, 34-6.

[34] Cic., *ad Fam.* v. 10 (a), 10, 11.

[35] App., *Illyr.* 13.

[36] App., b. c. iv. 75; Dio, 47, 21. Ватиний был болен, а его последние неудачи потеряли доверие его людей, которые настаивали на том, чтобы его перевели к Бруту.

[37] Dio, 43, 42; Гораций, *Оды*, iii. 1, 13.

[38] Cæs., *b. Alex.* 48-64; *Hisp.* 7, 12.

[39] App., b. c. ii. 107.

[40] Ошибочно названный Аппианом Aulus Albinus, b. c. ii. 48; см. Klein, *die Verwaltungsbeamten der Provinzen*, p. 83.

[41] Cic., *ad Fam.* xiii. 30, 36, 50, 78, 79; Cæs., *b. Afr.* 2, 26, 34.

[42] Cic., *ad Fam.* vi. 16, 17.

[43] Dio, 48, 17, 19; Livy, *Ep.* 123; Appian, b. c. iv. 84. Некий М. Казиний был назначен в Сицилию в 43 г. до н. э., но не поехал туда, возможно, из-за распоряжения сената (предназначенного для поддержки Деке Брута), сделанного 20 декабря 44 г. до н. э., чтобы все губернаторы сохраняли свои провинции до дальнейших распоряжений (Cic., *ad Fam.* xii. 22, 25).

[44] App., b. c. ii. 48.

[45] Cic., *ad Att.* xv. 7; xvi. 3.

[46] App., b. c. iv. 2; Dio, 46, 55.

[47] Sueton., *Aug.* 47. Вероятно, имеется в виду период после его прихода к единоличной власти. Согласно Николаю, § 11-12, он посетил Африку вместе с Сезаром в 45 г. до н. э. См. с. 13. Однако нет никаких сведений о том, что он когда-либо был на Сардинии.

[48] App., b. c. v. 67. Владения Секста Помпея на Сардинии было признано в "договоре" Мизенума, заключенном в 39 г. до н. э. (Dio, 48, 36; App., b. c. v. 72).

[49] См. прим. 2, с. 24.

[50] Cicero, *3 Phil.* § 26; *ad Fam.* xii. 22, 23, 30.

[51] Appian, b. c. iii. 85, 91.

[52] Appian, b. c. iv. 36, 53-56; v. 26; Dio, 48, 21-23. Кажется невозможным примирить Аппиана и Дио. Указанный здесь ход событий согласуется в основном с Дио, чье изложение в целом представляется более обоснованным.

[53] Cæs., b. c. iii., 102.

[54] *Id.*, *b. Alex.* 42.

[55] Составлено комиссарами после падения Коринфа, 146 г. до н.э.

[56] Cicero, *ad Att.* xi. 15; Cæsar, b. c. ii. 56, 106; Dio, 42, 14.

[57] Сервий сражался против Сезара при Фарсалии, хотя его сын был с Сезаром. После битвы он удалился на Самос и отказался продолжать войну. См. Цицерон, *ad Fam.* iv. 3, 4, 11, 12; vi. 6; xiii. 17, 19, 23, 25, 28.

[58] App., b. c. v. 72.

[59] Cicero, *ad Fam.* vi. 12; App., b. c. iii. 2.

[60] См. Цицерон, 13 *Phil.* 23 (письмо Антония).

[61] P. Cornelius Lentulus Spinther. См. его письмо к Цицерону, *ad Fam.* xii. 14, 15.

[62] Cæs., b. Alex. 66: *rebus omnibus provinciæ et finitimarum civitatum constitutis* - это все, что нам говорят.

[63] Dio, 47, 26. Аппиан дает два рассказа о Бассе. В первом он представляет его как реального командира легионов, в то время как Секст Юлий был номинальным начальником. Юлий был номинальным начальником. Однако он приводит и другой вариант, более соответствующий версии Дио. См. App., b. c. iii. 77; iv. 58, *sq.*

[64] Cicero, *ad Att.* xiv. 9.

[65] *Id.*, *ad Fam.* xii. 11 (Кассий - Цицерону); xii. 12.

[66] Cicero, *ad Att.* vi. 5; Valer. Max., vi. 1, 15.

[67] Кириния с четырьмя другими городами - Аполлонией, Птолемаем, Арсиной, Береникой - образовывала Пентаполис. (Livy, *Epit.* 70.)

[68] App., b. c. I. iii. *sq.*; Sall., *hist. fr.* ii. 39.

[69] Vell. Pat., ii. 34; Dio, 36, 2; Iust. 39, 5; Livy, *Epit.* 100. Законы Крита были оставлены в силе (Cic., *Mur.* § 74; *pro Flacc.* § 30).

[70] App., b. c. iii. 12, 16, 36; iv. 57; Dio, 47, 21.

[71] Cicero, 2 *Phil.* § 97.

[72] Возможность перехода этих легионов в Италию вызвала немалое беспокойство в Риме; Cicero, *ad Att.* xiv. 16.

[73] Cicero, *ad Att.* xv. 21.

[74] Суетоний (*Iul.* 83) говорит: "три четверти"; то же самое делает и Николай Дам. 17 (τρία μέρη τῶν χρημάτων). Но Ливий (*Ep.* 116) говорит "половина" (*ex semisse*). Возможно, Ливий имеет в виду сумму, оставшуюся после вычета наследства в 300 сестерций каждому гражданину. Однако Николай, похоже, считает, что это наследство взималось с оставшейся четверти. Октавиан, конечно, обязался выплатить его, но затем Пинарий и Педий передали ему свои доли.

[75] Аппиан (b. c. ii. 147) говорит, что во время *хвалы* Антонию не было видно самого тела, но была выставлена восковая фигура, которая с помощью какого-то механического приспособления вращалась и показывала все раны.

[76] Николай (§ 17), по-видимому, отправил их прямо в Антиум. Но из писем Цицерона ясно, что Брут, во всяком случае, сначала отправился в Ланувий, *ad Att.* xiv. 10, 21; xv. 9. По-видимому, они отправились в Антиум в конце мая или начале июня.

[77] Suet., *Aug.* 25.

[78] Последнее является прилагательной формой его первоначального имени, в соответствии с обычным обычаем в случаях усыновления.

[79] Cicero, *ad Att.* xiv. 5, 10, 11, 12.

[80] Cicero, *ad Att.* xiv. 20, 21. Дио (45, 6) говорит, что вводящим трибуном был Тиб Канутий. Но кажется вероятным, что это относится ко второй речи.

[81] Cic., *ad Att.* xv. 2. Существует необычайно мужественное и откровенное письмо Матия к Цицерону (*ad Fam.* xi. 28), в котором он защищает свою привязанность к Цезарю и свои заслуги перед Октавианом.

[82] Appian, b. c. 3, 20, τῶν προσόδων ἐξ οὗ παρῆλθεν ἐπὶ τὴν ἀρχὴν ἐς αὐτὸν ἀντὶ τοῦ ταμείου συμφερόμενων. Единоличное управление казной было передано Сезарю в 45 г. до н. э. (Dio, 43, 44, τὰ δημόσια χρήματα μόνον διοικεῖν). Он забрал ее из рук *квесторов* и назначил двух *префектов* для управления ею: но не похоже, что они имели какое-то отношение к деньгам в храме Опса, относительно которых были некоторые сомнения в том, что они являются "общественными деньгами" в обычном смысле этого слова.

[83] Цицерон, 1 *Фил.* § 17; 2 *Фил.* § 93.

[84] Цицерон, в 2 *Phil.* § 93, кажется, предполагает, что Антоний забрал деньги все сразу. Но из писем самого Цицерона следует, что процесс разорения храма Опса был постепенным, а то, как Антоний распорядился деньгами, можно только предполагать. 27 апреля он пишет: "Ты упоминаешь о разграблении храма Опса. Я тоже был свидетелем этого в то время" (*ad Att.* xiv. 14). 7 мая он говорит, что Долабелле досталась большая доля (*ad Att.* xiv. 18). В ноябре он говорит, что его племянник Квинт знал все об этом и намеревался открыть это общественности (*ad Att.* xvi. 14). Аппиан (b. c. iii. 20) заставляет Антония сказать Октавиану: "Деньги, переданные в мой дом, не были такой большой суммой, как ты предполагаешь, и никакая их часть не находится сейчас в моем распоряжении. Люди, стоящие у власти, за исключением Долабеллы и моих братьев, разделили все это, как собственность тирана".

[85] Cic., *ad Att.* xvi. 8.

[86] Dio, 45, 6; по-видимому, этот случай отличается от того, который упоминается в App., b. c. iii. 47, и о котором Цицерон, *ad Att.* xvi. 15, говорит как о произошедшем позднее в том же году.

[87] См. *выше* с. 14: Dio, 45, 2; Sueton., *Aug.* 2, 10; Tac., *Ann.* xi. 25.

[88] Dio, 45, 4; Cicero, *ad Att.* xv. 3.

[89] Cicero, 2 *Phil.* § 100; *ad Att.* xiv. 20, 21.

[90] *Id.*, *ad Att.* xiv. 3 (9 апреля); xv. 4 (24 мая); 2 *Phil.* § 108; Аппиан, b. c. iii. 5. Сенат склонили к тому, чтобы выделить ему телохранителя. См. письмо Брута и Кассия к Антонию в Cicero, *ad Fam.* xi. 2.

[91] Dio, 45, 10; Cic., *ad Att.* xvi. 1. Переговоры в конце концов сорвались из-за вопроса о возвращении Сексту дома и имущества его отца, большая часть которого находилась в руках Антония (Cic., *ad Att.* xvi. 4; Dio, 45, 9). Он отказался принять простую денежную компенсацию. В конце концов, когда сенат порвал с Антонием, он заключил соглашение с Секстом, назначив его командующим военно-морскими силами Республики. В результате он был проскрибирован триумвирами. App., b. c. iii. 4.

[92] Cic., *ad Att.* xv. 10, 11.

[93] Цицерон (2 *Фил.* § 109) утверждает, что телохранители Антония стояли вокруг сената - некоторые из них были иностранными наемниками - и что его противники поэтому не осмеливались войти в дом.

[94] Appian, b. c. iii. 29-30. Но Аппиан в отношении порядка событий здесь очень путается и часто ошибается.

[95] Cicero, *ad Att.* xvi. 4, 5.

[96] *Id.*, 1 *Phil.* § 14; *ad Att.* xvi. 7; *ad Fam.* xii. 2.

[97] Николай (§ 30), Аппиан (b. c. iii. 39), Плутарх (*Ant.* 16) оправдывают Августа. Два писателя, которые принимают точку зрения Цицерона на истинность обвинения, - это Сенека (*de Clement.* 1, 9, 1) и Суетоний (*Aug.* 10). См. Цицерон, *ad Fam.* xii. 23.

[98] *ad Att.* xv. 12.

[99] См. *ante*, p. 3.

[100] У него был титул *Imperator*, унаследованный от Цезаря (Dio, 43, 44); но это был всего лишь почетный титул, и он не мог считаться дающим *imperium*. Тем не менее, он старательно использовал его, как, например, в надписи, фиксирующей образование триумvirата.....
EMILIVS M. ANTONIVS. IMP. CAESAR. III VIR R.P.C. A.D. IV KAL. DEC. AD. ПРИД. КАЛ. ЯН. SEXT....

[101] *Monum. Ancy.* I, annos undeviginti natus exercitum privato consilio et privata impensa comparavi: per quem rem publicam *dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi*. Сравните Cæsar, *b. civ.* 1, 22, ut se et Populum Romanum *factione paucorum oppressum in libertatem vindicaret*.

[102] Cicero, *ad Att.* xvi. 8 и 9.

[103] *Id.*, *ad Fam.* xii. 23.

[104] App., b. c. iii. 43-45; Cic., 3 *Phil.* § 10; Dio, 45, 13.

[105] Cic., *ad Att.* xvi. 10, 13 a, 13 b, 14.

[106] *Id.*, 3 *Phil.* § 19.

[107] *pestifera*, 13 *Phil.* § 19.

[108] Цицерон, 3 *Фил.* §§ 19-27; 5 *Фил.* § 23; 13 *Phil.* § 19; App., b. c. iii. 45.

[109] Cic., *ad Att.* xvi. 11.

[110] *Id.* xvi. 14.

[111] *Id.* xvi. 15. По словам Аппиана (b. c. iii. 31), Октавиан не был кандидатом, но предполагалось, что он желает этого, и поэтому многие собирались голосовать за него. Он якобы поддерживал другого кандидата - Фламиния. Антоний остановил выборы, сославшись на то, что нет необходимости заполнять вакансию в столь поздний период года. Таким образом, вопрос был решен. Но сомнительно, что это не относится к более раннему случаю.

[112] Цицерон, *ad Att.* xvi. 15, 3.

[113] *Id.*, *ad Fam.* xi. 6; 3 *Phil.* §§ 37-39.

[114] Отрывки: Цицерон, 5 *Фил.* §§ 45-47; 11 *Phil.* § 20; 13 *Phil.* § 39; *Monum. Ancyr.* § 3; Ливий, *Ер.* 118; С. I. L. x. 8375; Suet., *Aug.* 10, 26. Дио (40, 29) говорит, что он был в сенате ἐν τοῖς τέταρτοις-*inter quæstorios*. Возможно, это неверное понимание предложения Цицерона о том, что для *целей избрания* он должен был считаться квестором. Звание пропретора было необходимо для командования армией, а не для вступления в сенат.

[115] Поллио в Бетике, Лепид в Нарбонской Галлии и Цитериорской Испании, Планк в Северной Галлии.

[116] *Laudandum, ornandum, tollendum* (Cic., *ad Fam.* xi. 20, 21). Эта эпиграмма, по-видимому, была навеяна ликующими надеждами, вызванными известием о битве при Forum Gallorum.

[117] *Monum. Ancyr.* § 1, *respublica ne quid detrimenti caperet me pro prætore cum consulibus providere iussit*. Это был общий приказ, ни Антоний, ни какой-либо конкретный *hostis* не были названы.

[118] Октавиан впервые принял *fascēs* (символ *imperium*) 7 января (С. I. L. x. 8375.)

[119] Cicero, 8 *Phil.* §§ 25-28.

[120] Это письмо сохранилось в 13-м Филиппике с горькими комментариями Цицерона. В нем говорится о милостях и почестях, оказанных главным убийцам, а также об отмене многих *актов* Сезара. Антоний также утверждает, что Лепид и Планк на его стороне, и предупреждает Октавиана, что Цицерон его обманывает.

[121] Страна очень ровная, но пересечена стоками и водотоками, что затрудняло, а в сезон дождей и вовсе делало невозможным военные передвижения. (App., b. c. 3, 65.)

[122] Например, кавалерийский бой между Понтием Аквиллой и Тиб. Мунатием Планком при Поллентии (Dio, 46, 38). Октавиан также понес некоторые потери из-за дезертирства некоторых галльских кавалеристов (*ib.* 37).

[123] Cic., *ad Brutum*, ii. 2.

[124] Зачисляя легионы, Басс, вероятно, руководствовался *SCtum ultimum*, в который входили преторы. Известно, что он был сторонником Антония и мог считать себя способным занять Рим в его интересах. Впоследствии мы увидим, что он присоединился к нему в Цизальпинской Галлии. Слухи о том, что он может действовать подобным образом, ходили еще до 1 января, когда он был только назначенным претором. (См. Cic., *ad Att.* xvi. 1; *ad Brut.* i. 3.)

[125] Цицерон говорит об Октавиане, что он *secundum proelium fecit*, потому что он *castra multarum legionum paucis cohortibus tutatus est* (14 *Phil.* § 28). Нападение на лагерь больше нигде не упоминается (*ib.* § 37). О том, что его приветствовали как императора, см. С. I. L. ix. 8375.

[126] Cic., *ad Brut.* 1, 3, 5.

[127] Suet., *Aug.* 11; Cic., *ad Brut.* i. 6.

[128] Cic., *ad Fam.* xi. 21.

[129] Dio, 46, 41; Livy, *Ер.* 118.

[130] Cic., *ad Brut.* i. 15.

[131] *Id.*, *ad Fam.* xi. 20, 21, см. *выше* с. 52.

[132] *Id.*, *ad Brut.* i. 4; App., b. c. iii. 82; Dio, 46, 42; Plut., *Cic.* 46. Очевидно, ходили слухи о том, что Цицерон намеревался стать консулом, хотя он с довольно сильным негодованием говорит о том, что Октавиан тоже хотел быть избранным (*ad Brut.* i. 10).

[133] *Cic.*, *ad Brut.* 1, 3.

[134] *Id.* § 4.

[135] *Cic.*, *ad Fam.* xi. 10.

[136] Возможно, его обмануло сообщение о том, что легионы Октавиана дали клятву не воевать против тех, кто служил при Юлии Цезаре. Это относилось и к некоторым людям, находившимся сейчас с Антонием. Но Дио предполагает, что клятва была дана по тайному наущению самого Октавиана (Dio, 46, 42).

[137] *Cic.*, *ad Fam.* xi. 13.

[138] *Id.* xi. 19.

[139] *Id.* xi. 20.

[140] *Id.* xi. 14.

[141] *Cic.*, *ad Fam.* x. 23.

[142] *Id.* x. 24.

[143] *Id.* xi. 12 и 14.

[144] *Cic.*, *ad Fam.* x. 16.

[145] *Id.* x. 35; xii. 35.

[146] *Id.* xi. 26, *ср.* xi. 13.

[147] *Id.*, *ad Brut.* i. 10.

[148] Подобная техническая трудность возникла в 49 г. до н. э. (оба консула отсутствовали и, естественно, не хотели назначать диктатора) и была преодолена путем назначения диктатора претором на основании специального закона. См. с. 8; *Cic.*, *ad Fam.* x. 26; *ad M. Brut.* i. 5.

[149] Планций (*Cic.*, *ad Fam.* x. 29) выражает удивление, что Цезарь хотел отказаться от славы победы над Антонием ради "двухмесячного консулата". Но это лишь показывает, что Планкус не понимал ни цели, ни политики Октавиана.

[150] Suet., *Aug.* 26; Dio, 46, 43; Plut., *Pomp.* 58. Аппиан (р. с. 3, 82), не упоминая об этой сцене, считает само заявление результатом тайной интриги с Цицероном, а восклицание Цицерона, если оно было сделано, возможно, имело целью ободрить, а не сарказм.

[151] Число, указанное Аппианом (b. c. iii. 88). Когда Октавиан отправился в Галлию, у него было пять легионов: два, собранные в Кампании из ветеранов, один из *тиронов*, Марция и Кварта (App., b. c. iii. 47). Остальные три, должно быть, были сформированы из армий Пансы и

Гиртия. Ни один из легионов-ветеранов в этих двух армиях не согласился следовать за Децимом Брутом (Cic., *ad Fam.* xi. 19).

[152] Cic., *ad Brut.* 1, 18.

[153] *Ib.* and App., b. c. iii. 90.

[154] Паника усилилась из-за ущерба, нанесенного его солдатами на марше имуществу известных антикезарейцев.

[155] Конфискация имущества и запрет "огня и воды" последовали как само собой разумеющееся. Один из убийц - П. Сервилий Каска - был трибуном, и как таковой не мог быть осужден по закону, но он освободил свою трибунскую должность, бежав из Рима, и был осужден вместе с остальными.

[156] Сенат не имел никакого отношения к этой *quæstio*, которая была установлена *lex*, но его отношение к Октавиану было равносильно попустительству, если не активному одобрению.

[157] Согласно Аппиану (р. с. iii. 97), Поллий некоторое время отказывался присоединиться к Антонию и Лепиду. По-видимому, он сделал это, когда с них был снят запрет.

[158] Децим Брут сначала пытался добраться до Равенны, надеясь доплыть до Македонии и присоединиться к М. Бруту. Отброшенный назад наступлением Цезаря, он перешел Альпы (постепенно покинутый своими людьми) и доверился одному галлу, который в прошлом пользовался его благосклонностью. Но его хозяин связался с Антонием и по его приказу предал его смерти. Существуют и другие версии его смерти. Возможно, ни Антоний, ни Сезар не хотели задавать вопросов, пока он был мертв. (App., b. c. iii. 97-98; Dio, 46, 53; Velleius Pat., ii. 64; Livy, *Ep.* 120.)

[159] Планк не сопровождал Антония в Италию; он остался в Галлии, занимаясь основанием Лугдунума и, видимо, подавляя какие-то движения в Восточных Альпах, так как в конце года, вернувшись домой, чтобы вступить в должность консула, он отпраздновал триумф *ex Rhætis* [Inscrip. Neap, 4089; Fast. Capitol. 29 Dec. A. V. 711.] Поллио, которому пришлось согласиться с проскрипцией своего тестя Л. Квинтиуса, был оставлен во главе Транспаданской Галлии, чтобы устроить земли для ветеранов. Именно в этом деле он столкнулся с Вергилием и его хозяйством.

[160] Дочь Фульвии от ее первого мужа П. Клодия.

[161] Plut., *Ant.* 19; App., b. c. iv. 6; Dio, 46, 44.

[162] Обычный интервал (*tres nundinæ*) для *promulgatio* был пропущен.

[163] Appian, b. c. iv. 5; Livy, *Ep.* 120. Из 69 имен, названных Аппианом, он сообщает о побеге 31. Это примерно соответствует расхождению между его подсчетами и подсчетами Ливия.

[164] Appian, b. c. iv. 36.

[165] Suet., *Aug.* 27.

[166] Dio, 47, 14.

[167] *Id.* 47, 16-17.

[168] App., b. c. 4, 34.

[169] *Lassam crudelitatem*, Sen. *de Clem.* 1, 9, 2. Другие мнения упоминаются в Velleius, ii. 66; App., b. c. iv. 42, 45; Plut., *Ant.* 21; Dio, 47, 7; Sueton., *Aug.* 27. О Торании см. Nic. Dam. 2.

[170] Sueton., *Aug.* 61; Dio, 47, 17; [Tacit.] *de orat.* 29.

[171] Cicero, *13 Phil.* §§ 8-12, 50; Velleius, ii. 73. Декрет был принят 20 марта 43 г. до н. э.

[172] Dio, 48, 17 *sq.*; Livy, *Ep.* 123.

[173] App., b. c. iv. 85; Dio, 47, 36; Livy, *Ep.* 123.

[174] Dio, 51, 2; Suet., *Aug.* 13.

[175] Во всяком случае, голова так и не достигла Рима, а была потеряна в море. App., b. c. iv. 135; Dio, 47, 49; Plut., *Ant.*, 22; *Brut.* 53; Sueton., *Aug.* 13.

[176] Ульпиан (dig. 48, 24) цитирует эту утраченную автобиографию; см. *Mon. Ancyr.* § 3.

[177] Первая встреча Антония и Клеопатры, когда царица плыла вверх по Цидне на своей барже, одетая как Венера с сопутствующими купидонами, произошла, по-видимому, осенью 42 г. до н. э. (Plut., *Anton.* 25-6.). Он уже видел ее однажды в 56 г. до н. э., когда сопровождал Габиния, чтобы восстановить ее отца. Но тогда она, должно быть, была еще ребенком.

[178] Эти легионы плохо вели себя в Плаценции, требуя от жителей деньги. Кален и Вентидий, возможно, оправдывали свои действия этим (Dio, 48, 10).

[179] От *caliga*, "солдатский сапог".

[180] Dio, 48, 12.

[181] Appian, b. c. 4, 30; Dio, 48, 31. Ливий, однако (*Ep.* 121), говорит *M. Lepido fuso*, как будто он сопротивлялся и был избит.

[182] Livy, *Ep.* 126; Velleius, ii. 74; App., b. c. v. 48-49; Dio, 48, 14; Seneca, *de Clem.* 1, 11, 1. Неопределенность исторических свидетельств иллюстрируется тем, что и Дио, и Аппиан называют К. Канутия (Tr. Pl. B.C. 44) среди жертв при Перузии, в то время как Веллеус (ii. 64) говорит, что он был первым, кто пострадал от проскрипции в 43 г. до н.э.

[183] C. I. L., i. 697.

[184] Это было сделано для того, чтобы обезопасить кн. Домиция Агенобарба. Однако есть некоторые сомнения в том, что он был убийцей. Кокцеи отрицают это (App., b. c. v. 62). То же самое делает Суетоний (Nero 3). Но Цицерон (*2 Phil.* §§ 27, 30) говорит, что он был им; то же самое делает и Аппиан (b. c. v. 59). Дио трижды говорит о нем как о σφαγέυς (48, 7, 29, 54). Во всяком случае, он был осужден *lex Pedia*, как убийца. Возможно, он был одним из тех, кто присоединился к убийцам на Капитолии после убийства.

[185] Аппиан, b. c. v. 65. Возникли сомнения, было ли это собрание или собрание 37 г. до н. э., на которое Гораций сопровождал своего покровителя Мекенаса. В пользу этого говорит упоминание Горацием Кокцея Нервы (*Sat.* 1 v. 28, 50), против - то, что он упоминается вместе с Мекенасом как *aversos soliti componere amicos*, как будто он был занят этим раньше. Но хотя во второй встрече Аппиан его не упоминает, он мог быть там. Упоминание о квакающих лягушках (л. 14) не случайно, поскольку эта встреча вряд ли могла состояться раньше июля, когда итальянские лягушки, как говорят, молчат. Об овациях см. C. I. L., i. p. 461.

[186] Это была одна из главных претензий. Hor., *Ep.* ix. 9, *minatus urbi vincla, que detraxerat servis amicus perfidis*.

[187] Hor., *Od.* ii. 1, 15-16; Dio, 48, 41; C. I. L., i. p. 461. После этого Поллион отошел от активной политической жизни и посвятил себя литературе. Похоже, что он не принимал никакого участия в последующих ссорах между Антонием и Августом.

[188] Dio, 48, 19, 48; Hor., *Epod.* 9, 17.

[189] Первый период закончился в последний день 38 г. до н. э.; но ни Антоний, ни Цезарь не сложили с себя полномочий. Теперь они предположили, что он продолжался с первого дня 37 г. до н. э., а отсутствие юридической санкции в течение промежуточных месяцев было проигнорировано. Нет никаких определенных следов того, что этот второй триумвират был подтвержден *законодательным актом*; однако можно подумать, что они позаботились о том, чтобы эта формальность была соблюдена. См. с. 143.

[190] Cicero, *ad Fam.* xi. 9; сам Цицерон называет его *levissimus*, *ad Brut.* 1, 15, § 9.

[191] В 52 г. до н. э. Цицерон хотел выдать свою дочь Туллию замуж за Тиберия Клавдия Нерона (Cic., *Att.* 6, 6.).

[192] Он был квестором в 48 г. до н. э. и, следовательно, родился не позднее 78 г. до н. э. Ливия родилась в 58 г. до н. э.

[193] Даже Суетоний, не склонный хорошо отзываться об Августе, признает, что он *дилексит и пробавит unice ac perseveranter*.

[194] Суетоний (с. 22) говорит, что ему устроили две орации - после Филипп и после bellum Siculum. Но если орация была назначена после Филипп, то она не проводилась до 40 г. до н. э., после примирения с Антонием. Вторая причина заключалась в следующем. Другая орация была объявлена в 43 г. до н. э. после Мутины, но не была отпразднована (C. I. L. i. p. 461). См. также с. 100.

[195] Аппиан (р. с. v. 132) говорит, что они избрали его вечным трибуном (αὐτὸν ... εἴλοντο δῆμαρχον ἐς αἰεὶ). Дио (49, 15) говорит только, что они передали ему личную святыню трибунов и право сидеть на их скамье. Орозий (6, 18, 34) говорит, что сенат постановил: *ut in perpetuum tribuniciae potestatis esset*. Нам придется обсудить это позже, но сразу следует сказать, что Август никогда не был трибуном и что сомнительно, чтобы в это время *трибунская власть* была предоставлена в полном смысле этого слова.

[196] Dio, 49, 14; Strabo, x. 4, 9.

[197] Dio, 49, 34.

[198] App., b. с. v. 132; Suet., *Aug.* 32.

[199] Или, как их еще называли, Vetus и Nova Africa. Первая была старой провинцией, образованной из территории Карфагена, вторая - новой провинцией, образованной после битвы при Фапсе (46 г. до н. э.), первым правителем которой был историк Саллюст. См. стр. 23-4.

[200] Appian, *Illyr.* 17; Dio, 49, 34, 38.

[201] Appian, *Illyr.* 18-21; Dio, 49, 37. Иапиды (дикое племя) впервые подверглись нападению К. Семпрония в 129 г. до н. э. и были покорены после некоторых бедствий. (Livy, *Ep.* 59.)

[202] Pliny, *N. H.* 36 § 121.

[203] Porticus Octaviæ, от которого сохранилась арка, был прямоугольной обителью, окружавшей храмы Юпитера Статора и Юноны Регины.

[204] Dio, 49, 15; Sueton., *Aug.* 72.

[205] Гораций, *Epod.* ix. ii.; *ср.* Ov., *Met.* 15, 826.

[206] Сохранился анекдот, иллюстрирующий политику "отсиживания у изгороди", которая, должно быть, преобладала среди многих, пока борьба между двумя лидерами еще не была решена. После Актиума, когда Сезар высадился на берег (время и место очаровательно расплывчаты), один человек предложил *корника*, которого научили говорить: "Ave, Cæsar, imperator et victor". Он купил птицу за большую цену, после чего партнер этого человека, будучи ревнивым, потребовал, чтобы его заставили принести другую птицу, которая, когда ее принесли, повторила, как ее научили: "Ave, Antoni, imperator et victor".

[207] Dio, 50, 5; но Суетоний, *Aug.* 17, говорит, что он был объявлен *hostis*.

[208] Dio, 50, 5. Так, Гораций, услышав слухи о поражении Антония, восклицает (несколько преждевременно), *Epod.* ix. 27:

"*Terra marique victus hostis punico,*

lugubre mutavit sagum".

[209] Бокк из Мавретании, Тархондем из Киликии Аспера, Архилай из Каппадокии, Аминтас из Ликаонии и Галатии, Филадельф из Пафлагонии, Малх из Аравии, Ирод из Иудеи, Садалас из Фракии, Полемон из Понта. (Plut., *Ant.* 61.)

[210] Dio, 50, 14-23.

[211] Dio, 50-31, говорит: ὑετός τε ἐν τούτῳ λαβρὸς καὶ ζάλη πολλή. Но Плутарх, *Ant.* 65, говорит, что после четырех дней бурной погоды в день битвы νηνεμίας καὶ γαλήνης γενομένης συνέβησαν.

[212] Suet., *Aug.* 17.

[213] Более ранние авторы, Гораций (*Od.* i. 37, 27) и Веллий (2, 87), кажется, не сомневаются в истории со змеей. Ливий (в нашем изложении) ничего не говорит, кроме того, что она умерла от самоубийства (*Ep.* 133). Сомнения высказывают более поздние авторы: Suet., *Aug.* 17; Plut., *Ant.* 86; Dio, 51, 14.

[214] Это слово - один из финансовых терминов, заимствованных из Сицилии (лит. "корзина"), - возможно, не было общеупотребительным в ограниченном смысле во времена Августа, хотя вещь существовала. В *фиск* императора поступали доходы имперских провинций, но баланс в случае большинства из них был невелик. Цицерон действительно (*pro lege Manil.* § 14) говорит, что ни одна из провинций, кроме Азии, не оплачивала свои расходы. Вероятно, это было преувеличением, но не очень большим.

[215] Это, следует помнить, не считая легионов, регулярно собираемых для определенных провинций и размещаемых в них.

[216] *Mon. Ancyr.* 3, 16.

[217] Следы деятельности Августа в провинциальных городах все еще можно увидеть, например, в Нисме и других городах на юго-востоке Франции.

[218] Гораций, *Оды* iii. 3.

[219] В *Mon. Ancyr.* 20 он сообщает, что в 28 г. до н. э. отремонтировал 82 храма, а в 27 г. до н. э. - Фламинову дорогу со всеми мостами, кроме двух.

[220] Фундамент тройной арки в Риме был обнаружен в 1888 году между храмом Сезара и храмом Касторов. Надпись см. в С. I. L. vii. 872. *SENATUS . POPULUSQUE . ROMANUS . IMP . CÆSARI . DIVI . IULI . F . COS . КВИНКТ . COS . DESIG . SEXT . IMP . SEPT . РЕСПУБЛИКА . CONSERVATA*. Дата, указанная здесь, - 29 г. до н.э. См. Lanciani, *Ruins of Ancient Rome*, p. 270. Middleton, *Remains of Ancient Rome*, vol. i. p. 284. Об арке в Брундизиуме, похоже, ничего не известно.

[221] Vergil, *Georg.* iv. 560, *Cæsar dum magnus ad altum fulminat Euphratem bello*. Гораций, *Од.* 1, 12, 53:

Ille seu Parthos Latio imminentes

Egerit iusto domitos triumpho,

Sive subjectos Orientis oræ Seras et Indos.

Подобные преувеличения можно найти во всех поэмах Проперция (ii. 7, 3; iii. 1, 13; iii. 23, 5; iv. 3, 4; iv. 4, 48; iv. 11, 3). Еще более преувеличенные выражения были использованы впоследствии при восстановлении стандартов (20 г. до н. э.).

[222] Много путаницы в наших источниках возникло из-за того, что мы не различаем *цензорскую власть*, дарованную, как и *трибунскую*, специальным голосованием, и *цензорскую власть*, присущую консулам, от которых она была передана в 444 г. до н.э. В *Monumentum*, гл. 8, сам Август ничего не говорит о *ensoria potestas*, но в Венецианских фасциях (С. I. L. ix. 422) мы находим *imp. Cæsar vi. M. Agrippa II. Cos. idem censoria potestate lustrum fecerunt*. Суетоний (с. 27) знал, что он не был цензором, но предполагал, что он действовал на основании указа о предоставлении ему *torum legumque regimen perpetuum*, должности, от которой, однако, Август прямо говорит, что он отказался (*Mon.*, ch. 6). Дио (52, 42) называет его *τιμητεύσας σὺν τῷ Ἀγρίππᾳ*, что является прямой путаницей между цензурной властью, которой обладал консул, и той, что даровалась независимо. Однако он, по-видимому, все же получил *ensoria potestas* (никогда не цензуру) в 19 г. до н. э. на пять лет.

[223] *Rex sacrorum*, the greater *flamens*, Салии все еще должны были быть патрициями. *Интеррекс* также должен быть патрицием, но эта должность теперь практически перестала существовать. Последний раз *интеррекс* был назначен в 52 г. до н.э.

[224] Анекдот, который был воспроизведен в Лондоне, когда деревенские пэры пришли голосовать против законопроекта о внутреннем самоуправлении и, по словам сплетников, были вынуждены просить дорогу в палату лордов. Популярная баллада также пелась об этих улицах.

"Сезар ведет галлов с триумфом и направляет их к дому Сената;

Галлы сбросили родные броги и надели сенатские латы!".

Sueton., *Cæs.* 72, 80. См. также Цицерон, 9 *Фил.* § 12; 13 *Phil.* § 27; *ad Fam.* vi. 18; *Bell. Afr.* 28; Dio, 42, 51; 43, 27. Сравните карьеру П. Вентидия Басса, привезенного пленником из Аскула,

чтобы украсить триумф Помпея после Социанской войны, затем служившего мулом у Цезаря и прошедшего через все должности до консулата в 43 г. до н. э.

[225] По аналогии с рабами, лишенными права голоса по завещанию. Suet., *Aug.* 35; Plutarch, *Ant.* 15.

[226] Цицерон называет такого человека *voluntarius Senator*, 13 *Phil.* § 28.

[227] Dio, 48, 34.

[228] Suet., *Aug.* 35; Dio, 52, 42. В *Monumentum* (с. 25) он считает, что число сенаторов, служивших под его началом, "более 700". К ним следует добавить тех, кто не принимал активной службы, и тех, кто был с Антонием.

[229] Dio, 52, 42. Это правило существовало всегда, потому что каждый сенатор обязан был присутствовать, если к нему обращались, и поэтому должен был быть в пределах досягаемости, если только он не был одним из тех, кто *по своим причинам отсутствовал*. (Так, Цицерон, защищая сенаторов, переправившихся к Помпею в Эпир, говорит Аттику (viii. 15), что вряд ли был хоть один, кто не имел законного права переправиться, либо имея *imperium*, либо будучи легатом императора. Обычным средством уклонения от этого было получение *libera legatio* на определенное время. Иногда человек получал звание рядового легата при губернаторе провинции, но ему разрешалось отправиться в другое место с каким-нибудь выгодным поручением. Но это было злоупотреблением. См. Цицерон, *ad Fam.* xii. 21; *ad Q. Frat.* ii. 9; *ad Att.* xv. 11. Сицилия и Нарбонская Галлия были исключены как практически Италия, или, как говорит Цицерон, "пригородные провинции".

[230] Sueton., *Aug.* 36; Dio, 3, 19; Tacitus, *Ann.* 5, 4.

[231] ὁρὼν τὴν ἔκτην ὑπάτειαν αὐτοῦ προσθείς. Dio, 53, 2. См. Тацит, *Ann.* iii. 28.

[232] Сомнение было старым. Аппиан в одном месте утверждает, а в другом отрицает, что существовал *лекс* для второго периода триумвиров (*Illyr.* 28; b. c. v. 95). Ни один другой авторитет не упоминает о нем, и он, конечно, не был принят в первые месяцы 37 г. до н. э., то есть только после того, как триумвиры уже некоторое время продолжали исполнять свои обязанности без юридического подтверждения. Виллемс (*Le Sénat*, ii. 761) считает, что плебисцит был; Моммзен - что не было.

[233] *Mon. Ancyr.* ch. 34.

[234] В 28 г. до н. э. он позаботился о том, чтобы передавать консульские фасции своему коллеге Агриппе в альтернативные месяцы, а когда он был с солдатами, то совместно с ним произносил часовую речь. (Dio, 53, 1.)

[235] Я сам не вижу веских причин сомневаться в том, что Дион изложил суть этих документов. Возможно, нам не совсем естественно представлять себе двух таких людей, как Мекенас и Агриппа, торжественно читающих речи императору; но в Риме это не было чем-то необычным. Сам Август, как говорят, делал это даже со своей женой Ливией и часто с другими (Sueton., *Aug.* 84). Тацит говорит, что это была мода того времени (*Ann.* 4, 37), но, похоже, это было и раньше, поскольку Цицерон жалуется, что его племянник, Квинт, написал подробную диатрибу против него, которую он собирался передать Юлию Цезарю в Александрии. (*Ad Att.* xi. 10.) Подобные документы см. в Dio, 52, 1-40; 53, 3; 55, 15-21.

[236] Dio, 52, 15.

[237] Императорскими провинциями были: Испания Тарраконенсис и Лузитания, Галлия (за Альпами), включая районы, впоследствии названные Германией, высшие и низшие, Келе-Сирия, Финикия, Киликия, Кипр, Египет.

Сенаторскими были: Сицилия, Бетическая Испания, Сардиния, Африка, Нумидия, Далмация, Греция и Эпир, Македония, Азия, Крит и Кирена, Вифиния и Понт.

Цизальпийская Галлия перестала быть провинцией и была включена в состав Италии.

Последующие изменения были следующими:

24 г. до н.э. Кипр и Галлия Нарбоненсис были переданы сенату.

21 г. до н.э. Далмация была передана императору.

До н. э. 6. Сардиния была передана императору на девять лет.

Провинции, присоединенные при жизни Августа: Галатия, Ликаония, Мизия и мелкие альпийские провинции - были императорскими.

Все провинции, присоединенные после, были императорскими.

[238] Овидий (F. 1, 587-616) говорит о январских идах; *Calendarium Prænestinum* дает 16-е число. Возможно, одна из них - дата *SCtum*, другая - плебисцита.

[239] Сам Август использует его в *Monumentum* (гл. 30, 32), "me principe", "ante me principem". Гораций (*Od.* 1, 21, 13; 2, 30; *Ep.* 2, 1, 256), Проперций (v. 6, 46), оба используют его, говоря об Августе. Оно встречается в надписях, относящихся к Тиберию, и является общим термином, используемым Тацитом. Если, следовательно, оно не было даровано формально (что кажется вероятным), то вскоре вошло в обиход как титул в обычном языке. Это также не было совершенно новой идеей; Цицерон использовал его как возможный почетный титул, которым могли бы довольствоваться Помпей или Цезарь, если бы они были умеренны. (*Cic., ad Fam.* vi. 6). Опять же, хотя он и не является простым продолжением *princeps senatus*, но явно связан с ним. Поскольку сенат - это первый *ордос* в государстве, *princeps senatus* также является *princeps civitatis*. Вскоре эти два титула стали путать. Так, Плиний (*N.H.* xxxvi. § 116) говорит о М. Эмилии Скаурусе как о *totius princeps civitatis*, имея в виду, что он несколько раз был внесен цензорами в списки как *princeps senatus*. Но новый оттенок слово приобрело в связи с политическими полномочиями *принцепса*.

[240] Гораций, *Эподы*, vii. 7; *Оды*, i. 21, 15; iii. 5, 2; Propert., iii. 23, 5.

[241] Vergil, *Georg.* iii. 25; Horace, *Odes* iii. 4, 33.

[242] Strabo, ii. 5, 8; iv. 6, 4.

[243] Strabo, *l. c.* В *Памятнике*. (гл. 32) Август сообщает о визите двух британских принцев, Думнобеллауна и другого, от имени которого остались только буквы *Tinn* (возможно, "Tincommius", король нынешнего Суссекса).

[244] Триумф М. Красса датируется по Tab. Triumph. C. I. L. 1, 416; но поражение "дакийского Котизо" Гораций относит к Кантабрийской войне (*Od.* 3, 8, 18-24), а Ливий, *Ep.* 135, упоминает вторую войну М. Красса "против фракийцев", как современную Испанской войне.

[245] Салассы, которые в течение последних 100 лет доставляли много хлопот, за последние годы дважды брались за оружие: в 35 г. до н. э. они победили К. Антистия Вета, а в 34 г. до н.

э. с большим трудом были частично покорены Валерием Мессаллой. Они командовали главным альпийским перевалом, поэтому было важно держать их в узде.

[246] Hor., *Od.* 2, 6, 2, *Cantabrum indoctum iuga ferre nostra*.

[247] *Odes* iii. 8, 21, *servit Hispanæ vetus hostis oræ Cantaber sera domitus catena*; iii. 14, 3, *Cæsar Hispana repetit Penates Victor ab ora*.

[248] Возможно, тот, остатки которого сохранились в Аосте и не могут быть датированы. Тот, что в Турбии, был построен в 6 г. до н. э. (Плиний, *N. H.* 3 § 136). В Сузах - в 8 г. до н. э. [C. I. L. v. 7,231]. Гораций, возможно, упоминает его среди *трофеев Nova Augusti* (*Od.* 2, 9, 19).

[249] Horace, *Odes* i. 29, 1; ii. 12, 24; iii. 24, 1; i. 35, 32-40.

[250] Propert., 3, 1, 11.

[251] Миддлтон (Middleton, *Remains of Ancient Rome*, vol. ii. pp. 126-128), кажется, привел веские причины против его связи с термами Агриппы. Лансиани (*Руины и раскопки*, с. 476-488) утверждает, что нынешняя постройка относится к эпохе Адриана (около 129 г. н. э.), и сомневается, что первоначальное здание Агриппы имело такую же форму. Даже портик с надписью-M. Agrippa l. f. cos. tert. fecit, как он считает, был разобран на куски и поставлен заново Адрианом. История здания, однако, не может считаться досконально установленной. Третий консулат Агриппы был 27 г. до н. э., тогда как Дио относит завершение строительства Пантеона к 25 г. до н. э. (53, 27). Вполне возможно, что внешнее здание было закончено и посвящено в 27 г. до н. э., а внутренние работы заняли еще два года.

[252] А. Лициний Мурена был назван А. Терентием Варро Муреной из-за того, что был принят Терентием Варро. См. Dio, 54, 3; Suet., *Aug.* 19; Hor., *Odes* 2, 10; Velleius Paterc. 2, 91. О Фаннии Цепионе практически ничего не известно, он был привлечен Тиберием к суду за *майесты* и осужден.

[253] В *кенотафии Пизана* Гай описан после своей смерти как "*iam designatum iustissimum ac simillimum parentis sui virtutibus principem*". Но это, вероятно, не официальный титул.

[254] Не приходится сомневаться, что характер Агриппы Постума давал основания для такой меры; но Август, похоже, сожалел и временами подумывал о том, чтобы отозвать его. Его убийство сразу после смерти Августа Тацит называет "первым преступлением нового царствования". Вопрос о том, кто несет за него ответственность - Тиберий или Ливия, - здесь не обсуждается.

[255] Так говорит Дио (55, 5). Суэтоний (*Tib.* 16) говорит о пяти годах. Возможно, по истечении пяти лет было возобновление.

[256] *Monum. Ancyr.* 27; C.I.L. vi. 701.

[257] Именно это имеет в виду Август, говоря, "что он расширил границы всех провинций, граничащих с племенами, которые не покорились" (*Mon. Anc.* 26).

[258] Точное положение Набата неясно. Он описывается в *Mon. Ancyr.* 26 как "близкий к Мероэ". Август берет на себя ответственность за обе эти кампании как за *meo iussu et auspicio*.

[259] Как, например, Агриппа. Ног., *Ep.* 1, 12, 1. Упоминаются семь колоний: Сиракузы, Тауромениум, Катана, Термы, Тындарис, Лилибеум, Панорм.

[260] Dio, 54, 8; Гораций, *Od.* 3, 5; эта ода была написана за несколько лет до восстановления стандартов, но факт поселения *милитов Красси* в Парфии был, естественно, известен.

[261] Verg., *Æn.* vii. 604-606.

[262] Гораций, *Ep.* i. 18, 56; *Odes* iv. 15, 6.

[263] Propert., 3, 10, 13; 4, 4, 16; 4, 5, 48; 4, 12, 3; 5, 6, 79.

[264] Ovid, *F.* v. 567-594. Согласно Моммзену, существовало два храма Марса Ультора, один на Капитолии (Dio, 54, 8), другой на Форуме Августа, обетный в Филиппах, но не посвященный до 2 г. до н. э. *Сигна*, по-видимому, сначала хранилась в первом, а затем была перенесена во второй. Овидий, очевидно, говорит о них как о храме на Форуме Августа.

[265] Такие, как Бренны и Генауны из Гора, *Od.* iv. 14, 10; ср. iv. 4, 18.

[266] *Mon. Ancyr.*, 13; Гораций, *Epist.* 2, 1, 255; *Odes*, 4, 15, 9; Dio, 54, 25. О надписи см. в Clinton, *Fast. Hell.*, В.С. 14. Десятый трибунский год - с 27 июня 14 г. до н. э. по 26 июня 13 г. до н. э. В этом году (4 июля) была основана *ara pacis*, посвященная 30 января до н. э. 9.

[267] Но, похоже, в этом году у него не было никаких боевых действий, и фактически сенат проголосовал за закрытие *lanus Quirinus*, хотя этому помешало вторжение даков в Паннонию, с которым Тиберий был послан разобраться. Dio, 54, 36.

[268] Особенно в лагерях, где, по-видимому, регулярно служили *tabellarii castrenses*. (Wilmann's *Exempla* 1357.)

[269] Вооруженными были приграничные провинции. К концу жизни Августа обращает на себя внимание перевес военных сил на Рейне и Дунае. Галлы и "Германия" имели восемь легионов, Испания - три, Африка - два, Египет - два, Сирия - четыре, Паннония - два, Мёзия - два, Далмация - два. Но те, что стояли на Рейне, были более сконцентрированы. (Тас., *Ann.* 4, 5.)

[270] C.I.L. x. 8375; *Mon. Ancyr.* 11.

[271] Suet., *Aug.* 98: "Когда ему случилось плыть на своей яхте вокруг залива ПUTEОЛИ, пассажиры и команда александрийского корабля, который только что сошел на берег, пришли в белых одеждах, с гирляндами на головах и горящими кадилами в руках, громко благословляя и восхваляя его и говоря, что они обязаны ему тем, что они живы, что они плавают по морю, что они наслаждаются своей свободой и имуществом."

[272] Гораций, *Оды*, iv. 5.

[273] См., в частности, *Ep.* ii. 1-16; *Odes* 3, 5, 2; 4, 5, 32.

[274] Suet., *Aug.* 52; Dio, 51, 20.

[275] Латинские надписи, касающиеся этого вопроса, были собраны в удобной форме г-ном Рашфортом, *Латинские исторические надписи*, стр. 51-61. Другие места в Италии, которые, как выяснилось, приняли культ в той или иной форме при жизни Августа, - это Асизиум, Беневентум, Фанум Фортуны, Пиза, Тибур, Верона, возможно, Анкона, Форум Клодий и какое-то неназванное место в Лациуме.

[276] Plut., *Flamin.* 16; Цицерон, *ad Q. Fr.* 1, 1, 9; *ad Att.* 5, 21; Тас., *Ann.* 4, 56. Polyb. 31, 15.

[277] Appian, b. c. 5, 132, "и города стали ставить его изображения рядом с изображениями своих богов".

[278] Информация об этом содержится в основном в греческих надписях, C.I.G. 3,524, 3,604, 3,831, 4,039. См. также Dio, 51, 10; Strabo, 27, 1, 9; Joseph., *Antiq.* 15, 10, 3; Ливий, *Ep.* 137; Pausan., iii. 25.

[279] Quintilian, vi. 377.

[280] Об этом и его статуе в храме Квирина с легендой о *Deo invicto*, голосовании сената о предоставлении ему храма, фламена и других божественных почестей см. Dio, 43, 45; 44, 6; Cicero, *2 Phil.* § 110; *ad Att.* 13, 44; Sueton., *Cæs.* 76. Это было хуже, чем в случае с Августом, более неискренне и менее спонтанно. Сенат в то время был заполнен ставленниками Юлия.

[281] Macrob., *Sat.* 2, 4, 18; Plut., *Cic.* 49; Suet., *Aug.* 28.

[282] См. Гораций, *Оды* iii. 4, 22: *vester, Camenæ, vester in arduos | tollor Sabinos, seu mihi frigidum | Præneste seu Tibur supinum | seu liquidæ pacuere Baiæ.*

[283] Апрагополис. У Суетония (с. 97) неясно, имеет ли он в виду Капрею или какой-то другой остров. Возможно, это *Несис*, где у Брута была вилла, которая могла попасть к нему в руки как конфискованное имущество (Cic., *ad Att.* xvi. 1-4).

[284] Отголосок чувств его хозяина по этому поводу, как обычно, можно найти у Горация, *Од.* ii. 15.

[285] Другая трагедия "Ахилл" упоминается Суидасом.

[286] Hor., *Od.* 3, 136. Суетоний (*Aug.* 85) упоминает и другие: "Ответ Бруту о Катоне", очевидно, юношеское сочинение; "Наставления по философии", несомненно, тоже юношеские; гексаметрическую поэму "*Сицилия*". Когда он попытался прочитать их в более позднем возрасте перед семейной аудиторией, они так наскучили ему, что он передал свитки Тиберию, чтобы тот закончил их. И наконец, небольшой том "Эпиграмм", которые он сочинял в бане.

[287] Hor., *Epist.* 2, 1.

[288] В 46, 42, 25 и 23 гг. до н. э. С этого времени, однако, несмотря на то, что он был в целом нежен, у него, кажется, не было ни одного серьезного приступа.

[289] Закон *Iulia et Titia*, позволяющий губернатору провинции назначать опекунов тем лицам, которые по закону должны были их иметь, был принят между 1 мая и 1 октября 31 г. до н. э., то есть в период, когда М. Тиций был консулом.

[290] Ссылки можно найти в Mommsen, *res gestæ*, p. 96.

[291] *Mon. Ancyr.*, 25.

[292] C. I. L. xi. 365; *Mon. Ancyr.*, 20. "В седьмой консулат я переделал Фламиниеву дорогу от города до Ариминума и все мосты, кроме Мульвийского и Минуциева".

[293] См. Suet., *Aug.* 46. Эти области описаны только Плинием, *N.H.* iii. 46-128.

[294] Надпись на дороге в Салонæ в Далмации датируется 19 г. н. э., но она, должно быть, была начата гораздо раньше. О других дорогах см. Willmanns 832, 829, 830, 832; Clinton's *Fasti*, anno B.C. 14; *Journal of Hellenic Studies*, xii. part i. p. 109 sq. C. I. L. iii. 6,974.

[295] Digest, 47, 11, 6. Наказания варьировались от штрафа до исключения из торговли кукурузой, *relegatio* и осуждения на общественные работы.

[296] Cicero, pro Sest. § 103; *ad Att.* vi. 6; Livy, vi. 12; Аппиан, б. с. ii. 120; Dionys. H. xii. 24.

[297] Цитируется по Sueton., *Aug.* 42.

[298] Dio, 53, 20, 33; Гораций, *Оды* 1, 2.

[299] Священные коллегии (1) были освобождены от военной службы, пошлин и государственных служб всех видов; (2) имели сбор с *ager publicus* для жертвоприношений, праздников и т.д.; (3) в большинстве случаев имели поместья; (4) получали специальные гранты время от времени для ремонта зданий.

[300] *Mon. Ancy.*, 10; Livy, *Ep.* 117; Vell., ii. 63; App., б. с. v. 131; Dio, 44, 53. Все эти авторитеты говорят о нерегулярности избрания Лепида.

[301] *Ephemeris Epigraphica*, viii. 2; Lindsay's *Latin Inscriptions*, p. 102.

[302] *Carmen Sæcul.* 13.

[303] Гораций, *Оды* iv. 5, 21; iv. 15, 9-12.

[304] В прежние времена мы часто слышали о скандале, вызванном тем, что некоторые люди отказывались от тяжелой и не очень удобной тоги в пользу более легкой одежды, греческой или галльской. Те, кто захочет проследить историю этого вопроса, найдут упоминания о нем у Цицерона, *pro Rab. Post.* § 27; 2 *Phil.* § 76; Livy, 29, 19; Тас., *Ann.* ii. 59; Hor., *Ep.* 1, 7, 65. А если нужно увидеть, насколько бесполезны такие приказы против господствующей моды, то их постоянное неиспользование можно проследить у Ювенала 1, 119; 3, 172; Mart. 1, 49, 31; 12, 18, 17; Suet., *Aug.* 40; и уже после Адриана мы видим, что приказ нуждался в обновлении, Spart. *Had.* 22. Георг III, настаивавший на том, чтобы епископы носили парики, является примером.

[305] Цицерон (*в Pis.* § 67) с презрением говорит о вульгарном богаче, у которого на каждой кушетке было по пять, а иногда и больше гостей.

[306] Хотя при принятии постановлений по этим вопросам Август действовал на основании своих цензурных полномочий, когда дело доходило до принятия законов, он предлагал их трибам в силу своих трибунских полномочий.

[307] *De adulteriis coercendis; de pudicitia; de maritandis ordinibus.*

[308] Dio, 56, 2-10; Suet., *Aug.* 34.

[309] Martial, *Epigr.*, xi. 20.

[310] Плиний, *N. H.* 7 § 149; Dio, 54, 9.

[311] В 11 г. н. э. жители Нарбонны основали ему алтарь в благодарность за какую-то реформу в их конституции, которую он либо даровал, либо инициировал. (Wilmanns, 194.)

[312] Азия и Сицилия первоначально платили не *стипендию*, а десятину с продуктов. Эта система была отменена Юлием Цезарем.

[313] Suet., *August.* 76.

[314] Suet., *Tib.* 11.

[315] Dio, 56, 29. Но, судя по всему, в том году его не было. Было частичное затмение луны 4 апреля и полное затмение 27 сентября.

[Мавзолей представлял собой огромный земляной курган, поросший кустарником, на основании или куполе, облицованном белым мрамором, окруженном дорожками и насаждениями, над которым возвышалась бронзовая статуя Августа. На сохранившемся фундаменте сейчас находится так называемый *Театр Корреа*. Кроме того, место, на котором было сожжено его тело, также было огорожено и засажено растениями. Strab., iv. 53. Middleton, *Remains of Ancient Rome*, vol. ii. p. 288.

[317] К его чести, однако, следует сказать, что он запретил выставлять гладиаторов *sine missione*, то есть без права на безопасный уход с арены в случае поражения, если того пожелает народ.

[318] См. примечание на с. 147.

[319] Horace, *Od.* iii. 8.

[320] Seneca, *Epp.* 114; *Дигесты*. 24, 1, 64.

[321] 2, 17, 13; 3, 1, 13; 3, 23, 5; 4, 3; 4, 4, 48; 4, 11, 3; 5, 6, 79-84.

[322] Для сравнения этих сумм с нашими деньгами 1000 сестерций можно принять за эквивалент примерно 8 фунтов 10 шиллингов, а денарий - за 10 дат.

[323] Фунт золота стоит около 45 фунтов стерлингов.

[324] Эти имена и некоторые другие слова стерты в надписях, как латинских, так и греческих.

Издательство "Грешем",
БРАТЯ УНВИН, ЛИМИТЕД,
УОКИНГ И ЛОНДОН.